

- ТЕКСТ
- ДИСКУРС
- КУЛЬТУРА

Материалы
Международной
научной конференции

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет романо-германской филологии
Кафедра немецкой филологии

85-летию факультета РГФ
посвящается

ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА

Материалы
Международной научной конференции

Краснодар, 19–20 мая 2023 г.

Краснодар
2023

УДК 81'37:81'42
ББК 81.2-5
Т 307

Редакционная коллегия:

Г.А. Баева, А.Т. Балабанов, М.П. Булгакова (Республика Беларусь),
С.С. Бычков, А.С. Горбатовский, З.И. Ломинина,
М.А. Олейник (отв. ред.), Н.А. Таранец, И.В. Четыркина,
О.Ю. Щибря, Л.М. Якубенюк (Республика Беларусь)

Т 307 ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА: материалы Международной научной конференции / ответственный редактор М.А. Олейник; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – 269 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2264-0

В центре внимания авторов сборника находятся проблемы, связанные с изучением различных аспектов категории времени в языке: темпоральность в синхронии и диахронии, категория времени в классической и современной литературе, в различных типах дискурса, в грамматической и лексической структуре языка, в неологизмах и фразеологии русского, немецкого, английского, абхазского, украинского и кетского языков.

Адресуется лингвистам, филологам, литературоведам, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими аспектами изучения языка.

УДК 81'37:81'42
ББК 81.2-5

ISBN 978-5-8209-2264-0

© Кубанский государственный университет, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении многих лет факультет романо-германской филологии Кубанского государственного университета вносит значимый вклад в исследование языков, литературы и культуры. Основными сферами интересов для исследований всегда считались традиционные для преподавателей факультета темы: актуальные вопросы зарубежной филологии, методики преподавания иностранных языков, проблемы перевода и др.

В 2011 году по инициативе зав. кафедрой немецкой филологии, д-ра филол. наук, профессора Марины Алексеевны Олейник и д-ра филол. наук, профессора Инны Валерьевны Четыркиной при поддержке профессорско-преподавательского состава кафедры в Анапе состоялась научная конференция, ставшая особо значимой для истории факультета РГФ – «Германистика в современном научном пространстве». Благодаря связям кафедры с отечественными и зарубежными вузами конференция приобрела международный статус и авторитет в научных кругах. В течение 11 лет данная конференция проводилась 8 раз, привлекая внимание все большего количества исследователей.

В настоящее время научные связи кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета вышли далеко за пределы исследования германистики. Важные темы исследований последних лет, результаты которых были представлены на научных мероприятиях кафедры, стали отражать также современные аспекты теории языка и общего языкознания. Это в свою очередь и стало импульсом для проведения международной конференции нового формата, получившей название «ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА» и посвященной категории времени в различных ее проявлениях. Конференция была организована совместно с факультетом немецкого языка Минского государственного лингвистического университета.

В материалах конференции затрагиваются теоретические аспекты взаимосвязи текста и темпоральности через призму нарративных стратегий, личностного хронотопа, ресурса смыслопорождения и неконвенциональных способов передачи времени. Анализ категории времени в художественном тексте был проведен на материале произведений таких писателей, как Г. фон Гофмансталь, Г. Гессе, Э.М. Ремарк, С. Беккет, Г. Белль, Г. Грасс, Ф. Иллиес, К. Исигуро и др.

Другой сферой научных интересов, широко представленной в сборнике, является история языка. Материалы конференции

объединили труды, посвященные диахроническим исследованиям категории времени в «Слове о полку Игореве», произведениях В.Н. Татищева, «Старшей Ливонской рифмованной хронике», «Правилах Ордена Бенедикта» IX–XX вв., учебных пособиях отдаленных от нас эпох и книгах-«экономиках» XVII в.

В издании также представлены статьи, освещающие категорию времени в медийном, политическом, школьном и туристическом дискурсе, в неологизмах и фразеологии, в исследованиях, связанных с семиотикой, концептологией, грамматической и лексической структурой языка, методикой преподавания немецкого языка и межкультурной коммуникацией.

Публикуемые материалы подготовлены учеными вузов Краснодар, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Воронежа, Геленджика, Горловки, Иваново, Калининграда, Луганска, Магадана, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Самары, Сочи, Таганрога, а также зарубежными коллегами из Республики Беларусь, Республики Абхазия, Федеративной Республики Германия, Французской Республики.

Многообразие представленных научных школ и направлений лингвистических исследований отражает разные подходы к изучению категории времени и ее потенциал как объекта научных исследований. Все отмеченное позволяет надеяться, что материалы Международной научной конференции «ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА» найдут своего заинтересованного читателя, в первую очередь среди филологов, лингвистов и литературоведов, интересующихся категорией времени в языке.

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.Н. ТАТИЩЕВА

З.Р. Аглеева

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань*

В статье идет речь о диахроническом аспекте вербализации категории времени в произведениях В.Н. Татищева. Рассматриваются способы выражения темпоральных отношений на лексическом, фразеологическом и морфологическом уровнях, соотносятся современные и устаревшие средства репрезентации категории времени.

Ключевые слова: категория времени, диахронический аспект, репрезентация, языковые уровни, варианты.

Время, наряду с пространством, является базовой категорией, определяющей научную и примитивную картину мира.

«Гуманитарный портал» приводит известное определение В.Л. Бернштейна: «Время – это фундаментальное свойство бытия, выраженное в форме движения, изменения и развития сущего из прошлого, через настоящее в будущее» [Гуманитарный портал]. Лингвистические исследования времени в диахроническом аспекте позволяют увидеть динамику языковых средств вербализации этой категории в разных языках. В рамках данной статьи мы решили остановиться на способах объективации темпоральности в произведениях Василия Никитича Татищева, первого русского историка, как часто его называют, учёного, общественного деятеля, астраханского губернатора, одного из «птенцов гнезда Петрова». Логично было бы вербализацию концепта «время» связать с одним из важнейших трудов русской историографии XVIII века – «Историей Российской» В.Н. Татищева, или, как он сам назвал, «История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым». В произведении, впервые напечатанном при Императорском Московском университете, рассматриваются события с древнейших времен до Рюрика, летописи с 860 по 1558 г., даётся ряд выписок об

истории Смутного времени. Историки отмечают критический стиль повествования, дискутируют по поводу изложенного, но материал столь обширен, что требует изложения в формате отнюдь не статьи. Остановимся на менее значительных по объёму произведениях, так как и они позволяют показать разнообразие способов выражения категории времени.

«Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», «Духовная», «Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной», «Представление о купечестве и ремеслах» В.Н. Татищева привлекают внимание разнообразными средствами объективации категории времени, причём в произведениях этого автора наблюдается большое количество диахронических и синхронических средств выражения временных отношений.

Как и в любом языке индоевропейской семьи, в русском языке высока роль глагольных форм в выражении категории времени, но в рассматриваемых нами произведениях В.Н. Татищева мало случаев расхождения с морфологическими нормами употребления глаголов (причастия и деепричастия заслуживают отдельного внимания), поэтому мы остановились на именных частях речи и наречии.

Основными средствами вербализации на лексическом и морфологическом уровнях являются ядерные темпоральные лексемы различной частеречной принадлежности: это прямые номинативные репрезентанты – как понятные современному читателю, так и архаичные. Перечислим некоторые из них: имена существительные (наиболее частотными являются названия времён года, месяцев – «иуний», «декабрь», синонимичные варианты «год»/«лето» – например, «монастырь новгородский, построен Антонием римлянином **около 1300 лета**», «хвалит прежние **свои лета**» и «... **в 1730 году** императрица Анна, разпространя и новые деревянные покои построя, имянован паки Головинский дом»; темпоральные наречия («прежде», «потом», «ныне», «доднесь», «после», «каждогодно», «во время», «инде», «не прежде» в значении «не ранее, не раньше»: «Сие (книгопечатание) в Европе начало свое возимело **не прежде 1440 лет по Христе...!**»; предложно-падежными формами («в одно время» в значении «однажды», «как-то», «в то ж время»), прилагательными (в начальной и компаративной формах «вешние», «зимние», «короче», «доле») (Татищев 1979).

Интересно использование автором устаревшего варианта числительного: «тысяча триста» – «тринадцать ста», «в среди 13 ста» – «в середине тринадцатого века» («Карпеин и Рубрик, описуя татар в среди 13 ста по Христе, сказуют о народе тангутах...») (Татищев 1979).

На синтаксическом уровне временные отношения выражаются свободными словосочетаниями и разными типами сложных предложений, но количество союзов с темпоральным значением ограничено по сравнению с современным русским языком (имеем в виду союзы «по мере того как», «между тем как», «едва только», «лишь только» и т.д.). Наиболее частотным является союз «когда»: «... кончится вешним равноденствием, т.е. сего года декабря от 10, **когда** солнце вступило в звездницу Козерога, марта по 9, **когда** солнце в знак пришло Овна, и сие всюду равно; По простому же разумению то время, **когда** снег на земли пребывает, все оное зима имянется» (Татищев 1979).

Вызывают интерес авторские дефиниции темпоральных существительных. Так, например, значение слова «весна» В.Н. Татищевым объясняется следующим образом: «Весна, время года первое, когда солнце знаки небесные Овна, Быка и Близнецов преходит, что начинается в равноденствие, марта 10 числа, а кончится на возврате солнца от нас, ныне в июнии 10 числа. Есть время приятное, зане вся земля рощениями обновляется, зеленостию и различными цветами увеселяет, тогда землянину и огороднику трудолюбивому есть время к оранию, сеянию и насаждению плодов, умножающее труд, с потом и надеждою совокупленное. Тогда и вся животная трудятся и прилежат о умножении рода своего, для котораго птицы приуготовляют гнезда. Словом единым, вся северная половина земли находится в весели, ибо весна не по всей земли в едино время бывает, и сущее когда в северной половине весна, тогда в южной осень бывает, еже экватором разделяется» (Татищев 1979, с. 210–211).

В текстах В.Н. Татищева встречаются параллельные синтаксические конструкции, включающие обозначение года, предложные и беспредложные: «Особое предложение 1736 напечатано; ...В оную профессоры съехались **в 1725 году** по смерти его величества». Как видим, автором может пропускаться слово «год». Отмечен и «неправильный» с точки зрения синхронии падеж: «О чем в Примечаниях академических 1731 году обстоятельнее описано, нежели здесь место терпит; Ачит... построена во время бунта башкирскаго 1736 году, где была башкирская деревня; около 1500 году; не весьма в давних летех» («году» вместо «года», «летех» вместо «летах»). Впрочем, в данном случае современное употребление требует форму «годах») (Татищев 1979).

Во временных конструкциях используется устаревшее значение предлога «по»: «построен **по взятии Казани**; Но **по разорении онаго турками** поселились ниже по Днепру в Сече, весьма крепком месте; **по**

смерти царя Алексея Михайловича; ...нуждно быть во время потопа некоему особному зверей роду, каковых **по потопе** в жизни не осталось». В современном русском языке сохранились лишь отдельные свидетельства временного значения этого предлога: «по прибытии», «по окончании», «по приезде». Разговорный вариант тяготеет к привычному -у, -ю («по прибытию», «по окончанию», «по приезду») (Татищев 1979).

Так же, как время и пространство неотделимы друг от друга в реальности, близки они и в работах В.Н. Татищева. Близость эта обнаруживается и в средствах выражения этих категорий. Встречаются языковые единицы, передающие, по М.М. Бахтину, хронотоп, т.е. неразрывную связь пространства и времени при ведущем значении времени [Бахтин, с. 234]. Так, в приведённом выше предложении «**Но по разорении онаго турками поселились ниже по Днепру в Сече, весьма крепком месте**» предлог «по» употреблён в первом случае в значении времени, во втором – пространства. Предлог «при» также отличается хронотопным значением: может употребляться как в темпоральном, так и в локальном значениях: «**При царе Иоанне Первом** князь Михаил Вишневецкой, учиня королю великую противность, ушел к ним...; Бочанка, крепость или слобода Исецкой **провинции при реке Исете**». В первом предложении имеется в виду значение «во время, в период», во втором – «рядом с». Второе значение собственно и дало жизнь пространственной приставке при- («приморский», «прикубанский», «пригородный» и т.д.). Синкретичны по семантике и предлоги «близ» и «около»: «В Китаях же, если их гисториям верить можем, **то близ потопа** обретение письма и начало законам полагают, да и Конфуций, их законодавец, жил недалеко от времен Моисеовых, которые некогда неколико яснее и вероятнее написали, нежели от греческих и римских гисториков видим» (Татищев 1979). Происходит темпорализация пространства или локализация времени.

Своеобразно летоисчисление: используется и архаичное уже при жизни Татищева «от сотворения мира» («Китайгород, или крепость Московская средняя, построен **в 7044 году**»), и новая периодизация, представленная вариативно («Епикур, которой жил **до Христа за 450 лет**; Карпеин и Рубрик, описуя татар **в среди 13 ста по Христе**, сказуют о народе тангутах...»), и приблизительное время («**Но по приобретении писем около или немного прежде Аврамовых лет** явились люди между оными, которые по их разсуждению зачали законы сочинять и, на лучшее наставляя, лучи малого сияния к благоразумию им открывать»...)(по ходу отметим, сколь колоритна

перифраза, обозначающая знания); «...во время Августа и Тиберия было» (Татищев 1979).

Средства не прямой, или вторичной, номинации также частотны: «**Окладные дани** те, которые **от времени до времени** непременно платить должны ...» (Окладные дани – терминологическое словосочетание синкретичного плана, в котором совмещаются временное и объектное значение – «денежная или ясачная (чаще пушным товаром) повинность, которой кто-либо обложен»); «... **день и ночь** пользы искали; **глубокая древность**»; «... древние философы, а более стихотворцы, сказывали о древнем **златом времени**». Дефиниция последней фразеологической единицы даётся в тексте «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской»: «Златое время, древние еллинские и римские поэты в баснях их писали, якобы оно во время Сатурново было, когда справедливость на земли царствовала и всяким обилием земля была преисполнена, неволи, обиды и труда не знали» (Татищев 1979).

Любопытна периодизация, которую даёт Татищев человеческой жизни: он видит всего четыре этапа жизни, причём в разных изданиях возрастные границы третьего и четвертого этапов варьируются (в целях экономии варианты показаны в скобках): «1) стан младенчества, от рождения до 12 лет; 2) юношества, от 12 до 25; 3) мужества, от 25 до 50 (60); 4) старости, от 50 (60) лет и далее». Вселенная проходит подобные же этапы: «состояние всего мира» разделяется им на «станы младенческий, юношеский и протч» (Татищев 1979).

Столь обычная оппозиция-триада прошлое-настоящее-будущее представлена у В.Н. Татищева тоже окказионально: «... в природе всех нас вкоренено, что мы мимошедшее хвалим, наставшему дивимся, будущего чаем» (прошлое = мимошедшее, настоящее = наставшее, будущее = будущее).

Комплексная, системная объективация категорий, элементов концептуальной картины мира невозможна без паремиологических единиц, столь широко представленных в русском языке. В.Н. Татищев включает паремии, содержащие прямые вербализаторы концепта «время» в произведения различного плана: «Вдруг кривулий не исправишь», «И Рим не в один год построен» (Татищев 1979).

Наблюдения над репрезентантами категории темпоральности в трудах В.Н. Татищева (только прямых наименований насчитывается более сотни) позволяют сделать вывод о том, что в середине XVIII века в русском языке шло интенсивное становление средств выражения категории времени. Несомненно, доминанты были уже сформированы (лексемы, известные и в современном русском языке, передавали

циклический и линейный характер времени, временную диалектику), но количественно-качественная система времени (единицы периферии концепта, конкретизаторы) только складывалась, конкурировали устаревающие и нарождающиеся способы выражения временных отношений.

Итак, категория времени в произведениях В.Н. Татищева репрезентируется разноуровневыми средствами языка, не только эксплицитными, но и имплицитными (например, названия знаков зодиакального круга как обозначение определённого периода: *когда солнце вступило в звездицу Козерога*) (Татищев 1979).

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Гуманитарный портал. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6947> (дата обращения: 06.05.2023).

Источники

1. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: «НАУКА», 1979. 405 с.

WAYS OF REPRESENTATION OF TIME CATEGORY IN THE WORKS OF V.N. TATISCHEV

Z.R. Agleeva

Astrakhan State University V.N. Tatishchev, Astrakhan

The article deals with the diachronic aspect of the verbalization of the category of time in the works of V.N. Tatishchev. The ways of expressing temporal relations at the lexical, phraseological and morphological levels are considered, modern and outdated means of representing the category of time are correlated.

Key words: category of time, diachronic aspect, representation, language levels, variants.

Об авторах:

Аглеева Зухра Равильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Астраханского

государственного университета им. В.Н. Татищева; e-mail:
z.agleeva@yandex.ru.

УДК 81'276.1=112.2=161.1=352.2

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДИОМ В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И АБХАЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Ф. Адлейба

Абхазский Государственный университет, Сухум

Идиомы в лингвокультурологии занимают особое место. Сопоставительный анализ идиом в немецком, русском и абхазском языках исследуется с целью определения некоторых семантических особенностей в германистике, славистике и абхазоведении. Идиоматика отражает прошлую и настоящую жизнь и культуру народов.

Ключевые слова: идиомы, немецкий, русский, абхазский, лингвокультурология, национальная психология, «апсуара».

В лингвистике изучение языков неразрывно связано с сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью человека. Исследование языка происходит с учетом языковой личности и языкового коллектива. В этой связи можно отметить интерес к лингвокультурному аспекту исследования языка, речи страны и народа, представителей другой лингвокультурной общности. Для понимания национального своеобразия языковых единиц необходимо владеть культурой, в которую входят язык и письменность, нравы и обычаи, стиль одежды, религия, семейные отношения, быт семьи, национальная психология. Национально-культурные особенности языков ярко отражаются на их идиоматике. С использованием идиоматических единиц можно познакомиться с народом, с образом его жизни, менталитетом.

Фразеологические единицы, поговорки, пословицы, в частности, идиомы дают нам возможность более тщательно изучить национально-психологические особенности людей, например, в нашем случае «апсуара» у абхазов. Идиоматические единицы в языке являются более эмоционально окрашенными, так как они отражают национальную культуру народа.

В.Н. Телия отмечает, что «язык как зеркало культуры участвует во всех аспектах культурного творчества, являясь инструментом осмысления мира и его понимания» [Телия 1996, с. 270–271].

Идиомы – это устойчивые выражения, которые понятны только носителям языка и тем, кто имеет высокий уровень знания иностранного языка. Идиомы не подлежат дословному трансляту и употребляются для того, чтобы придать речи стилистическую эмотивную нагруженность.

Как известно, идиоматика удерживается в языке веками. Речь наших предков была устлана красноречием, идиомами, метафорами, всё это в комплексе способствовало определению высокого стиля речи, богатству языка и в целом становлению культуры народа.

Рассмотрим некоторые идиоматические единицы, содержащие темпоральную семантику и характеризующие язык и культуру трёх различных народов, трёх разноструктурных языков (немецкого, русского и абхазского) с целью определения лингвокультурных особенностей, а также установления некоторых семантических свойств.

Время – главный элемент нашей жизни. Мы рождаемся, мы взрослеем, мы стареем, мы лишаемся жизни – это всё время. Не удивительно, что в языке народов есть много идиом, фразеологических выражений, пословиц, поговорок, содержащих лексему «die Zeit» – «время».

Приведем идиомы в немецком и их эквиваленты в русском и абхазском языках, отражающие категорию времени и сделаем их логическую интерпретацию.

«Zeit ist Geld». «Время – деньги». «Аамта аху еихаракуп».

Это идиоматическое выражение употребляется в языке с целью экономии времени, бережного отношения ко времени в различной деятельности. Равномерное и правильное распределение времени, как известно, даёт возможность человеку своевременно завершить все необходимые дела, дорожить временем, т.е. всё делать вовремя. Следование данной идиоме приводит образ жизни и ум людей в порядок.

«Die Zeit heilt alle Wunden». «Время – лучший лекарь». «Время лечит раны». «Время даже камень крошит». «Аамта ахуракуа аргьиоит».

«Время лечит» – так говорят в утешение, когда случается какая-то беда. Нужно подождать и горе со временем уменьшится, не будет таким острым. «Потерянного времени не воротишь» – это значит нельзя изменить то, что уже произошло, теперь надо думать о будущем.

В этой идиоме ярко выражена категория времени. Все невзгоды, происходящие в жизни, могут завершиться спустя некоторое время. Человек может забыть всё негативное частично или полностью через определенный промежуток времени. Однако в душе рана может быть всю жизнь. Хочется привести наглядный пример из образа жизни матери, которая потеряла сына на войне. В Абхазии в 19–20 вв. в отличие от других народов мать пожизненно носила траур по потере сына, но с истечением времени такой обычай стал изживать себя. И срок ношения траура принял определенный отрезок времени, до одного года, но для некоторых и более. В душе матери такая рана может излечиться только частично, т.к. она будет об этом помнить всю жизнь, всегда. Рассматриваемая идиома, на наш взгляд, имеет двоякую коннотацию, т.е. как частично негативную, так и частично позитивную.

«(Auf) immer und ewig». «(На) всю жизнь, вовеки, до конца дней, до самой смерти». «Сыпсы танацы, ахааназы, сыпсаандза». z.B. «Ich werde immer und ewig an dich denken». «Я всю жизнь буду помнить тебя». «Сара бара есымша сгу бтазаауеит».

Данное идиоматическое выражение предопределяет преданность, любовь, верность к людям или к какому-либо делу. Например: клятва жениха и невесты во время церемонии бракосочетания, клятва военнослужащих во время принятия присяги, в медицине – клятва Гиппократата. Семантика лексем *immer* и *ewig* в рассматриваемой идиоме в немецком, русском и абхазском языках идентична.

Изучение идиоматики расширяет представление не только о языке, но и даёт возможность внести в цивилизацию и культуру языка определённый вклад.

В исследуемых идиомах маркерами темпорального значения служат лексемы «*die Zeit*», «*ewig*», «*immer*». Они инициируют в идиоматических единицах категорию времени.

Таким образом, идиомы передаются из поколения в поколение без изменений, чего нельзя сказать ни о каком другом уровне языка. Поэтому и считается, что идиома – это код культуры и языка народа, и что идиома экономична и лаконична в своем употреблении. В идиомах отражается прошлая, настоящая жизнь и культура народов, носителей языка.

Библиографический список

1. Ахманова О.С., Гюббеит И.В. Вертикальный контекст как фразеологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. №3. С. 47–54.
2. Гусейнова М.М. Сопоставительный анализ идиом немецкого и русского языков // Мир науки, культуры, образования. 2022. С. 3–12.
3. Касландзия В.А. Апсуа бызша афразеологият жуар. Сухум: Алашара, 2007. С. 20-45.
4. Квициния Ш.И. Идиоматика художественного текста как лингвокультурологическая проблема. М.: РАН, 2007. 172 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF IDIOMS IN GERMAN, RUSSIAN AND ABKHAZIAN LANGUAGES

L.F. Adleyba

Abkhaz State University, Sukhum

Idioms occupy a special place in linguoculturology. Comparative analysis of idioms in German, Russian and Abkhazian languages is studied in order to determine some semantic features of units in Germanic, Slavonic and Abkhazian studies. Idioms reflect the past and present life and culture of peoples.

Key words: idioms, German, Russian, Abkhazian, linguoculturology, national psychology, «apsuara».

Об авторах:

Адлейба Лариса Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Абхазского Государственного Университета; e-mail: larisa57-09@mail.ru.

ПАМЯТЬ И НАРРАТИВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ-МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ

А.А. Анохина

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Калининград*

Немецкоязычная проза авторов-мигрантов из бывшего СССР склонна к гибридизации жанровых форм и объединяет в себе черты автобиографии, исторического романа, семейного романа. Современные авторы-мигранты часто обращаются в своих произведениях к воспоминаниям о прошлом в родной стране, что оказывает определенное влияние на формирование образа России в немецкоязычном культурном пространстве.

Ключевые слова: мигрантская проза, мигрантская литература, память, семейный роман, мигрантский роман.

Принятие «мигрантской» литературы немецкоязычным обществом происходило постепенно: как феномен эта литература появилась еще в 1950-х годах, но лишь через несколько десятилетий стала восприниматься как полноценная часть немецкоязычного культурного пространства. Творчество писателей-мигрантов из бывшего СССР, таких как, например, В. Вертлиб, К. Петровская, А. Бронски, В. Каминер и других, вызвало особый читательский интерес в начале 2000-х годов, после чего стало объектом научного исследования отечественных и зарубежных литературоведов. Исследователи отмечают важную роль использования воспоминаний в современной немецкоязычной прозе как фактора формирования межкультурной литературы [Haubacher 2009], наличие в произведении элементов различных жанровых форм [Isterheld 2017], а также рассматривают произведения не только с точки зрения культурного, но и также языкового трансфера [Wanner 2011], [Белобратов 2015а, 2015б].

Современные авторы-мигранты задают новую перспективу мигрантской литературы, обращаясь в своих произведениях не только к проблемам отдельного мигранта в чужом культурном и языковом пространстве, но и делая попытки поиска «автофикциональной семейной памяти» [Schenk 2007, с. 255]. Семья играет важную роль в

произведениях мигрантской прозы, поскольку часто выступает фоном для развития сюжета произведения, тем самым помогает читателю соприкоснуться с иноязычными культурой и традициями. Именно семья оказывает особое влияние на поиск собственной идентичности главных героев в романах А. Бронски «Парк осколков» («Scherbenpark») (2008), Л. Горелик «Собирательница списков» («Die Listensammlerin») (2013) и «Мои белые ночи» (Meine weißen Nächte) (2004), Э. Хуммель «Рыбы Берлина» («Die Fische von Berlin») (2005) и «Венера в окне» (Die Venus im Fenster) (2009), В. Вертлиба «Остановки в пути» (1999). Доминирование тематики, связанной с детством, отрочеством, конфликтами между поколениями одной семьи делает произведения писателей-мигрантов схожими с классическим семейным романом.

Использование в произведениях мигрантской прозы семейных воспоминаний обладает несколькими функциями: с одной стороны, это позволяет реконструировать события прошлого, не претендуя на историческую объективность, а рассматривая факты с точки зрения одной семьи, с другой – именно память становится основанием формирования межкультурной идентичности главных героев произведений, поскольку «идентичность создается и в то же время констатируется через воспоминания» [Straub, Rüsen 1998, S. 22].

Писатели-мигранты задают новую перспективу межкультурной литературы, поскольку в своих произведениях часто обращаются к темам, вызывающим особый интерес немецкоязычной публики: важным историческим событиям, а также адаптации мигранта в немецкоязычном обществе. При этом особенностью произведений писателей-мигрантов становятся временные и топографические «загадки», связанные с гетерогенностью воспоминаний героев. Яркими примерами такого неоднородного пространственно-временного континуума могут служить произведения В. Вертлиба (Vertlib 2015, S. 17) и К. Петровской (Petrowskaya 2014), Э. Хуммель (Hummel 2005).

Стоит отметить особое значение обращения к реальным историческим событиям в произведениях эмигрантской прозы ввиду её влияния на формирование образа русской истории для немецкоязычной общественности. В романах писателей-мигранты затронуты такие исторические события, как Вторая мировая война (Vertlib 2015), (Petrowskaya 2014), «сталинские чистки» и трудовые лагеря (Hummel 2005; Martynova 2010), жизнь советских диссидентов (Gorelik 2013), дискриминация еврейского населения (Vertlib 1999, 2001, 2003; Hummel 2009; Martynova 2013).

Используемые писателями воспоминания о прошлом, с одной стороны, необходимы для того, чтобы не потерять себя и не

раствориться в культуре принимающей страны, сохранив собственные семейные традиции и память о событиях, послуживших причиной эмиграции. С другой стороны, воспоминания оказывают влияние на принимающую культуру. При этом особый интерес вызывает процесс взаимовлияния национальной культурной памяти и немецкой культурной памяти через язык и произведения авторов-мигрантов. И даже если мигрант не может вписаться в прошлое принимающей страны, он может повлиять на ее будущее.

Библиографический список

1. *Белобратов А.В.* Немецкоязычная литература миграции на рубеже тысячелетий: от традиционализма к постмодерну и обратно // Вопросы филологии / под ред. Е.А. Зачевского, А.В. Хохлова. СПб.: Изд-во ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». 2015а. Вып. 20. С. 97–108.

2. *Белобратов А.В.* Германист Лев Копелев – от идеологического присвоения к культурному посредничеству // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. Вып. 1. 2015б. С. 8–19.

3. *Hausbacher E.* Transnationale Schreibweisen in der zeitgenössischen Migrationsliteratur. Tübingen: Stauffenburg, 2009. 315 S.

4. *Isterheld N.* In der Zukunft Europas. Zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen. Bamberg: University of Bamberg Press, 2017. 484 S.

5. *Schenk K.* Autofiktionale Aspekte in der gegenwärtigen Migrationsliteratur // Valentin, Jean-Marie (Hg.). Migrations-Emigrations- und Remigrationskulturen. Bern, 2007. 255 S.

6. *Straub J., Rüsen J.* Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewusstsein. Erinnerung, Geschichte, Identität. 2. Auflage. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1998. 456 S.

7. *Wanner A.* Out of Russia. Fictions of a New Translingual Diaspora. Evanston. (I.): Northwestern University Press, 2011. 250 p.

Источники

1. *Gorelik L.* Die Listensammlerin. Berlin: Rowohlt, 2013. 352 S.
2. *Hummel E.* Die Fische von Berlin. Göttingen: Steidl, 2005. 224 S.
3. *Martynova O.* Sogar Papageien überleben uns. Graz; Wien: Droschl, 2010. 208 S.
4. *Martynova O.* Mörikes Schlüsselbein. Graz: Droschl, 2013. 320 S.

5. *Petrowskaja Katja*. Vielleicht Esther. Berlin: Suhrkamp, 2014. 285 S.
6. *Vertlib W*. Zwischenstationen. Wien: Deuticke, 1999. 292 S.
7. *Vertlib W*. Das besondere Gedächtnis der Rosa Masur. München: dtv Verlagsgesellschaft, 2001. 432 S.
8. *Vertlib W*. Letzter Wunsch. München: dtv Verlagsgesellschaft, 2003. 400 S.
9. *Vertlib W*. Lucia Binar und die russische Seele. Wien: Thelem, 2015. 320 S.

ERINNERUNG UND NARRATION IN DEN WERKEN ZEITGENÖSSISCHER AUTOREN MIT MIGRATIONSHINTERGRUND IN DEUTSCHLAND

A.A. Anokhina

Baltische Föderale I. Kant Universität, Kaliningrad

Die deutschsprachige Prosa von Migrantenauteuren aus der ehemaligen Sowjetunion neigt zu einer Hybridisierung von Gattungsformen und verbindet Merkmale von Autobiographie, historischem Roman und Familienroman. Die zeitgenössischen Migrantenauteuren greifen in ihren Werken häufig auf ihre Erinnerungen an die Vergangenheit in ihrer Heimat zurück, was einen gewissen Einfluss auf die Bildung des Russlandbildes im deutschsprachigen Kulturraum hat.

Schlüsselwörter: Migrantenprosa, Migrantenliteratur, Erinnerung, Familienroman, Migrantenroman.

Об авторах:

Анохина Анастасия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации Балтийского Федерального университета имени И. Канта; e-mail: AAAnokhina@kantiana.ru.

РАЗГОВОРНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ КАК ИСТОЧНИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ОТДАЛЕННОЙ ЭПОХИ

Г.А. Баева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Задача исследования – определение коммуникативного потенциала и структурно-семантических особенностей обучающих диалогов, являющихся продуктом повторяющихся интерактивных социокультурно значимых действий, запечатленных в разговорниках и учебных пособиях на немецком языке в XVII в.

Ключевые слова: разговорник, учебное пособие, социокультурная практика, коммуникация, диалог, контекст

Осмысление и освоение родных, «народных», языков произошло примерно 600 лет тому назад и было связано с постепенным отступлением и вытеснением латыни как *lingua franca* в Европе [Glück 2002].

Создание пособий по обучению языкам и двуязычных и многоязычных разговорников (нем. «Sprachbuch», «Gesprächsbuch», «Lehrwerk») было обусловлено как утилитарными, торгово-коммерческими, так и культурно-познавательными целями [Баева 2021; Linke 2021]. Такое противопоставление, однако, не носило принципиального характера, но могло фигурировать в названии учебного пособия, вытекать из тематики предлагаемых бесед и словника к ним, а также указывать на сферы использования (в деловых поездках, для путешествий и далее с расширением социально-культурного контекста, особенно в XVII в., для ведения галантной беседы, для демонстрации хороших манер во время визитов, рассадки за столом, при принятии пищи и т.п.). Ключевым определением в названии является прилагательное «общее», в современном прочтении «обычный», «распространенный», «общераспространенный». Его можно встретить как характеристику учебных пособий на титульных листах и/или в предисловиях к учебникам, в оглавлениях и в названиях глав, т.е. вполне очевидно намерение представить коммуникативные события ясными, привычными и реалистичными.

Пособия аккумулировали в себе коммуникативный опыт носителей языка в определенный отрезок времени и при описании бытового и делового контекстов передавали особенности речевого этикета, моделирование образов собеседников, использование разговорного языка, т.е. отражали некий временной опыт исторической действительности, в случае двуязычных или многоязычных разговорников – в сопоставлении с опытом другого народа и языка.

Бытовые и деловые ситуации в первых учебных пособиях обычно представлены как диалоги двух или нескольких людей (например, у Невенбурга (1629) эта ситуация описывается под рубрикой «Ein gesprech Zweyer guten freunde» («Разговор (беседа) двух добрых друзей»).

В анализируемых пособиях XVII в. среди предложенных диалогов много таких, которые вполне соответствуют социальным экстралингвистическим контекстам современности (знакомство, приветствие, прощание, пожелание, запрос конкретной информации и т.п.), что помогает нам при их семантизации и интерпретации. При этом диалоги ранних разговорников (Фенне 1607) достаточно четко указывают на время, место, отношения адресанта и адресата друг к другу (свой-чужой, господин/хозяин-слуга, реже – возрастные и гендерные различия), что проявляется, например, в обращениях, в мягких или жестких императивах, особых формах вежливости и т.п.), т.е. дают достаточно широкий социокультурный контекст, связанный с ориентацией на коммерческие отношения. Учебные диалоги далеко не всегда предполагают наличие ситуативного экстралингвистического контекста, который формируется и «дешифруется» лишь после осмысления речевой структуры с учетом социальных связей и исторического времени [Linke 2021; McLelland 2018, p. 208]. Аутентичная интерпретация отдельных диалогов может вызывать сложности прежде всего из-за «неактуальности» и даже надуманности с позиций современности некоторых тем (например, как правильно сложить белье для сушки, как попасть на предполагаемую свадьбу; особенно это касается поведения за столом: приглашение, рассадка, мытье рук за столом перед приемом пищи (Wasser nehmen), особый ритуал распределения и раскладывания еды (vordienen und vorlegen), предложения выпить (jemandem eins bringen, Bescheid tun) и т.п.), которые демонстрируют особенности социокультурной коммуникативной практики отдаленной эпохи.

Учебные диалоги во многих случаях содержат косвенные директивы, построенные по прототипической схеме, в котором сначала дается предзапрос, а затем происходит уточнение

возможности выполнения запроса. Если адресат дает согласие на выполнение просьбы (доброжелательный ответ), то далее следует вербализация просьбы. Прототипом предварительных запросов будут, например, вопросы о наличии желаемых или других товаров. Однако адресат может также выполнить (неявный) запрос, и поэтому предварительные запросы становятся отправной точкой для условных косвенных указаний [Levinson 1983, p. 357]. Другая группа диалогов содержит в качестве предзапросов адресно-ориентированные формулировки. Здесь, например, возникает вопрос о наличии у адресата искомого товара («Hat der Herr gut Lacken?») или предложение в повелительном наклонении («Gebet mir ein schönes und gutes Tuch zu einem Kleide»).

В диалогах как разговорников, так и учебных пособий, присутствуют такие показатели устной речи, как императивы, вопросы, неполные предложения, модальные глаголы, частицы, междометия, пословицы.

Библиографический список

1. *Баева Г.А.* Развитие типа текста «разговорник»: между словарем и учебником (на материале ранних немецко-русских разговорников) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* СПб.: Изд-во СПбГУ., 2021. С. 113–136.
2. *Glück H.* Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin, Boston: De Gruyter, 2002. 364 S.
3. *Levinson S. C.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 389 p.
4. *Linke A.* Frühneuzeitliche Lehrdialoge als kommunikations- und kulturgeschichtliche Quellen. Eine Exploration zu interaktiven Praktiken der Beziehungs- und Statuskonstitution / Fremdsprachenlehrwerke in der Frühen Neuzeit: Perspektiven – Potentiale – Herausforderungen. Hrsg. von J. Hübner u. H. J. Simon. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2021. S.195–225.
5. *McLelland N.* Dialogue and German language learning in the Renaissance // Heitsch D. & Vallée J.-F. (Hrsg.) Printed Voices: The Renaissance Culture of Dialogue. Toronto: University of Toronto Press, 2018. P. 206–225.

PHRASE BOOKS AND STUDY GUIDES AS SOURCES OF SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION PRACTICES OF A DISTANT ERA

G.A. Baeva

St. Petersburg State University, St. Petersburg

The objective of the study is to determine the communicative potential and structural and semantic features of teaching dialogues, which are the product of repeated interactive socio-culturally significant actions captured in German phrasebooks and textbooks in the 17th century.

Key words: phrasebook, textbook, sociocultural practice, communication, dialogue, context

Об авторах:

Баева Галина Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: g.baeva@spbu.ru.

УДК 81'36=112.2

ZUM PROBLEM DER BEEINFLUSSUNG DER GRAMMATISCHEN EIGENSCHAFTEN VON DEUTSCHEN PHRASEOLOGISMEN DURCH SEMANTIK

A.T. Balabanov

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Im vorliegenden Beitrag werden die Probleme der deutschen Phraseologismen behandelt, die unter Einfluss der semantischen Prozesse der Umdeutung bei der Formierung des phraseologischen Bestandes ihre grammatischen Eigenschaften geändert haben und die Tendenz zum eingeschränkten Funktionieren dieser Spracheinheiten in der Rede im Rahmen verschiedener kategorialen Merkmale aufweisen.

Schlüsselwörter: der Phraseologismus, das distinktive Merkmal, die Festigkeit, die feste verbale Wortfügung, die semantische Ganzheit, die Umdeutung, der semantische Schub, das Paradigma, die Einschränkung, funktionieren.

Das Anliegen dieses Beitrags besteht im Versuch der Klärung einiger wesentlicher Probleme der deutschen Phraseologie der Gegenwart. Hier wird kurz auf die zeitlichen Verhältnisse im Funktionieren einer großen Klasse von Phraseologismen eingegangen, die dem Verb als Redeteil im Hinblick auf deren Semantik und syntaktische Funktion nahe liegen, weshalb sie in der Linguistik als feste verbale (zeitwörtliche) Wortkomplexe betrachtet und untersucht werden.

Als formaler Träger aller kategorialen Prädikatsmerkmale dieser Art der Phraseologismen tritt das zur phraseologischen Fügung zugehörige Verb auf. Wie alle Verben des Deutschen weisen verbale Phraseologismen beim Fungieren in der Rede solche kategorialen Merkmale auf wie Genus, Modus, Tempus, Zahl und Person [Lexikon der Sprachwissenschaft 1983, S. 571]. Ferner werden wir uns mit den Problemen verbaler Phraseologismen hinsichtlich der Kategorie des Tempus (der Zeit) auseinandersetzen.

Wie bekannt zeichnen sich die meisten idiomatischen Wendungen durch eine Reihe distinktiver Merkmale aus, darunter durch das der Festigkeit, das in Verbindung mit Reproduzierbarkeit von den meisten Linguisten akzeptiert wird. Das Wesen der Festigkeit offenbart sich dadurch, dass die phraseologischen Wendungen in der Rede nicht geschaffen werden (wie freie syntaktische Wortfügungen), sondern sich mit all ihren strukturell-semantischen Eigenschaften in der Art reproduzieren lassen, wie sie in der Sprache (im Wörterbuch) fixiert sind [Чернышева 1970]. Dabei rückt in den Vordergrund die Rolle der Festigkeit, die folgendes voraussetzt:

- stabile (unveränderliche) Bedeutung (semantischer Aspekt);
- stabil reproduzierbare Lexeme als Komponenten des jeweiligen Phraseologismus («jmdm. *den Kopf waschen*», aber nicht «*den Hals*», «*den Nacken*» - lexikalischer Aspekt);
- stabiles Funktionieren in der Rede der Komponenten in einer Reihenfolge («*alt und jung*», aber nicht «*jung und alt*» - strukturell-syntaktischer Aspekt);
- stabiles Funktionieren in der Rede des Phraseologismus als semantischer Ganzheit in einer der festen Fügung eigenen grammatischen Form («jmd. *hat bessere Tage gesehen*», aber nicht «jmd. *sieht / sah bessere Tage*» - morphologischer Aspekt hinsichtlich der Zeitform).

Unter den von uns erwähnten Aspekten der Festigkeit besteht eine gewisse Graduierung, die sich in der Richtung von höherem zu niedrigerem Grad offenbart. Der höchste Grad (absolute Festigkeit in allen Aspekten) wohnt den festgeprägten Sätzen inne (salopp «*Der Bart ist ab*» - «*es ist zu Ende, nichts mehr zu machen*») [Reichstein 1973].

Was verbale Phraseologismen anbetrifft, besitzen sie einen recht hohen Grad an Festigkeit in allen erwähnten Aspekten ausschließlich des morphologischen Aspektes, d.h. die meisten verbalen Phraseologismen sind in geringerem Maße morphologisch fest; sie fungieren in der Rede meistens wie die Verben bei ihrem Gebrauch in der freien syntaktischen Wortfügung im Rahmen aller fünf Kategorien mit minimalen Einschränkungen.

Innerhalb der großen Klasse von verbalen phraseologischen Fügungen findet sich aber ein gewisser Teil der völlig umgedeuteten Phraseologismen (Idiome), die ein reduziertes Paradigma der einen oder der anderen Kategorie aufweisen, darunter auch die der Kategorie der Zeit.

Das Deutsch-Russische Wörterbuch von L.E. Binowitsch und I.N. Grischin [Немецко-русский фразеологический словарь 1975] enthält 28 verbale idiomatische Wendungen, die in der Rede nur in einer (manche in zwei) von sechs Zeitformen gebraucht werden können. Diese Wendungen lassen sich in vier Gruppen einteilen und sind quantitativ wie folgt vertreten:

1) 3 Wendungen, die in der Rede nur im Präsens vorkommen (vom Typ «*das trägt die Katze*» / «*die Maus auf dem Schwanz*» – «*etw. ist zu wenig*»);

2) 9 Wendungen, die in der Rede nur im Präsens bzw. im Präteritum funktionieren (vom Typ «*sich kein Bein ausreißen*» – «*sich bei der Arbeit keine Mühe geben*»);

3) 2 Wendungen, die in der Rede nur im Futur I gebraucht werden können (vom Typ «*wir werden das Kind schon schaukeln*» – «*wir werden schon die Sache erledigen*»);

4) 14 Wendungen, für die der Gebrauch in der Rede nur im Perfekt bzw. im Plusquamperfekt möglich ist (vom Typ «*den Narren / Affen an jmdm., etw. gefressen haben*» – «*für jmdn., etw. eine übertriebene Vorliebe haben*»).

Bei der Deutung der grammatischen Eigenschaften der zu untersuchenden festen verbalen Wortfügungen gehen wir von den theoretischen Grundsätzen aus, die in der zweiten Hälfte des XX. Jahrhunderts in den Werken mehrerer sowjetischer und ausländischer Linguisten wie W.W. Winogradow, N.N. Amosowa, A.W. Kunin, A.I. Molotkov, I.I. Černyševa, A.D. Reichstein, W.N. Telija, W. Fleischer, Th. Schipann und vieler anderer erarbeitet wurden und bis heute immer noch aktuell sind.

I.I. Černyševa hat viel zur Untersuchung der Spezifik der phraseologischen Bedeutung beigetragen und interpretiert deren Besonderheiten als Ergebnis des Prozesses sekundärer Nominalisierung von freien syntaktischen Wortfügungen (Prototypen der Phraseologismen), die

infolge der völligen Umdeutung aller Komponenten (des semantischen Schubs) entstanden sind [Чернышева 1975, с. 653].

Dieser Prozess beeinflusste unseres Erachtens auch einen Schub der grammatischen Bedeutungen im Rahmen aller fünf Kategorien, die den hier zu untersuchenden festen verbalen Wortfügungen innewohnen, darunter auch der des Tempus, was durch gewisse Einschränkungen beim Funktionieren dieser Einheiten in der Rede zutage kommt.

Es sei darauf hingewiesen, dass verbale Komponenten der untersuchten festen Wendungen primäre grammatische Bedeutungen einigermaßen eingebüßt und dabei manche neue entwickelt haben, was anhand der Beispiele am Material der schon erwähnten Einteilung ersichtlich ist und sich bis zu einem gewissen Grad erklären lässt. Ferner wird ein Versuch unternommen, die besagten Phänomene diesbezüglich zu interpretieren und dadurch zu bestimmten Feststellungen zu kommen.

(1) Bei den festen Wendungen dieser Gruppe geht es um die Einbuße aller Bedeutungen der Kategorie der Zeit außer der des Präsens.

Vgl.: «*ich fresse einen Besen, wenn ...*» («*das ist ganz bestimmt nicht wahr*») – die Beteuerung dessen, dass etw. so ist / aussieht, wie es darüber berichtet wird; dabei kommt hier die futurische Bedeutung des Präsens zum Ausdruck, gebunden an die erste Person Singular bzw. Plural.

Die Wendung «*das trägt die Katze / die Maus auf dem Schwanz*» («*etw. ist zu wenig*») ist eine subjektive Feststellung der Menge von etwas, die im Redemoment (grammatischer Gegenwart – Präsens) erfolgt. Dabei kommt bei *trägt* die semantische Dominante von Gegenwart «hier und jetzt» zutage, weshalb die Rede nur von der momentanen emotionalen Feststellung einer geringen Menge von etwas sein kann.

(2) Das Funktionieren der festen Wendungen dieser Gruppe betrifft nur deren Gebrauch je nach der Erzählperspektive (Gegenwart oder Vergangenheit).

Vgl.: «*j-d kann / konnte keiner Fliege ein Bein ausreißen*» – «*niemandem etw. zuleide tun*».

(3) Im Futur I drücken feste Wendungen entweder emotionelle Bedrohung mit Hinweis auf deren künftige Realisation aus oder Lösung eines komplizierten Problems in der Zukunft.

Vgl.: «*dem werde ich es versalzen*» – («*jmdm. die Freude verderben*»);
«*wir werden das Kind schon schaukeln*» – «*wir werden schon die Sache erledigen*».

(4) Feste Wendungen dieser Gruppe werden in der Rede in zwei Zeitformen – Perfekt und Plusquamperfekt zum Ausdruck der vermeintlichen Vorzeitigkeit gebraucht, ohne den Verben als Redeteil eigene paradigmatische Bedeutungen dieser Zeitformen zu realisieren (demgemäß

Vorzeitigkeit in Bezug auf die Handlung im Präsens und in Bezug auf die im Präteritum). Im Gegenteil, infolge des besagten Schubs ist es zu kennzeichnen: diese Wendungen sind in dem Maße semantisch verändert, dass sie weder eine Handlung, noch einen Vorgang zu bezeichnen vermögen, sondern eher einen moralisch-seelischen Zustand der jeweiligen Person bzw. subjektiv-emotionale bildhafte und abwertende Feststellung deren psychischen oder intellektuellen Veranlagung.

Vgl.: «j-d hat das Pulver nicht erfunden» – «j-d ist nicht besonders klug»;
«j-d hat die Weisheit mit Löffeln gefressen» – «j-d dünkt sich sehr klug».

Dazu kommt auch, dass die Termini «Vorzeitigkeit» und «Gleichzeitigkeit» nur bedingt zu gebrauchen sind, weil sie bloß auf eine quasi Gegenüberstellung von Vor- und Gleichzeitigkeit hinweisen und keine diesbezüglichen realen Zeitverhältnisse widerspiegeln.

Ferner wäre es angebracht, daran gemahnt zu werden, dass der Gebrauch von idiomatischen Wortfügungen in der Rede ohne Rücksicht auf die Festigkeit in allen ihren Aspekten zur Zerstörung der semantischen Struktur der jeweiligen festen Wendung führen kann (vgl. in unserem Fall: «er *erfindet* das Pulver nicht», ähnlich – «das *trug* die Katze / die Maus auf dem Schwanz»).

Wie bekannt kommt die besagte Zerstörung im Redeverkehr der Kinder vor, die Deutsch als Muttersprachler sprechen und idiomatische Wendungen aufgrund ihrer nicht ausreichenden Sprachkenntnisse buchstäblich verstehen, was auch unter den Trägern der anderen Sprachen (den Ausländern) beim Verkehr in einer Fremdsprache (in unserem Fall in Deutsch) zu kennzeichnen ist.

In diesem Zusammenhang muss abschließend gesagt werden, dass die von uns hinsichtlich grammatischer Spezifik deutscher fester Wortfügungen unternommene Untersuchung der weiteren Entwicklung bedarf, sowohl aus rein theoretischen, als auch praktischen Gründen.

Literaturverzeichnis

1. Чернышева И.И. Немецкая фразеология и принципы ее систематизации // Послесловие к Немецко-русскому фразеологическому словарю Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина. М.: Русский язык, 1975. С. 651–656.

2. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 200 с.

3. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1983. 400 S.

4. Reichstein A.D. Zur Analyse der festgeprägten Sätze im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache. 4. 1973. S. 222–225.

Quellen

1. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. 650 с.

2. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bände 1 – 6. Berlin: Akademie-Verlag, 1974–1978.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ СЕМАНТИКИ НА ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

А.Т. Балабанов

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной работе рассматриваются проблемы немецких фразеологизмов, которые в ходе формирования фразеологического фонда под воздействием семантических процессов переосмысления свободных словосочетаний изменили свои грамматические свойства и в современном языке обнаруживают тенденцию к ограниченному функционированию в рамках различных категориальных признаков, в частности категории времени.

Ключевые слова: фразеологизм, дистинктивный признак, устойчивость, морфологическая устойчивость, устойчивый глагольный комплекс, семантическая неделимость, переосмысление, семантический сдвиг, парадигма, функционировать, ограничение.

Об авторах:

Балабанов Анатолий Тарасович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: balabanovat@list.ru.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСПЕКЦИИ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ГОРОСКОПОВ

В.В. Бейм

Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск

В исследовании гороскоп определяется как прогностический текст, важнейшей чертой которого является представление будущего. Основными средствами создания перспективного плана в гороскопе выступают футуральный презенс, презенс в значении расширенного настоящего, футурум I. Использование в гороскопе языковых средств с семантикой будущего зависит от типа гороскопа, даты выхода журнала из печати и периода прогноза.

Ключевые слова: прогностический текст, гороскоп, темпоральность, немецкий язык, будущее время.

В современном мире с высоким динамизмом перемен тексты гороскопов становятся востребованными, что объясняется постоянным стремлением человека узнать свое будущее. Таким образом, прогноз как одна из прагматических характеристик будущего времени становится центральной областью темпоральной структуры гороскопа.

Вслед за В.Б. Кашкиным и Е.Р. Савицкайте [Кашкин 2005, с. 347; Савицкайте 2008, с. 123], гороскоп рассматривается в данном исследовании как прогностический текст, под которым понимается «текст, основная прагматическая установка которого темпорально относится, прежде всего, к будущему и включает в себя прогноз как тематическое ядро» [Князева 2009, с. 207].

Обращенность текста гороскопа к событиям в будущем свидетельствует о том, что тематическим ядром гороскопа является прогноз.

Как в любом тексте, в тексте гороскопа имеются темпоральные ориентиры – своеобразные временные координаты, определяющие восприятие текста. В обычной (канонической) ситуации общения такими ориентирами выступают момент речи, момент действия и момент наблюдения. Поскольку гороскоп является письменным текстом, данные временные координаты выступают в нем в несколько модифицированном виде.

Так, в качестве точки отсчета времени и условного момента речи в гороскопе мы рассматриваем дату выхода журнала, в котором публикуется гороскоп, из печати. Соответственно, временные отношения в гороскопе разделяются на три временных плана: 1) план будущего – следование за датой выхода гороскопа из печати (выражение проспекции); 2) план прошлого – предшествование дате выхода гороскопа из печати (выражение ретроспекции); 3) план «настоящего времени» автора гороскопа и читателя – совпадение с датой выхода гороскопа из печати (выражение интроспекции). Таким образом, действия или события, о которых идет речь в гороскопе, ориентированы не на момент речи каждого отдельного индивидуума, а на календарное время, что указывает на объективированный характер временных отношений в данном типе текста.

Исходя из принадлежности гороскопа к прогностическому дискурсу, важнейшей чертой которого является представление будущего, ведущим планом является проспективный.

Его основу образуют основные грамматические средства выражения будущего времени в немецком языке – футурум I и презенс. Презенс представлен двумя разновидностями: футуральным презенсом и презенсом в значении расширенного настоящего, простирающегося в будущее.

Употребление футурального презенса в гороскопе следует рассматривать как стилистически-психологический прием: с его помощью «автор как бы ведет виртуальный комментарий из будущего» [Морозов 2011, с. 498]. Частотность использования форм футурального презенса зависит от даты выхода гороскопа из печати, поэтому целесообразно отдельно рассматривать эти формы в гороскопах с датой выхода из печати за несколько дней до прогнозируемого периода (группа А) и в гороскопах с датой выхода из печати, совпадающей с началом прогнозируемого периода (группа Б).

В анализируемом материале гороскопы группы А представлены астрологическими журналами «Astrowoche» и «Astroblick». В них футуральный презенс является самой распространенной временной формой (от 65,3% до 84% от общего числа временных форм в индикативе). Семантику будущего при использовании футурального презенса создают и поддерживают лексические указатели времени. В 47% случаев употребления футуральный презенс сопровождается лексическими указателями времени.

Гороскопы группы Б представлены в молодежных журналах «Popcorn», «Bravo» и в журналах для женщин «Brigitte» и «Gala». Общее количество форм футурального презенса в гороскопах группы Б

составляет лишь 14,7% от числа временных форм, употребленных в индикативе. Меньшее количество примеров футурального презенса в гороскопах группы Б по сравнению с гороскопами группы А объясняется тем, что футуральный презенс в гороскопах группы Б выступает дополнительной формой выражения будущего, а основную нагрузку для выражения прогноза несут формы презенса в значении расширенного настоящего. В 35% случаев употребления футуральный презенс сопровождается лексическими указателями.

Презенс в значении расширенного настоящего служит для выражения действий, совпадающих с точкой отсчета времени в гороскопе (т.е. с условным моментом речи гороскопа) и простирающихся в будущее. Данное значение презенса выделяется нами только применительно к гороскопам группы Б: в них дата выхода журнала из печати совпадает с началом прогнозируемого периода и представленное в гороскопе действие может относиться к самому началу периода прогноза. Доля форм презенса в значении расширенного настоящего в анализируемых гороскопах составляет 57% от общего количества временных форм в индикативе. Частотность употребления презенса в значении расширенного настоящего в гороскопах с разным периодом прогноза зависит от длительности периода: чем меньше период прогноза, тем чаще употребляются данные формы.

Презенс в значении расширенного настоящего употребляется в сочетании с лексическими указателями времени реже, чем футуральный презенс. Доля таких примеров составляет 25% от общего количества форм презенса в значении расширенного настоящего.

Футурум I является наиболее специализированным (парадигматическим) грамматическим средством выражения будущего времени в немецком языке. Вместе с тем, данная форма употребляется в гороскопе довольно редко – от 0,4 до 5,6 % от общего числа временных форм в индикативе. На частотность использования футурума I оказывают влияние период прогноза и тип гороскопа. Так, футурум I оказывается менее употребительным в гороскопах на неделю и более употребительным в гороскопах на год. Таким образом, чем больше период прогноза и удаленнее от условного момента речи прогнозируемые действия, тем чаще используется в тексте форма футурума I. Это подтверждает общую тенденцию использовать футурум I чаще для указания на отдаленное будущее, чем на ближайшее [Боднарук 2016, с. 97].

Помимо основных средств выражения будущего времени в гороскопе также используются футуральный перфект, претеритум в

значении будущего, императив, формы конъюнктива в футуральном значении, модальные глаголы и инфинитивные структуры как средства, одним из сопутствующих значений которых является значение будущего времени.

Перфект и претеритум в значении будущего могут использоваться в гороскопах астрологических журналов, однако для реализации данного значения им требуются дополнительные средства контекста: лексические указатели времени и дата выхода гороскопа из печати. Перфект используется в гороскопах также в значении завершённого будущего, например в придаточном предложении времени с союзами «wenn», «ehe», «bis» и некоторыми другими.

Императив употребляется во всех типах гороскопа, с его помощью автор гороскопа может давать советы читателю относительно его действий в будущем. На частотность императива влияют два фактора. Во-первых, это тип гороскопа: в молодежных гороскопах повелительное наклонение более оправдано, чем в текстах для взрослой аудитории. Во-вторых, это период прогноза: в гороскопах на год императив менее употребителен, чем в гороскопах на неделю, две недели или месяц.

В гороскопах используются и некоторые формы конъюнктива, самой распространённой из них является претеритум конъюнктива (в большей степени он используется для выражения совета и предположения), реже используется кондиционалис I, например, в значении предположения о будущем.

Модальные глаголы в индикативе и конъюнктиве также являются одним из распространённых средств выражения будущего времени. Самыми частотными модальными глаголами в гороскопе являются «können», выражающий алетическую и эпистемическую модальность, и «müssen», выражающий деонтическую модальность.

Среди неличных форм глагола наиболее частотен в гороскопе зависимый инфинитив I, выражающий относительные временные значения следования и одновременности. В гороскопе он часто оказывается зависимым от проспективных глаголов. Благодаря соединению проспективного глагола с инфинитивом создается план будущего.

Таким образом, для создания проспективного плана во всех типах гороскопа используются футуральный презенс, футурум I, императив, формы конъюнктива и инфинитива, а также модальные глаголы. Помимо данных средств, в гороскопах группы Б проспективный план образует и презенс в значении расширенного настоящего. В астрологических журналах проспективный план поддерживают

претеритум в значении будущего и футуральный перфект, который также встречается в гороскопах журналов «Brigitte» и «Bravo».

Библиографический список

1. *Кашкин В.Б.* Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 337–353.

2. *Князева А.А.* Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 114. С. 207–212.

3. *Морозов В.В.* Морфологические средства представления будущего в прогнозах и предсказаниях (на материале английского языка) // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / [отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. М.: Индрик, 2011. С. 495–502.

4. *Савицкая Е.Р.* Авторитетность в прогностическом дискурсе // Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. С. 123–148.

LANGUAGE DEVICES WITH THE FUTURE MEANING IN THE GERMAN HOROSCOPE TEXT

V.V. Beim

Northern (Arktis) Federal University, Arkhangelsk

The topic of the article is horoscope as a prognostic text, which is characterized by the plane of the future (prospection). The main language devices with the future meaning in horoscopes are Präsens in the future meaning, Präsens in the meaning of the spread present, Futurum I. The use of language devices with the future meaning in horoscopes depends on such factors as the type of a horoscope, the target group of readers, the date of publication of journals and the forecast period.

Key words: prognostic text, horoscope, temporality, the German language, future.

Об авторах:

Бейм Виктория Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета; e-mail: beym.viktoriya@mail.ru.

РОЛЬ ОНИМОВ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СОЗДАНИИ
КОЛОРИТА ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ФЛОРИАНА
ИЛЛИЕСА «1913. DER SOMMER DES JAHRHUNDERTS»)

Л.Ф. Бирр-Цуркан

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

В статье ставится вопрос о прецедентном характере онимов, использованных в романе Ф. Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» наряду с другими средствами выражения темпорального значения. Онимы, представленные прежде всего антропонимами, топонимами, гемеронимами и эргонимами, рассматриваются как прецедентные имена благодаря их связи с описываемой эпохой. При этом уровень их прецедентности варьируется в силу различной степени известности соответствующих имен основной массе читателей.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, оним, антропоним, топоним

Главным героем романа Флориана Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts», вышедшего в издательстве S. Fischer в 2012 г., является время. Композиционно книга разбита на 12 глав, каждая из которых соответствует одному из месяцев 1913 года. Перед каждым месяцем дается краткий перечень основных событий.

Исходя из тематики книги, роман неизбежно должен отличаться избытком средств различного уровня, служащих для передачи темпорального значения. Это и грамматические, и лексические средства. Их роль в создании темпоральной палитры романа различна.

Временная ориентация романа с помощью грамматических временных форм глагола традиционна, все они соотносят план повествования с прошлым, будь то превалирующий в романе Präsens Historikum или Präteritum:

(1) «*Es war also zwischen Gottfried Benn und Else Lasker-Schüler zunächst so, als rasten ein D-Zug und ein Orient-Express aufeinander zu und verkeilten sich ineinander zu kunstvollen, dampfenden Gebilden aus Stahl und Blut. Am Ende, im Herbst, aber bleiben nur Trümmer und kalter Rauch. In den neun Monaten dazwischen entstehen einige der schönsten deutschen Liebesgedichte des zwanzigsten Jahrhunderts*» (Illies 2021, S. 127).

Временные формы глагола дают общую временную ориентацию, соотнося действие с планом настоящего, прошлого или будущего. Однако в романе Ф. Иллиеса важна не общая временная ориентация, а конкретная локализация описываемых событий во времени. Здесь на передний план выступают существительные, которые могут указать точную дату или отрезок времени. Существительные отвечают за передачу абсолютного темпорального значения, формируют некий темпоральный каркас, на который могут нанизываться относительные значения, передаваемые, например, наречиями:

(2) «*Wir werden noch hören von diesen Damen in diesem Jahr, keine Sorge. Zurzeit steht Lou, die Frau, die ihn entjungferte und ihn überredete, das René seines Vornamens zu Rainer aufzumöbeln... .. sie glaube, jetzt härter mit ihm sein zu können als damals ... zunächst genießt es Rilke auch, dass hier die Sonne auch im Januar erst um halb sechs hinter den Bergen versinkt, dass sie vorher die so stolz auf ihrem Felsplateau thronende Stadt Ronda noch einmal warm aufleuchten lässt...*» (Illies 2021, S. 28).

Однако не только темпоральная лексика отвечает в романе за создание исторического колорита. Роман изобилует онимами, в связи с чем возникает вопрос о их прецедентном характере.

Понятие прецедентности было введено в научный обиход еще в 1987 году Ю.Н. Карауловым, который рассматривал прецедентные тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007, с. 216].

Прецедентное имя авторами понимается как индивидуальное имя, либо как имя, связанное с прецедентным текстом [Захаренко и др. 1997, с. 83; Прохоров 2004, с. 150]. А.В. Терещенко, опираясь на положения Д.Б. Гудкова, определяет прецедентные имена как «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т. д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств» [Терещенко 2016, с. 76].

Таким образом, не любое упоминание имени исторического лица позволяет рассматривать его прецедентным. Строго говоря, должна отсутствовать непосредственная денотативная связь между именем и конкретным историческим лицом. В романе Ф. Иллиеса фигурируют имена совершенно конкретных исторических лиц, которые не

являются героями литературного произведения в традиционном понимании, а также не выступают как символы той или иной ситуации подобно Сусанину, который уводит врагов в непроходимые леса, или Колумбу как открывателю новых земель. Однако в романе Ф. Иллиеса эти исторические лица выступают для нас символами определённой эпохи, и потому могут рассматриваться как прецедентные.

Многие авторы отмечают различную степень прецедентности тех или иных имен, выделяя при этом автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный уровни [Сорокин и др. 1998, с. 6-7; Прохоров 2004, с. 148].

Прецедентные онимы, встречающиеся в романе Ф. Иллиеса, также различаются уровнем своей прецедентности. Так, например, имя Томаса Манна обладает явно большим уровнем прецедентности, чем имя его оппонента Альфреда Керра:

(3) «...*Thomas Mann* spürt, wie die Angst in ihm hochsteigt, je näher er Berlin kommt. ... Im Grunewald, tief im Westen der Stadt, bindet sich zur selben Stunde *Alfred Kerr* im Ankleidezimmer seiner Villa in der Höhmannstraße 6 seine Fliege und wirbelt die Enden seines Schnurrbartes kampfeslustig empor» (Illies 2021, S. 15).

Вопрос о прецедентном характере может быть поставлен и относительно топонимов на страницах романа Ф. Иллиеса. А.В. Терещенко говорит о соотнесении прецедентных топонимов «со временем и эпохой значимых для человечества событий, переломных моментов в истории» [Терещенко 2016, с. 77]. Прецедентность топонимов в романе обеспечивается прежде всего их соседством с антропонимами. Соотнесенность конкретного антропонима с топонимом позволяет более или менее точно определить время действия:

(4) «Aus *Prag* berichtet: Dr. Franz Kafka, Angestellter der Arbeiter-Unfall-Versicherung für das *Königreich Böhmen*. Sein Publikum sitzt im fernen Berlin, in der Etagenwohnung in der *Immanuelkirchstraße 29*, es ist nur eine Person, doch es ist für ihn die ganze Welt: Felice Bauer, fünfundzwanzig» (Illies 2021, S. 9).

В примере (4) речь идет о времени, когда Кафка, будучи служащим страховой компании, находился в Праге (служащим этой компании он был, как известно, с 1908 по 1922 год, когда по состоянию здоровья его, наконец, отправили на пенсию), и в то время, когда Прага была столицей королевства Богемия, ликвидированного в 1918 году с падением Австро-Венгрии. Кроме того, в отрывке упоминается Берлинский адрес Фелис Бауэр, с которой Кафка познакомился во время ее приезда в Прагу в 1912 году. Таким образом, временной отрезок ограничивается 1912 и 1918 годами.

Кроме антропонимов и топонимов, в романе достаточно частотны гемеронимы (названия газет и журналов) и эргонимы (названия объединений людей), которые также могут служить для конкретизации времени повествования в романе:

(5) «*Die Zeitschrift "Der Brenner" aus Innsbruck macht eine „Rundfrage über Karl Kraus“*» (Illies 2021, S. 164).

Журнал «Der Brenner» издавался с 1910 г. и был рупором литературы авангарда, до 1920 года – экспрессионизма.

(6) «*Mit Kirchner waren auch die anderen Maler der "Brücke" gerade aus Dresden, ihrem Gründungsort, dieser wunderbar vergessenen sommerlichen Stadt der Barock, nach Berlin gezogen, Erich Heckel, Otto Mueller, Karl Schmidt-Rottluf*» (Illies 2021, S. 18).

Объединение художников «Brücke» было создано в июне 1905 года в Дрездене и распущено в мае 1913 в Берлине, т.е. временной отрезок, о котором идет речь, определяется этими двумя датами.

Таким образом, онимы, встречающиеся на страницах романа Ф. Иллиеса «1913» могут быть рассмотрены как прецедентные в силу своей связи с определенной эпохой, которая является темой повествования, и, соответственно, должны помочь читателю в формировании образа этой эпохи. Прецедентные онимы представлены, прежде всего, антропонимами, топонимами, гемеронимами и эргонимами, что объясняется тематикой романа. Все они имеют различный уровень прецедентности в силу степени известности соответствующих имен основной массе читателей.

Библиографический список

1. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 261 с.

3. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 222 с.

4. Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 5–33

5. Терещенко А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник ТГПУ. 2016. № 11 (176). С. 76–84

6. Фомин А.А. Прецедентные онимы в художественном тексте // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 139–148.

Источники

1. Illies F. 1913. Der Sommer des Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2021 7. Auflage. 318 S.

THE ROLE OF ONYMS AS PRECEDENT NAMES IN CREATING THE MOOD OF AN ERA AS EXEMPLIFIED BY FLORIAN ILLIES'S NOVEL «1913. DER SOMMER DES JAHRHUNDERTS»

L.F. Birr-Tsurkan

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

This paper analyses the precedent nature of onyms used in the novel «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» by Florian Illies, as well as other means of expressing temporal meaning. Onyms which are primarily represented by anthroponyms, toponyms, hemeronyms and ergonyms, are considered as precedent names due to their connection with the era being described. It is observed that the level of onym precedence varies depending on the familiarity of mainstream readership with respective names.

Key words: precedent phenomenon, precedent name, onym, anthroponym, toponym.

Об авторах:

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФУТУРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Боднарук

*Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск*

В работе представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа грамматических форм с семантикой будущего времени в немецком и русском языках. Материалом для эмпирического исследования послужила прямая речь художественных произведений. Обнаружены как сходства, так и различия в строении и семантике сравниваемых форм.

Ключевые слова: грамматические формы с семантикой будущего времени; индикатив; прямая речь; русский язык; немецкий язык, межязыковые сходства и различия.

В рамках данного исследования предпринимается попытка выявления межязыковых сходств и различий в репрезентации времени на примере анализа грамматических форм с семантикой будущего в немецком и русском языках. Представим результаты анализа грамматических средств выражения футуральности в сопоставляемых языках, произведенного методом сплошной выборки (табл. 1). Материалом для анализа послужила прямая речь романов российских и немецких писателей. Общее количество проанализированных единиц составило в русском языке 1060, в немецком языке – 1028:

	«будущее время» - основное значение		«будущее время» - вторичное значение	
русский язык	будущее несовершенное (буду идти) 91 (8,6%)	будущее совершенное (пойду) 932 (87,9)	настоящее несовершенное (иду) 23 (2,2%)	прошедшее совершенное (пошёл) 14 (1,3%)
немецкий язык	абсолютное употребление			
	футур I (werde kaufen) 208 (20,2%)		презенс (kaufe) 807 (78,5%)	

		относительное употребление	
		футур II <i>(werde gekauft haben)</i> 2 (0,2%)	перфект <i>(habe gekauft)</i> 11 (1,1%)

Таблица 1 – Сравнительная характеристика форм будущего времени в русском и немецком языках

В обоих языках есть две специализированные грамматические формы со значением будущего времени. В русском языке формы противопоставлены по виду. В немецком языке футур II специализируется на выражении завершённого будущего и в этом плане противопоставлен футуру I. В немецком языке формы со значением будущего времени противопоставлены также по признаку «выражение абсолютного и относительного времени», поскольку футур II и перфект используются для указания на предшествование одного действия другому в будущем. В этом формы будущего времени немецкого языка существенно отличаются от соответствующих форм русского языка, поскольку в последнем сегодня нет специальных форм для выражения предшествования. Для выражения действия, предшествующего другому действию в будущем, в русском языке обычно используются формы будущего совершенного:

«Хочешь, я сумку твою возьму?» – «...Я когда устану, тебя попрошу, хорошо?» (Улицкая 2009).

К сходствам в выражении будущего времени можно отнести то, что в обоих языках возможно использование форм, у которых данное значение не является основным – форм настоящего и прошедшего времени. Вместе с тем, если в русском языке для выражения будущего времени преимущественно используются специализированные формы будущего времени совершенного вида и реже – несовершенного, в то время как использование неспециализированных форм имеет существенные ограничения, в немецком языке ситуация противоположная – специализированные формы будущего времени – футур I и футур II – уступают в частотности формам презенса и перфекта.

Формально футур I и презенс расположены в Таблице 1 под формами несовершенного вида, а футур II и перфект под формами совершенного вида. Поскольку видовое противопоставление в

немецком языке отсутствует, можно, на первый взгляд, говорить лишь об аспектуальной маркированности футура II и перфекта, выражающих завершенность действия. Вместе с тем, в немецком языке презенс тяготеет к использованию глаголов, в значении которых есть указание на внутренний предел, границу, цель протекания действия. Футур I также несколько чаще сочетается с предельными глаголами:

Презенс: «Ich muss jetzt gehen. Wir sehen uns am Nachmittag. Ich hole dich um drei ab, einverstanden?» (Hein 2005).

Согласно нашим подсчетам, предельные глаголы встретились в презенсе в 72% случаев употребления, в футуре I – в 64% случаев. Следовательно, презенс в аспектуальном плане соотносится скорее с будущим совершенного вида, чем с настоящим временем несовершенного вида. А футур I мог бы быть расположен в Таблице 1 между будущим несовершенного и будущим совершенного вида. В целом, можно говорить о корреляции семантики будущего времени и идеи совершенности/предельности, очевидной как в немецком, так и в русском языке.

Превалирование форм будущего совершенного в наших эмпирических данных свидетельствует о том, что они представляют собой обычный способ выражения футуральности в русском языке:

«Ты иди к Родиону», – сказала она. – «А я полежу, приму душ, вечером увидимся» (Устинова 2020).

Формы же будущего несовершенного вида благодаря своей видовой характеристике и меньшей частотности не просто указывают на предстоящее действие, но выполняют также ряд специфических функций:

а) выражают длительность действия;

«Я тебе потом расскажу», – мстительно пообещала Тонечка, которую послали в аптеку. – «Ты вечером придешь?» – «А вы до вечера ходить будете?» (Устинова 2020).

б) указывают на повторяемость действия;

«Буся неистовствовала у него на руках... Морда, уши, лапы – все излучало невиданное, небывалое счастье. – Я тебя всегда, всегда буду брать с собой, – обещал ей Родион» (Устинова 2020).

в) могут акцентировать внимание на начальной фазе действия;

«Детективы от настоящего убийцы! Да читатели с ума от восторга сойдут, прилавки будут сметать» (Рой 2017).

Немецкий футур I, будучи аналитической формой, способной сочетаться с инфинитивным глаголом не только предельного, но и неопределенного способа действия, также может выражать длительность,

повторяемость будущего действия или – иногда – акцентировать внимание на его начальной фазе:

«Irgendwann wirst du auch an der Reihe sein, und dann wirst du betteln wie ich» (Kehlmann 2009).

Таким образом можно говорить о семантическом и внешнем сходстве форм будущего несовершенного вида и футура I.

Определенной внешней и семантической близостью обладают презенс в немецком языке и форма настоящего несовершенного вида в русском. Обе формы имеют синтетическое строение и используются для выражения будущего, хотя их основным значением является обозначение настоящего. Тем не менее, употребление формы настоящего времени вместо будущего в немецком языке распространено значительно больше, чем в русском. Объясняться это может, кроме прочего, тем, что форма настоящего времени в русском языке образуется только от глаголов несовершенного вида, в немецком же языке презенс образуют все глаголы.

Что касается форм прошедшего совершенного вида в русском языке и перфекта в немецком, то они демонстрируют, пожалуй, больше различий, чем общих черт. В русском языке использование формы прошедшего времени совершенного вида для выражения будущего очень ограничено, в то время как в немецком языке форма перфекта относительно частотна в значении завершеного будущего или предшествования в будущем. Сближает обе формы наличие семы завершенности:

Прошедшее совершенное: «Ну, все встали, встали! – скомандовал Георгий» (Улицкая 2009).

Перфект: «Und vergiss nicht, wenn die alten Knochen wieder zusammengewachsen sind, fahren wir zwei nochmal» (Hein 2005).

Итак, различия между грамматическими средствами выражения будущего времени касаются в первую очередь так называемого «абсолютного» и «относительного» употребления. В русском языке нет дифференциации форм по данному признаку, в немецком языке существует распределение абсолютных и относительных временных значений между глагольными формами. Второе существенное отличие касается аспектуальных характеристик. В русском языке временные формы с футуральной семантикой противопоставлены по виду, в немецком языке такого противопоставления нет. Впрочем, несмотря на наличие тенденции сочетания как презенса, так и футура I с глаголами предельного способа действия, футур I все же в большей степени предрасположен к выражению длительности и повторяемости действия в будущем, нежели презенс. Третьим существенным

отличием является то, что в русском языке футуральность выражается преимущественно формами, основное назначение которых – выражение будущего, в то время как в немецком языке ситуация скорее обратная. Обнаруживается также определенное сходство в семантике, строении и в частотности между будущим несовершенным и футуром I, с одной стороны, и будущим совершенным и футуральным презенсом, с другой.

Источники

1. Рой О. Писатель и балерина. М.: Издательство «Э», 2017. 352 с.
2. Улицкая Л. Медя и ее дети. М.: Эксмо, 2009. 576 с.
3. Устинова Т. Камея из Ватикана. М.: Эксмо, 2020. 320 с.
4. Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 383 S.
5. Kehlmann D. Ruhm. Hamburg: Rowohlt, 2009. 203 S.
6. Noll I. Ehrenwort. Zürich: Diogenes, 2010. 336 S.

REPRESENTATION OF FUTURE TIME SEMANTICS IN GERMAN AND RUSSIAN

E.V.Bodnaruk

*Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk*

The study presents the results of a comparative analysis of grammatical forms with future time semantics in German and Russian. The material for empirical data was the direct speech of modern novels. The analysis revealed both similarities and differences in the structure and semantics of the compared forms.

Key words: grammatical forms with future time semantics; indicative; direct speech; Russian language; German language, interlingual similarities and differences.

Об авторах:

Боднарук Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: e.bodnaruk@narfu.ru.

ФУНКЦИИ МАРКЕРОВ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Т.М. Большакова

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

Статья посвящена проблеме использования функционального потенциала разноуровневых языковых средств экспликации темпоральных отношений в текстах немецкоязычного школьного нормативного дискурса. Показано, что релевантный статус в инвентаре темпоральных маркеров имеет глагольная форма настоящего времени изъявительного наклонения в функции экспликатора нормативного времени. Неглагольные средства реализуют функцию темпоральной конкретизации нормативных действий.

Ключевые слова: школьный нормативный дискурс, маркеры темпоральности, функции.

Школьный нормативный дискурс в совокупности своих жанров и манифестирующих их текстов предназначен для регуляции социального взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса в учебных заведениях. Адресантами текстов выступают представители школьных администраций, обладающие нормативным авторитетом, а основными адресатами – учащиеся, выполняющие роль получателей и исполнителей нормы. Нормативные тексты, представляющие, различные жанры, например, «*Schulordnung*», «*Schulregeln*», «*Verhaltensregeln*» и др., содержат правила поведения учащихся в школьных учреждениях в разные периоды учебного дня. Тексты, отобранные на официальных сайтах начальных школ Германии, выступают объектом настоящего исследования. Предметом исследования являются маркеры темпоральности и выполняемые ими функции.

Анализ эмпирического материала показал, что темпоральные отношения реализуются в нормативных текстах с помощью целого ряда разноуровневых языковых средств (ср.: [Горбань 2014, с. 15]),

которые по морфологическому критерию можно разделить на две группы – глагольные и неглагольные.

Основной маркер темпоральности в первой группе – это глагольная форма настоящего времени изъявительного наклонения (*Präsens Indikativ*) в функции настоящего долженствования. В нормативном контексте эта форма реализует сему «побудительность», например: «*Alle Schüler tragen im Gebäude Hausschuhe*». Глаголы в форме настоящего времени являются основными экспликаторами «нормативного времени» – текстопорождающей категории, обладающей инвариантным статусом во всех жанрах и текстах нормативного дискурса.

Вторая группа включает в себя неглагольные средства – предложно-именные группы, наречия, числительные, – выполняющие функцию темпоральной конкретизации предписаний или запретов, оформляемых с помощью *Präsens Indikativ* (ср.: [Москвина 2017, с. 174]). В рамках этой функции на основании семантического критерия возможно выделение широкого ряда подфункций. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Так, подфункция темпоральной конкретизации предписывающих или запрещающих правил **по длительности** реализуется с помощью предложно-именных групп, обозначающих различные формы организации воспитательно-образовательного процесса, например, «*während der Pause, in den kleinen Pausen, während der großen Pausen, während des Unterrichts, während der Unterrichts- und Pausenzeiten: In der großen Pause halte ich mich nur auf Pausenhof auf*».

Предложно-именные группы «*nach der letzten Unterrichtsstunde*», «*nach Unterrichtsschluss*», «*nach dem Unterricht*», «*nach der großen Pause*» указывают на **начало или конец** какого-либо учебного периода, являющегося исходным временным ориентиром для каузируемых действий, например: «*Nach dem Unterricht räumen wir auf dem Tisch und unter dem Tisch und stellen unsere Stühle auf; Nach der großen Pause setzen sich alle Kinder ruhig an ihren Platz*».

Подфункция темпоральной конкретизации нормативных действий посредством указания **временных границ**, предельно допустимых для предписываемых или запрещаемых действий, реализуется с помощью временных наречий «*spätestens*», «*frühestens*»: «*Darüber hinaus bitten wir in jedem Fall (spätestens nach drei Tagen) um eine schriftliche Entschuldigung; Die Hortkinder gehen nach Schulschluss – frühestens nach Beendigung der 2. großen Pause – in den Hort*».

Подфункция темпоральной конкретизации предписаний **по темпу** совершения каузируемого действия, эксплицируется с помощью

наречий «*umgehend*», «*unverzüglich*», «*langsam*»: «*Vor der Schule ist besonders langsam und aufmerksam zu fahren*».

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что школьный нормативный дискурс демонстрирует на уровне манифестирующих его текстов, с одной стороны, разнообразие используемых временных конкретизаторов, а с другой – отсутствие единства и стандартизованности в оформлении темпоральной организации. Применение тех или иных неглагольных средств в роли темпоральных маркеров, способных реализовывать присущие им функции, полностью зависит от представлений адресантов о необходимости временной локализации предписывающе-запрещающих высказываний. Единственным релевантным средством, маркирующим принадлежность анализируемых текстов к нормативному дискурсу, является глагольная форма настоящего времени изъявительного наклонения. Важно отметить также, что речевые жанры, наполняющие школьный нормативный дискурс, не выступают факторами, однозначно определяющими выбор и комбинацию темпоральных маркеров с закрепленными за ними функциями.

Библиографический список

1. Горбань О.Ф. Региональные документы XVIII века в аспекте категории темпоральности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2014. № 4 (23). С.7-16. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.1>
2. Москвина Т.Н. Средства выражения темпоральности в текстах шванков // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 1676–179.

FUNCTIONS OF TEMPORALITY MARKERS IN SCHOOL NORMATIVE DISCOURSE (BASED ON GERMAN)

T.M. Bolshakova

Russian State Pedagogical A.I. Herzen University, Saint Petersburg

The article is devoted to the problem of using the functional potential of multi-level linguistic means of explication of temporal relations in the texts of the German-language school normative discourse. It is shown that the relevant status in the inventory of temporal markers is the verb form of the present indicative in the function of the explicator of the normative tense.

Non-verbal means implement the function of temporal concretization of normative actions.

Key words: school normative discourse, markers of temporality, functions.

Об авторах:

Большакова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: tmbolshakova@herzen.spb.ru.

УДК 008:115

ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРА» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.И. Буркова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Этимология слова «культура» претерпевает изменения в многополярном межкультурном пространстве. Феномен «культура» проявляется многогранно: от «возделывание земли» к смыслу «совершенствование души». Культура как субъективный мир отдельной культуры, ценностных ориентаций, специфичных способов восприятия и мышления, нормам поведения и морали является составной частью межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: культура, многогранность понятия культуры, ядро культуры, культурные системы, культура как деятельность, культура как совершенствование души, межкультурное пространство.

Динамизм развития прогрессивного общества, наращивание его культурного многообразия способствуют выходу науки и образования на уровень общегуманитарных, цивилизационных процессов, при котором феномен «культура» проявляется в многополярном межкультурном пространстве многогранно.

Первое научное определение термина «культура» было дано классиком эволюционистом Эдвардом Б. Тайлором, который рассматривал культуру как совокупность ее элементов: верований, традиций, искусства, обычаев, как постепенное усложнение предметов

материальной культуры, орудий труда, как эволюцию мировых религий [Тайлор 2002].

В исследованиях А. Кребера и К. Клахона культура состоит из внутренне содержащихся и внешне проявляющихся норм, которые определяют поведение, осваиваются и опосредуются с помощью знаков. Основное ядро культуры состоит из традиционных, исторически сформировавшихся идей, прежде всего тех, которые имеют особое значение. Культурные системы можно рассматривать, с одной стороны, как результаты человеческой деятельности, а с другой – как ее регуляторы [Шнекендорф 1994].

Этимология слова «культура» со временем претерпела изменения (латынь – «земледелие»), от «возделывания земли» к значению «возделывание, совершенствование души» (Цицерон), к дроблению на близкие значения: «воспитание», «образование», «развитие», «просвещение». В этом смысле данное понятие характерно для многих языков мира.

«Культура» как «почитание света», «врата в будущее» трактуется в исследованиях известного русского педагога, философа, и художника 20 века Н.К. Рериха как основателя международных культурных движений, считает, что мир познается через культуру, отмечает принадлежность к культуре человека и того, что им создано, можно определить по наличию Света [Рерих 1994].

Психологи определяют культуру как «совокупность адаптаций человека к условиям его жизни», как приобретенное поведение, которому каждое поколение людей должно учиться заново [Бенедикт 1997]. Особую точку зрения на культуру высказал Г. Стейн, сравнив культуру с поиском терапии в современном мире. М. Херсковиц рассматривал культуру как сумму моделей поведения и способов мышления, которые формируют данное общество [Токарев 1978].

Для достижения понимания в межкультурном пространстве необходимо широкое понимание культуры, так как оно охватывает не только воспринимаемый со стороны объективный образ жизни человека, но и скрытый, внутренний, субъективный мир каждой отдельной культуры, определяемый ценностями, ценностными ориентациями, специфичными способами восприятия и мышления, нормами поведения и морали [Гирц 2004].

Рассмотрим многогранность понятия «культура» на примере немецкого языка. О немецкой культуре, ее самобытности и неповторимости, своеобразии говорят такие слова, как «Ordnung», «Angst», «Bratwurst», «Termin», «Feierabend», «Verboten». В них

обобщенно проявляется особенность национального культурного стереотипа немецкого народа.

Семантический комплекс «Kultur» представлен как совокупность созданных в определенном обществе, в определенную эпоху характерных форм общения и организации совместной деятельности людей. Например, выведение и возделывание земли («ein Land in Kultur nehmen» – «возделывать участок земли»), выращивание сельскохозяйственных растений («Obstkultur»). Культура трактуется как выражение высокого уровня человеческого развития, духовных, художественных, творческих достижений; как предметы и ценности, созданные человеческим сообществом, отличающие людей от животных, как уровень или ступень развития, общая культура человека, его поведение, воспитание («Kultur haben», «ein Mensch von Kultur sein»; «Pflege (des Körpers und Geistes)»). Культура рассматривается как вид культуры, которого достигает или который создает народ в определённый промежуток времени («eine primitive/hoch entwickelte Kultur», «die östliche/westliche Kultur»). Культура выступает как особый вклад в науку и искусство; деятельность и ее продукты, принадлежащие одной культуре («den Menschen die Kultur näher bringen», «die Kultur fördern»). Содержание понятия «Kultur» в немецком языке прослеживается синонимия как со словом «Zivilisation», так и со словом «Bildung» – «общая культура».

Культура возвышает человека до общечеловеческой миссии, делает готовым к восприятию добра, поддерживает его духовную энергию. Культура формирует деятельность человека, суть которой – воплощение предназначения культуры, т.е. обеспечения преемственности цивилизационного процесса в целом.

Библиографический список

1. *Гириц К.* Интерпретация культур: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
2. *Рерих Н.К.* О вечном... М.: Республика, 1994. 461 с.
3. *Тайлор Э.Б.* Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации) / Э.Б. Тайлор. СПб: Изд-е И.И.Билибина и Ко, 2002. 445 с.
4. *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М.: Высш. школа, 1978. 352 с.
5. *Шнекендорф З.К.* Воспитание учащихся в духе культуры мира, взаимопонимания, прав человека // Педагогика. 1997. N2. С.43–50.
6. *Kroeber A.L., Kluckhohn G.K.* Culture and critical verview of concepts and definition. Cambridge: Mass Univ press, 1952. 567 p.

DAS KONZEPT DER KULTUR IM INTERKULTURELLEN ZEITRAUMBEREICH

O.I. Burkova

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Die Etymologie des Wortes «Kultur» verändert sich im multipolaren interkulturellen Raum. Das Phänomen «Kultur» manifestiert sich facettenreich vom «Anbau der Erde» bis zum Sinn von «Verbesserung der Seele» Kultur als subjektive Welt einer einzelnen Kultur, Wertorientierungen, spezifische Wahrnehmungs- und Denkweisen, Verhaltensnormen und Moral sind Bestandteil des interkulturellen Zusammenwirkens.

Schlüsselwörter: Kultur, die Vielseitigkeit des Begriffs Kultur, der Kern der Kultur, Kultursysteme, Kultur als Aktivität, Kultur als Verbesserung der Seele, interkultureller Raum.

Об авторах:

Буркова Ольга Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: buoliv@mail.ru.

УДК 81'42:82-1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ХРОНОТОПА

Л.Ю. Буянова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются аспектуальные параметры художественного времени как экспликатора личностного хронотопа автора художественно-поэтического дискурса; анализируется специфика структурной организации художественного текста и его фундаментальные категории. Показано, что языковое время, или темпоральность, актуализируется единицами всех уровней системы языка и неразрывно связано с пространством и субъектом временной воплощённости в художественном тексте.

Ключевые слова: темпоральность, хронотоп, художественное время, художественно-поэтический дискурс, пространство, функционально-прагматическая формула, личностная картина мира.

Художественный текст представляет собой уникальное личностно-креативное воплощение авторского видения мира, пропущенное сквозь призму собственного бытия и опыта жизни. Создателем любого художественного текста является конкретная языковая личность, поэтому текст репрезентирует особую картину мира – личностную, виртуально-идеальную, в пространстве которой в зависимости от когнитивной базы автора осуществляется вербализация системы знаний и результатов полученного опыта – и его, и социума (реализация принципов корреляции части и целого и принципа отражения). Структура художественного текста организуется такими фундаментальными категориями, как время, пространство, движение. В каждом художественном (прозаическом и/или поэтическом) тексте категория времени реализуется по-своему, так как автор текста проживает и ощущает время по-своему, опираясь на собственный опыт и образ бытия.

Языковое время, или темпоральность, охватывает все уровни системы языка, оно неразрывно связано с пространством. Художественное время, подобно реальному времени, характеризуется свойствами начальности и конечности, длительности, этапности, продолжительности: время в пространстве художественного текста коррелирует с временной длительностью/протяженностью событий, отражённых в структуре произведения. Время многолико: оно *летит, несётся, течёт, уходит* и т.п.; оно может быть *счастливым и прекрасным* – и *тяжёлым и суровым*; время – это *сейчас, мгновенно, сию минуту; сегодня, завтра*, но это и *вчера; никогда и всегда*; это *рассвет и закат*, это *Жизнь, Смерть и Бессмертие*. Все ипостаси художественного времени, реализуемые в художественно-поэтическом дискурсе, отражают в первую очередь мировосприятие и образ бытия и личностной судьбы создателя текста.

З.Я. Тураева определяет художественное время как модель действительности, которая сочетает реальность и вымысел, как переплетение свойств разных типов рецепции времени: времени реального, времени перцептуального и времени индивидуального [Тураева 1979, с. 78]. Интересна мысль Е.А. Шлинцева о том, что модель пространства и времени в художественном произведении, с одной стороны, изображена извне, являясь окружением героя, и, с другой стороны, единство пространства и времени представляет собой

духовную сферу героя, его намерения, мысли и эмоции [Шлинцев 2018]. Например, в стихотворении Вероники Тушновой «Дагестанская ночь» (Тушнова 2006) актуализированы в лексико-грамматической форме разные модели единой категории времени, что свидетельствует не просто об отношении автора ко временной шкале бытия, а об осознании того, что без любимого человека нет жизни. В таком эмоциогенном контексте понятия *времени и жизни* сливаются в единый личностно обусловленный категориальный комплекс: «Нет, не будет... / Не может / Счастья быть без тебя» («Дагестанская ночь»). Смысловая доминанта многих произведений В. Тушновой – *счастье* – как бы растягивается во времени, что образует своеобразный хронотоп: «Все было до меня: десятилетия / Того, что счастьем называем мы» («Все было до меня: десятилетия...»); *счастье* имеет определенное время существования («Сто часов счастья... / Разве этого мало?» («Сто часов счастья»)) (Тушнова 2006).

Особая эмоциональная аура характерна для поэтического дискурса безвременно ушедшей в возрасте 37 лет поэтессы Любви Якушевой. Вся поэзия Л. Якушевой – это прощание с миром живых, это благодарность Жизни за счастье жить, это преодоление смертной тоски и тоски об утекающих мгновениях бытия [Буянова, Нечай 2016, с. 66]: «Я выхожу из пепла и огня, / От слабых слёз к созвездьям поднимаюсь, / Я на пороге радости и мая – / Жива душа бессмертная моя!» (Якушева 1989).

Исследователи отмечают, что художественный дискурс Л. Якушевой характеризуется уникальной темпоральностью: в нем вообще отсутствуют предикаты, выраженные глаголами в **прошедшем** времени: «Я *прошепчу...*»; «Я *процежу* себя сама / Сквозь сито солнечных сияний / И, может быть, тогда *пойму*, / Как отдаленно расстоянье»; «но *чувствую...*»; «но *знаю*: кто-то отзовется в моих лугах»; «Я *знаю* – ненадолго озаренье, / Я *знаю* – глубина иного цвета, / Но всё-таки, глаза приблизив к небу, / Я *верю* в счастье» (Якушева 1989). Связка «субъект-предикат» актуализируется по функционально-прагматической формуле «**я, меня, мне и т.д. + глагол в настоящем/будущем времени**». Это свидетельствует об особом хронотопе личности: *жизнь* как бы стратифицируется на жизнь тела (прошлое; прошедшее время) и жизнь духа, души (настоящее и будущее время). Концептуальный блок «боль, болезнь» ассоциирован с прошедшим временем, нежизнеспособностью к будущему, в котором, по мысли и желанию автора, нет места боли и болезни [Буянова, Нечай 2016].

Подчеркнём, что табуирование форм прошедшего времени при субъекте, выраженном личным местоимением 1-го лица (Я), свидетельствует о желании избежать в речевом потоке даже намёка на

возможность идентификации своего «эго» с тем, чего уже *нет*, что *было*, а не *есть* или *будет*, отражает стремление к бессмертию как к последнему убежищу по имени *жизнь*: «*Я - емь! Но отступаю пред тобой...*» (Якушева 1989).

Нельзя не поддержать мнение о том, что «авторская картина мира фиксирует, в первую очередь, уникальность творческого субъекта: ее индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события» [Щирова, Гончарова 2006, с. 92].

Библиографический список

1. Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 232 с.
2. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высш. школа, 1979. 219 с.
3. Шлинцев А.Е. Особенности хронотопа в романе Е. Водолазкина «Лавр». Челябинск: ЮУрГУ, 2018. 51 с.
4. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 211 с.

Источники

1. Тушинова В.М. Избранное. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
2. Якушева Л. Лёгкий огонь. М.: Советский писатель, 1989. 190 с.

ARTISTIC TIME AS A REPRESENTATION OF THE PERSONAL CHRONOTOPE

L.Yu. Buyanova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines aspectual parameters of artistic time as an explicator of personal chronotope of the author of fiction and poetic discourse; the specifics of structural organization of the fiction text and its fundamental categories are analyzed. It is shown that linguistic time, or temporality, is actualized by units of all levels of language system and is inseparably linked with the space and the subject of time embodiment in the fiction text.

Key words: temporality, chronotope, artistic time, artistic and poetic discourse, space, functional and pragmatic formula, personal picture of the world.

Об авторах:

Буянова Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: lub_prof@mail.ru.

УДК 81'255.2:115:82-13

МАРКЕРЫ ВРЕМЕНИ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

С.С. Бычков

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа 7 переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык. Объектом исследования являются темпоральные маркеры. На различных примерах прослеживаются особенности перевода выявленных маркеров и делаются выводы о том, в какой степени переводчикам удалось сохранить специфику оригинального текста в аспекте времени.

Ключевые слова: время, маркеры времени, темпоральность, перевод, Слово о полку Игореве.

Слово о полку Игореве (СПИ) является одним из важнейших памятников древнерусской письменности, культуры и ценным историческим документом. Существует несколько десятков переводов текста на современный русский язык, а также многочисленные переводы на другие языки, среди которых особое место занимает немецкий. Материалом для нашего исследования стал корпус переводов СПИ на 40 языков, который создали в 2007 году Б.В. Орехов, Е.А. Слободян и М.С. Рыбин [Орехов 2009]. Корпус постоянно дополняется. В 2023 были добавлены новые переводы, среди которых два перевода на немецкий язык.

Первый из проанализированных нами переводов принадлежит Йозефу Мюллеру. Он был издан в 1811 году в Праге под названием «Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer, des Fürsten vom

sewerischen Nowgorod Igor Swätswitsch». В 1825 в Москве опубликован перевод пастора Карла Зедерхольма, выполненный в стихотворной форме. В 1854 году свой перевод представил Август Больц [Штурм].

Несколько рассмотренных нами переводов относятся к 20 веку. Среди них – перевод поэта Райнера Марии Рильке 1949 года, перевод литературоведа и фольклориста Гаральда Рааба 1965, версия Ганса Баума 1968 года и интерпретация Людольфа Мюллера 1974 года.

Существуют и другие переводы, к которым мы в нашем тексте не обращались. Для сопоставительного анализа помимо древнерусского оригинала мы выбрали переводы В.А. Жуковского, Д.С. Лихачева и Р.О. Якобсона.

Отобранные методом сплошной выборки маркеры темпоральности можно отнести к нескольким группам.

Слово о полку Игореве, действие которого происходит в XII веке, описывает время сосуществования языческой и христианской культуры. Это обстоятельство обуславливает и формы репрезентации времени в тексте. Одним из важных аспектов языческого сознания была циклическая природа времени. Ее отражение мы находим, к примеру, в описании сменяемости времени суток или времен года.

В тексте выявлены многочисленные случаи указания времени суток, например, утро:

Древнерус.: «Заря свѣтъ запала»;

Жуковский: «Свет-заря запала»;

Рильке: «Zögernd erhebt sich die Morgenröte»;

Больц: «des tages licht verfließt im roth des morgens» (здесь и далее орфография авторская);

Рааб: «auf flammte des Morgenrots Schein»;

Бауманн: «der Röthe entfiel das Licht»;

Зедерхольм: «das Licht des Abendroths erlosch».

Хотя в приведенных примерах представлены варианты одной и той же лексемы «(Morgen)röthe», мы наблюдаем разницу в отображении времени. В приведенном отрывке наступает утро. У Рильке, Больца и Рааба мы видим начало зари, у Бауманна ее конец, а Зедерхольм переносит действие на вечер. Это не может однозначно считаться ошибкой, поскольку слово «заря» употреблялось и по отношению к утру, и к вечеру, и к свету вообще. Следом за приведенным фрагментом идет «мгла поля покрыла», поэтому Зедерхольм, по-видимому, исходит из того, что наступила ночь. А в других интерпретациях мгла может восприниматься в символическом смысле. Единого мнения среди исследователей СПИ на этот счет нет.

В других частях текста для описания утра в переводах используются выражения «*in der Frühe*», «*seit erstem frühroth*», «*früh am Morgen*», «*mit Anbruch des Freitagmorgens*», «*ganz früh*», «*sehr frühe*», «*gegen Morgen*», «*seit Morgengraun*».

В следующем примере мы также наблюдаем символическую функцию времени: «*Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ*». Кровавые зори указывают на трагические события, которые должны вскоре произойти. В переводе находим следующим варианты:

Рильке: «*ruft ein blutiges Morgenrot das Licht aus*»;

Большц: «*kündet blut'ge morgenröthe die geburt des jungen tages*»;

Рааб: «*verkündet blutiges Morgenrot den Sonnenaufgang*».

Мы наблюдаем полный эквивалент при переводе дополнения и некоторую вариативность при переводе сказуемого.

В другом примере встречается указание времени суток в контексте христианской культуры. В Полоцке звонят колокола перед началом церковной службы. При этом, вероятно, речь идет о богослужении на Пасху:

Древнерус.: «Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы»;

Рильке: «*Ihm läuteten sie am Morgen die Glocken zur Frühmesse in der heiligen Sofia von Polozk*»;

Большц: «*als man einst die messe diesem früh in Polotzk läutet, in der kirche Sanct Sophiae*»;

Рааб: «*in Polozk bei der Heiligen-Sophien-Kirche läutete man für ihn früh zur Morgenmesse die Glocken*»;

Помимо утра часто упоминаются полдень («*am Mittag*», «*gegen Mittagszeit*», «*zu Mittag*») и полночь («*zur halben Nacht*», «*um Mitternacht*», «*mitternächt'ger weile*»).

Нередко также указание на продолжительность некоего события, которое также выражается через отношение ко времени суток, например, при описании страшного сна Святослава:

Древнерус.: «*Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, – рече, – чръною паполомою на кровати тисовѣ*»;

Якобсон: «*В Киеве на горах в эту ночь с вечера одевали меня, – сказал он, – черным саваном на кровати тисовой*»;

Рильке: «*Gegen Abend, – erzählte er den Bojaren, – lag ich auf bloßen Brettern, und man deckte eine schwarze Decke über mich*»;

Зедерхольм: «*Ihr habt, sprach er, des Abends, in Kiew auf den Höhen diese Nacht auf einem Bett von Ebenholz mit schwarzem Gewande mich bekleidet...*»;

Большц: «... *habt, vom abend an die nacht durch, ihr mit einer schwarzen decke mich umkleidet, als ich ruhte auf dem bett von eibenholze*»;

Рааб: «*Diese Nacht, von Abend an, hüllte man mich*», so sagte er, «in eine schwarze Decke auf einem Lager aus Eibenholz...»»;

Бауманн: «*“Diese Nacht, gleich am Abend”*, so sprach er, «wurde ich in einen schwarzen Mantel geschlagen und auf ein Eibenholzbett gelegt...»»;

Й. Мюллер: «In Kiew auf den Höhen *diese Nacht von Abend her* habt ihr mich bekleidet, versetzte er, mit schwarzer Decke auf einem Bette von Eibenholz».

На наш взгляд, продолжительность, выраженная обстоятельством времени «*в эту ночь с вечера*», при переводе наиболее удачно сохранена у Большца, Рааба и Мюллера. В то же время у Рильке ночь опущена совсем, а в переводе Зедерхольма не вполне понятно, в какое время происходит действие и как долго.

Особое место в тексте СПИ занимают указания на историческую эпоху. В текстах того периода время зачастую соотносилось с соответствующим правителем. Пример этого мы находим в следующем фрагменте:

Древнерус.: «Были *въчи Трояни*, минула *лъта Ярославля*, были *пльци Олговы*, Ольга Святъславличя»;

Лихачев: «Были *века Трояна*, минули *годы Ярославовы*; были *походы Олговы*, Олега Святославича»;

Рильке: «Es waren *die trojanischen Zeiten*, und *die Jahre Jaroslaws* sind vorübergegangen; es waren *die elegischen Kriege*, die Kriege des Oleg Swjatoslawitsch»;

Зедерхольм: «Vorbei sind nun *die Jahre des Trajan*, verstrichten *die Zeiten Jaroslaws*, die *Züge Olegs*, des Swätoslawen Olegs, sind dahin»;

Большц: «Schwere zeiten sind gewesen schon in unserm Russenlande! so *die schlachten Trojans*, so auch *Jaroslawl's schwere zeiten*, und *des Oleg's kriegerschaaren*, Oleg's des Swätoslawitschen»;

Рааб: «Vergangen sind *die Zeiten Trojans*, verflossen *die Jahre Jaroslaws*; vorbei sind *die Feldzüge Olegs*, des Oleg Swjatoslawitsch».

Выражение «*лъта Ярославля*» представляется достаточно понятным, речь идет о времени правления Ярослава Мудрого. В переводе мы видим нейтральные варианты. Только Большц добавляет эпитет *schwer*, который к тому же повторяется и в предыдущем предложении. Мало вопросов вызывает и словосочетание «*пльци Олговы*», речь в котором идет о походах и сражениях. В то же время выражение «*въчи Трояни*» представляет собой загадку и для отечественных исследователей. Это связано с тем, что лексема «*Трояни*», которую мы находим в СПИ еще несколько раз, не встречается больше

ни в одном памятнике письменности. Энциклопедия СПИ приводит различные возможные интерпретации [Энциклопедия «Слова о полку Игореве»]. Одни исследователи считают, что речь идет о летоисчислении от правившего во II веке н.э. римского императора Траяна, однако остается загадкой, почему летоисчисление на Руси должно вестись от этого императора. Кроме того, новые вопросы вызывает и следующий фрагмент:

Древнерус.: «*На седьмомъ вѣцѣ Трояни*»;

Лихачев: «*На седьмом веке Трояна*»;

Рильке: «*Im siebenten Jahrhunderte trojanischen Alters*»;

Зедерхольм: «*Es waren sieben Geschlechter seit der Zeit Trojans vergangen*»;

Болыц: «*'s war sieben jähre nach Trojan*»;

Рааб: «*Im siebenten Zeitalter des Trojan*».

В приведенном примере события СПИ хронологически соотносятся с веком Трояна, в то же время действие СПИ, датируемое 12 веком, хронологически гораздо позже. Непонятен в этой связи и следующий эпизод: «*Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню / Встала Обида в силах Дажбогова внука: это она вступила девою на землю Троянскую*». Очевидно, что речь идет о русской земле. Ряд исследователей склонны соотносить эту лексему с гомеровской Троей, третьи полагают, что так в древности называли Киевское государство. Документальных подтверждений эти интерпретации не имеют. Еще одна трактовка предполагает, что Троян – это некое языческое божество, соответственно «*вѣчи Трояни*» – это языческое время, последний языческий век. В. И. Максимов в своем анализе грамматической формы слова приходит к тому, что «*вѣчи Трояни*» предполагают не некоего Трояна, а существительное женского рода – Троянь, которым, по его мнению, мог бы обозначаться триумvirат Олега, Ольги и Игоря, правителей первых лет Киевского государства [Максимов 2010, с. 708–714].

Возвращаясь к первому приведенному фрагменту, отметим, что в переводе мы видим «*die Jahre des Trajan*» у Зедерхольма, соответствующее первой приведенной трактовке, однако во втором примере у этого же переводчика мы наблюдаем написание «*Trojan*». В других переводах встречаем «*die Zeiten des Trojans*», а также «*die trojanischen Zeiten*», которые по своей орфографии отсылают нас к Трое. Таким образом, отсутствие однозначной трактовки текста оригинала закономерно приводит и к путанице в немецких переводах.

В завершение проанализируем один из важных эпизодов СПИ, в котором раскрывается отношение рассказчика ко времени:

Древнерус.: «О Бояне, соловію *старого* времени! Абы ты сіа птькы ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!»;

Лихачев: «О Боян, соловей *старого* времени! Вот бы ты походы те воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом по подоблачью, свивая славу обеих половин сего времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы».

Упомянутый здесь Боян – древнерусский поэт-певец, предшественник рассказчика. Интерес вызывает здесь выражение «*оба полы сего времени*». Задача рассказчика в том, чтобы соединить прошлое, старые времена, сказания о подвигах и победах предков, со временем настоящим, о котором идет речь в Слове, и соединив их, восславить достижения современников [Пороль 2020].

В переводе мы находим следующие варианты:

Зедерхольм: «O Nachtigal der *alten* Zeit, Bojan! O daß di diesen Zug besungen hättest, im sinnigen Gehölze schwirrend, wie die Nachtigal, – dich wolkenhoch erhebend im Geist, – *die beiden Hälften dieser Zeit mit Ruhm zusammenwebend*, – auf dem Wege Trajans, durch Felder schweifend und auf Höhn».

Болыц: «O Bojan, du nachtigall jener *längst verwich'nen* zeiten, dass du jene tapfern streiter doch besängest! durch die haine gleich der philomele wandelnd, doch den geist hoch in den wölken, und *in deinem lied vereinend jener zeit und dieser ruhm*, der du dem Wladimir folgst überall durch thal und höhen»!

Рааб: «O Bojan, du Nachtigall der *alten* Zeit! So hättest du diese Heerfahrt besungen, hüpfend, Nachtigall, im Geäst der Gedanken, im Geist unter den Wolken dahinfliegend, *beide Enden des Ruhms dieser Zeit zusammenfügend*, auf der Fährte Trojans durch die Felder jagend hin auf die Höhn».

Интересной представляется трактовка Рааба, который говорит не о половинах времени, а о двух его концах, представляя время как нечто конечное.

Приведенные примеры фрагментарно иллюстрируют проблемы, с которыми сталкивались переводчики СПИ и позволяют констатировать высокую вариативность форм и смыслов в существующих переводах. Тексты отдаленных от нас эпох представляют особую сложность в процессе перевода, поскольку изучение экстра- и интралингвистических факторов затруднено отсутствием или недостаточным количеством других письменных памятников, обращение к которым позволило бы снять часть

возникающих вопросов. Кроме того, все переводы СПИ представляют собой диахронические переводы на языки эпох, что обуславливает неизбежные смысловые и формальные потери. Сравнительно-сопоставительный переводов СПИ, который стал возможен благодаря проекту «Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве», дает, тем не менее, возможность приблизиться к пониманию текста, а сам параллельный корпус представляет собой уникальное свидетельство не только об одном из выдающихся памятников словесности, но и об истории его исследований и переводов.

Библиографический список

1. Максимов В.И. Века Трояновы и время Бусово в «Слове о полку Игореве» // ГДЛ. 2010. №15. С. 706–719.
2. Орехов Б.В. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. С. 462–473.
3. Пороль О.А. «Свивая славу обеих половин сего времени...»: пространственно-временное и мифологическое проявление в «Слове о полку Игореве» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. № 4. С. 619–626.
4. Штурм Г. К истории переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык. Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=MV9JhIHVG1M%3D&tabid=2289> (дата обращения: 06.05.2023).
5. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovenс/es/> (дата обращения: 06.05.2023).

Источники

1. «Слово о полку Игореве». Параллельный корпус переводов. Режим доступа: <http://nevmenandr.net/slovo/> (дата обращения: 06.05.2023).

ZEITLICHE MARKER IM IGORLIED AUS DER SICHT DER ÜBERSETZUNG

S.S. Bychkov

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In diesem Artikel werden die Ergebnisse einer vergleichenden und Analyse von 7 Übersetzungen von dem Igorlied ins Deutsche vorgestellt. Gegenstand der Untersuchung sind verschiedene temporale Marker. Anhand einiger Beispiele werden die Besonderheiten der Übersetzung der identifizierten Marker nachgezeichnet und Rückschlüsse darauf gezogen, inwieweit die Übersetzer die Spezifik des Originaltextes unter dem Aspekt der Zeit beibehalten haben.

Schlüsselwörter: Zeit, temporale Marker, Übersetzung, Igorlied.

Об авторах:

Бычков Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sergey.bychkov@me.com.

УДК 811.112.2'37(045)

ФЕНОМЕН «ВРЕМЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Т.В. Внук

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В данной статье приводятся результаты лингвокультурологического исследования фразеологизмов немецкого и русского языков, относящихся к концептуальной сфере времени. Сравнение материала показывает лишь незначительные расхождения в отношении к категории времени.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеология, лингвокультурология, маркеры времени.

Концепция времени является одной из важнейших смысловых категорий философии и культурологии. И это не случайно, ведь время – общечеловеческий феномен и элемент восприятия мира для любой

нации. Время существует вне зависимости от человека, но человек адаптирует его под себя, чтобы иметь возможность лучше ориентироваться в нём. Поэтому у понятия «время» есть множество разных значений, зафиксированных в толковых словарях. Они универсальны для всех культур. Однако каждый язык отражает свою собственную неповторимую в других этнолингвокультурах специфику субъективно-объективных отношений индивида и времени как физического явления.

Лексема «*время*» используется ежедневно и как отдельное слово, и в составе словосочетаний, в том числе устойчивых выражений – фразеологических единиц (ФЕ). Цель данного исследования, проведенного в лингвокультурологическом аспекте на материале 250 ФЕ немецкого языка и 250 ФЕ русского языков, – установить, как во фразеологии этих языков отражено отношение носителей языка к категории времени.

Поскольку данные языки являются не близко родственными, и данные культуры относятся к диаметрально противоположным типам (немецкая культура, подобно культурам других западноевропейских стран, – к монохронным, а русская культура – к полихронным [Привалова 2005, с. 171]), то при анализе материала предполагалось обнаружить больше различий, чем сходств. Гипотеза исследования базировалась также на особенностях немецкой и русской культур, выявленных многими исследователями. Так, неоднократно отмечались прагматичность, рационализм, пессимизм, педантизм, пунктуальность немецкой нации и эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни, идеализм, пассивность, фатализм русской нации (см. [Ковшова 2012; Маслова 2016; Чеснокова 2017] и др.).

Проведенный анализ позволил установить, что наибольшее количество различий в отношении ко времени обнаружено в единицах, относящихся к семантическому полю «пунктуальность». В немецком языке концепт «*die Zeit*» («время»), содержащий такие ключевые понятия, как пунктуальность, планирование, организация, находит отражение в выражениях «*Was zu rechten Zeit kommt, ist am wertesten*» («То, что приходит в нужное время, ценнее всего»), «*zur rechten Zeit kommen*» («прийти вовремя»), «*Wer zu spät kommt, hat das Nachsehen*» (букв. «Кто слишком поздно приходит, смотрит в след»). Т.е. время является ценной субстанцией для немцев, и поэтому они высоко ценят пунктуальность. И здесь большая часть фразеологизмов русского языка вступает в противоречие с немецкими ФЕ (например, «*время терпит*», «*отложить – не значит отменить*», «*не сегодня-завтра*», «*после дождика в четверг*», «*когда рак на горе свиснет*» и др.).

То, что для большинства русских время не является принципом их жизни, и поэтому отношение к нему можно назвать легкомысленным, находит отражение не только во всякого рода опозданиях, переносах мероприятий, несоблюдения графиков автобусов, поездов и т.п. [Ковшова 2012; Маслова 2016; Чеснокова 2017], но и в том, что в русском языке поле неопределённости гораздо богаче, чем в других языках. Даже простое изменение порядка слов в словосочетании «*в семь часов*» на «*часов в семь*» может служить коммуникативной помехой для немецкой точности. Также есть выражение «*русский час*», означающее «невесть сколько» [Привалова 2005, с. 174].

Однако при этом в обоих языках порицается небрежное отношение ко времени [Мокиенко 1989, с. 167], что зафиксировано в таких единицах как «*die Zeit totschiagen*» («убивать время»), «*die Zeit vertreiben*» («тратить время впустую»), «*die Zeit einsparen*» («беречь время»), «*Делу – время, потехе – час*» и др.

В обеих культурах принято неспешно принимать решение, полагаясь на время и на Бога: «*Kommt Zeit, kommt Rat*» («Время покажет»), «*Jedes Ding hat seine Zeit*» («Всему своё время»), «*Was zur rechten Zeit kommt ist am wertesten*» (досл. «То, что приходит в нужное время, стоит больше всего»).

Различия в поведении русских и немцев по отношению ко времени проявляются и в направленности на прошлое, настоящее или будущее. Считается, что Россия более ориентирована на прошлое по сравнению с Германией. На это указывают исконные фразеологизмы «*во время оно*», «*во времена оны*», «*испокон веков*» [Привалова 2005, с. 174]. В исследуемых ФЕ немецкого языка устаревшие лексемы не были обнаружены. Но лексемы «*die Stunde*» и «*die Uhr*» («час») в своем устаревшем значении обозначают время, отведённое человеку в целом («*jemandes Stunde schlägt*» («час настал»), «*Seine Uhr ist abgelaufen*» («Час его пробил»)), либо тяжкое бремя («*Ihre schwere Stunde ist gekommen*» («У неё начались роды»)).

В обеих культурах есть фразеологизмы, указывающие на необходимость движения вперед («*mit der Zeit Schritt halten (gehen)*» («идти в ногу со временем»)) и настороженность к будущему («*Die Zukunft ist in Nebel gehüllt*» («Будущее покрыто мраком»)).

Проведенный анализ позволил также выявить наиболее частотные маркеры времени в обоих фразеологических фондах. По своему составу они практически не различаются: в обоих языках это лексемы «*der Tag*» («день»), «*die Nacht*» («ночь»), «*die Uhr/die Stunde*» («час»), «*die Minute*» («минута»), а также оппозиции «*сегодня – завтра*»,

«завтра – вчера» и др.). Обе этнокультуры практически одинаково оценивают значимость времени суток: для обоих утро важнее вечера (например, «*Morgenstunde hat Gold im Munde*» («Кто рано встаёт, тому Бог подаёт»), «*Rat kommt über Nacht*» («Утро вечера мудренее»)). Только пословица «*Gut und Morgen passt nicht zusammen*» («Утро добрым не бывает») содержит негативную оценку утра.

В паре «сегодня – завтра» положительное отношение в обеих культурах проявляется к сегодняшнему дню. Ср.: «*Heute in Putz, morgen in Schmutz*» («Сегодня в латах, завтра в заплатах»), «*Heute Kaufmann, morgen Bettelmann, Heute rot, morgen tot*» («Сегодня купец, завтра нищий»), «*Heute stark, morgen im Sarg*» (букв. «Сегодня сильный, завтра в гробу»), «*Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen*» («Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня»), «*Morgen, morgen nur nicht heute sagen alle faulen Leute*» («Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят»), «*Лучше сегодня одно яичко, чем завтра курочка*».

В оппозиции «*gestern – heute*» («вчера – сегодня») чётко прослеживается значение «неактуальность – актуальность»: «*von gestern sein*» («устареть»), «*von heute sein*» («быть актуальным»).

Проведённый лингвокультурологический анализ фразеологизмов немецкого и русского языков показал, что в большинстве случаев отношение ко времени, в том числе через маркеры времени, в немецкой и русской лингвокультурах одинаковое. Значительные различия наблюдаются лишь в семантическом поле «пунктуальность», незначительно различается отношение ко времени суток.

Библиографический список

1. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Выс. школа, 1989. 287 с.
2. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2012. 456 с.
4. Маслова В.А. Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.
5. Чеснокова Л.В. Концепты немецкой культуры. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2017. 434 с.

PHÄNOMEN «ZEIT» IN DER PHRASEOLOGIE DER DEUTSCHEN UND DER RUSSISCHEN SPRACHEN

T.W. Wnuk

Minsker Staatliche Linguistische Universität, Minsk

Der Artikel bezieht sich auf die Ergebnisse der linguokulturologischen Forschung der Phraseologismen der deutschen und der russischen Sprachen, die zur Konzeptshäre «Zeit» gehören. Der Vergleich des Forschungstoffes erwies nur unwesentliche Unterschiede beim Verhalten zur Kategorie «Zeit».

Schlüsselwörter: Phraseologismen, Phraseologie, Linguokulturologie, Zeitmarker.

Об авторах:

Внук Татьяна Владимировна – доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий) Минского государственного лингвистического университета; e-mail: vnouktati@yandex.ru.

УДК 81'37:82-31:115

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Ф. ИЛЛИЕСА «1913. DER SOMMER DES JAHRHUNDERTS»

А.С. Горбатовский

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются лексико-семантические особенности выражения времени в романе Флориана Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts». Языковые единицы, воссоздающие категорию времени в данном тексте, обладают особым прагматическим значением. Изучение семантических компонентов лексем, образующих темпоральную структуру романа, способствует выявлению текстуальности на уровне микро- и макроструктуры.

Ключевые слова: время, текст, композиционная структура текста, лексико-семантические средства, Флориан Иллиес, «1913. Лето целого века».

Специфика проявления категории времени в языке представляет собой актуальную проблему современных лингвистических исследований [Ртищева 2021; Беляева 2022; Шерстяных 2022]. Особое значение темпоральность приобрела в произведениях эпохи постмодернизма, в которых время становится не только лейтмотивом, но и одной из главных тем [Бабенко 2007]. Отметим, что в нашей статье в качестве темпоральности мы рассматриваем языковую категорию, проявляющуюся в понятийных или грамматических компонентах лексем и закрепленную в соответствующих формах вербализации [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Имея особое проявление в художественном тексте, время является многомерным, обратимым, прерывным, дискретным явлением, подчиненным стратегии текстового развертывания и эстетическому замыслу автора [Жеребило 2010].

В центре нашего исследования находятся особенности выражения времени в романе Флориана Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts», который расположен на стыке таких жанров и типов текста, как хроника, коллективная биография и исторический роман. При этом данное произведение обладает чертами как публицистического, так и художественного текста. В своем романе Ф. Иллиес описывает исторические предпосылки важнейших событий XX века, связанных с историей, культурой и политикой. Особо значимой с точки зрения передачи информации в данном романе предстает темпоральная структура, временное пространство текста, анализ которого позволяет выявить взаимосвязь между описанными Ф. Иллиесом событиями и их ролью в ходе повествования.

Текст романа разделен на 12 глав, каждая из которых соответствует определенному месяцу. Структура каждой главы представляет собой графически разделенные микротексты (всего 324), описывающие действия, воспоминания и записи 134 исторических лиц.

При анализе микроструктуры романа прослеживаются четкие временные рамки и стабильная датированность фрагментов текста. С помощью маркеров времени автор передает события конкретного дня, например: «Am frühen Morgen des 3. Januar setzt sich Mann in München in den Zug» (Illies 2013, S. 14) – «Ранним утром 3 января Манн садится в Мюнхене в поезд» (Иллиес 2013, с. 12).

Особую значимость для композиционной структуры текста «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» представляют не только выделенные автором события, но и специфика их отображения и взаимосвязи. Отметим при этом, что различные действия, описанные Иллиесом, не связаны пространственным соположением. Анализ эмпирического

материала показал, что наиболее частотным средством воссоздания временных взаимоотношений выступает пресуппозиция. С ее помощью автор описывает важные для повествования исторические моменты и:

– указывает на предпосылки, предшествующие событиям 1913 года:

«Unglaubliche fünfundsechzig Jahre, seit 1848, ist Franz Joseph jetzt an der Macht. Den Tod seiner geliebten Sissi hat er nie verwunden, bis heute hängt ihr lebensgroßes Porträt über seinem Schreibtisch» (Illies 2013, S. 26).

– «Невероятные шестьдесят пять лет, с 1848 года, Франц Иосиф стоит у власти. Со смертью своей любимой Сисси он до сих пор не справился, ее портрет во весь рост так и висит над его рабочим столом» (Иллиес 2013, с. 22).

– передает интерес к событиям, происходящим в одно и то же время в 1913 году:

«Stalin geht durch den Park <...>. Da kommt ihm ein anderer Spaziergänger entgegen, 23 Jahre alt, ein gescheiterter Maler, dem die Akademie die Aufnahme verweigerte und der nun die Zeit tots schlägt im Männerwohnheim in der Meldemannstraße. Er wartet, wie Stalin, auf seine große Chance. Sein Name ist Adolf Hitler. Vielleicht haben sich die beiden <...> einmal höflich begrüßt» (Illies 2013, S. 26). – «Сталин идет по парку <...>. Ему навстречу идет другой гуляющий: двадцать три года, несбывшийся художник, проваливший вступительный экзамен в Академию искусств и теперь убивающий время в мужском общежитии на Мельдемманнштрассе. Он, как и Сталин, ждет своего большого шанса. Его зовут Адольф Гитлер. Возможно, они <...> однажды вежливо поприветствовали друг друга» (Иллиес 2013, с. 22).

– воссоздает взаимосвязь событий, актуальных для 1913 года, с событиями будущего времени:

«Am 20. Januar findet im mittelägyptischen Tell el-Amarna eine Fundteilung der neusten <...> Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft statt: Dabei wird die Hälfte der Funde dem Museum in Kairo zugesprochen, die andere Hälfte den deutschen Museen, darunter die "bemalte Gipsbüste einer Prinzessin der Königsfamilie". <...> Noch trägt sie nicht den Namen Nofretete. Noch ist sie nicht die berühmteste Frauenbüste der Welt» (Illies 2013, S. 25). – «20 января в среднеегипетской деревушке Тель эль-Амарна делят находки последних <...> раскопок Германского восточного общества: одна половина отходит Каирскому музею, а немецким музеям – другая половина, среди которой – "разрисованный гипсовый бюст некой принцессы королевского рода". <...> Пока она еще

не носит имени Нефертити. *Пока она еще не стала знаменитейшим женским бюстом во всем мире»* (Иллиес 2013, с. 21).

Таким образом Ф. Иллиес не только описывает события 1913 года, но и устанавливает их взаимосвязь с прошлым и будущим, что переплетается с названием романа и намерением автора отобразить важные вехи, определившие мироустройство XX века. При этом важным лингвистическим фактором, объединяющим микротексты между собой, является комментирование моментов, ставших по мнению автора ключевыми для всего столетия.

Отметим, что и сама лексема «век» играет ключевое значение в описании событий романа. Анализ взаимосвязи данной языковой единицы с другими лексемами способствует выявлению содержательных элементов произведения с точки зрения культуры, политики и истории, например:

- «Vielleicht spürt diese besondere Frau, <...> dass aus der Idee dieser Postkarte <...> ein noch viel größerer “Turm der blauen Pferde” entstehen sollte, ein Gemälde als Programm, ein Jahrhundertbild» (Illies 2013, S. 23). – «Может, эта особенная женщина <...> чувствует, что <...> идея этой почтовой карточки перерастет в еще большую «Башню синих лошадей», в программное полотно, в картину века» (Иллиес 2013, с. 21).

Анализ данного фрагмента текста выявляет градацию: «большая “Башня синих лошадей”» – «программное полотно» – «картина века». Эффект генерализации при этом достигается благодаря лексеме «век», определяющей важность картины «Башня синих лошадей» Франца Марка для развития искусства XX века и передающей ее значимость для сюжета исследуемого текста.

- «Und dann setzt er maschinengeschrieben hinzu, es wirkt wie ein Grabstein für eine der großen intellektuellen Männerbeziehungen des 20. Jahrhunderts: “Der Rest ist Schweigen”» (Illies 2013, S. 33). – «А затем впечатывает на машинке, словно водружает надгробный камень на одну из самых масштабных в двадцатом веке интеллектуальных связей между двух мужчин: “Остальное – молчание”» (Иллиес 2013, с. 28).

Приведенный в качестве примера отрывок описывает разрыв взаимоотношений между Зигмундом Фрейдом и Карлом Густавом Юнгом. Лексема «век» придает значимость интеллектуальной связи двух мыслителей и определяет важность разрыва между ними для истории XX в. Сравнение «словно водружает надгробный камень» не только воссоздает в тексте окончание отношений, но создает негативную коннотацию, передающую восприятие данного события повествователем.

- «Der große Autor, der vielleicht feurigste kunstkritische Stilist des Jahrhunderts, der ein Meister des Erzählens der "Entwicklung" der Kunst war, der sieht sie, ganz nüchtern, jetzt an ihr Ende gekommen. Dort, wo wir heute ihren Anfang sehen» (Illies 2013, S. 77). - «Великий автор - возможно, самый пылкий стилист художественной критики века и блестящий повествователь "развития" искусства - глубоко убежден, что оно подошло к концу. Там, где для нас оно лишь берет начало» (Иллиес 2013, с. 64).

Данный пример содержит описание художественного критика Юлиуса Мейер-Грефе, обозначенного автором «возможно, самым пылким стилистом художественной критики века». Интерес для анализа представляет противопоставление, выраженное лексическими единицами «подходить к концу» и «брать начало». Выявляемый эффект контраста в совокупности с перспективой повествования способствует разграничению времени, в котором существует Мейер-Грефе, и времени, в котором находятся рассказчик и читатель. Из этого следует, что повествователь позиционирует себя в большей степени близким читателю, чем описываемым историческим личностям.

Таким образом, микротексты объединены между собой хронологией, общей тематикой - значимыми событиями 1913 года, а также авторскими комментариями, связывающими разрозненные сюжеты и рассуждения между собой.

В ходе исследования лексико-семантических особенностей выражения времени в композиционной структуре романа Ф. Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» важным представляется обращение к анализу интерпретации описываемого в романе времени повествователем, например:

«Das Zeitalter der Extreme, das schreckliche kurze 20. Jahrhundert, beginnt an einem Januarnachmittag des Jahres 1913 in Wien» (Illies 2013, S. 33). - «Эпоха крайностей, этот страшный короткий двадцатый век, начинается январским днем 1913 года в Вене» (Иллиес 2013, с. 22).

Авторское восприятие времени в данном отрывке дополняет созданный в тексте образ XX века как контрастного столетия, полного отрицательно воспринимаемыми событиями. При этом взгляды рассказчика перекликаются с мнением современников, представленным в романе обрывками дневников и писем, например:

- Франц Кафка: «das nervöse Zeitalter» (Illies 2013, S. 42) - «нервная эпоха» (Иллиес 2013, с. 34);

- Георг Тракль: «Ich sehne den Tag herbei, an dem die Seele in diesem armseligen, von Schwermut verpesteten Körper nicht mehr wird wohnen wollen und können, an dem sie diese Spottgestalt aus Kot und Fäulnis

verlassen wird, die ein nur allzu getreues Spiegelbild eines gottlosen verfluchten Jahrhunderts ist» (Illies 2013, S. 42) – «Настал бы скорей тот день, когда душа моя не захочет, да и не сможет более жить в этом убогом, прокаженном тоскою теле, когда она покинет это нелепое чучело из гнили и грязи, которое столь не в меру правдоподобно отображает, как в зеркале, наш безбожный, проклятый век» (Иллиес 2013, с. 70);

– Освальд Шпенглер: «Heute drückt mich das Sein in diesem Jahrhundert. Alles, was an Kultur, an Schönheit, an Farbe da war, wird geplündert» (Illies 2013, S. 309) – «Сегодня меня угнетает бытие в этом веке. Все, что было когда-то в культуре, красоте, цвете, – все разоряют» (Иллиес 2013, с. 257).

Представленные в качестве примеров цитаты являются достоверными, на что указывают 96 исторических источников, обозначенных Ф. Иллиесом в конце романа. Анализ коннотативного значения лексических единиц выявляет негативное восприятие века известными деятелями культуры 1913 года («нервный», «безбожный», «проклятый», «угнетающий» и пр.). Из этого следует, что особенности восприятия времени рассказчиком и персонажами перекликаются и создают своеобразный лейтмотив произведения, обуславливая его текстуальность.

Таким образом, композиционная структура романа Ф. Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» тесно связана с авторской интерпретацией описываемого времени. Особой ролью в ходе анализа текстуальности данного произведения обладают семантические характеристики лексических единиц. На пресуппозиционном уровне установлена взаимосвязь между 1913 годом и важными событиями, которые предшествовали этому году и которые следовали за ним. Поскольку важное значение в ходе повествования уделяется событиям описанного года в контексте всей эпохи, семантическая нагрузка слова «век» позволила привлечь данную лексику (нем. «Jahrhundert») к анализу композиционной структуры текста как маркер, способствующий выявлению значимых для сюжета элементов. При этом анализ коннотативного значения языковых единиц, описывающих XX век повествователем и персонажами, позволил определить негативное восприятие данного промежутка времени на момент описываемых в романе событий. Совокупность данных факторов позволила нам рассмотреть уникальную композиционную структуру романа с точки зрения текстуальности, т.е. выявить связность совокупности микротекстов, составляющих данное произведение.

Библиографический список

1. *Бабенко Н.Г.* Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 408 с.
2. *Беляева Ю.А.* Темпоральность как объект лингвостилистического анализа // Современное педагогическое образование. 2022. №7. С. 109–114.
3. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. *Ртищева О.В.* Языковая темпоральность как метафора культуры // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 834–841.
6. *Шерстяных И.В.* Фразеосемантическое поле «темпоральность» в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 2. С. 443–448.

Источники

1. *Иллиес Ф.* 1913. Лето целого века. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 272 с.
2. *Illies F.* 1913. Der Sommer des Jahrhunderts. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 2013. 320 S.

LEXIKALISCH-SEMANTISCHE BESONDERHEITEN DER KATEGORIE DER TEMPORALITÄT IN DEM ROMAN VON F. ILLIES «1913. DER SOMMER DES JAHRHUNDERTS»

A.S. Gorbatowskij

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In diesem Artikel werden die lexikalisch-semantischen Merkmale des Ausdrucks von Temporalität im Florian Illies' Roman «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» behandelt. Die sprachlichen Einheiten, die in diesem Text die Kategorie der Zeit wiedergeben, haben eine besondere pragmatische und sprachkulturelle Bedeutung. Die Untersuchung der semantischen Komponenten der Lexeme, die die zeitliche Struktur des Romans bilden, ermöglicht es, die Textualität auf der Ebene der Mikro- und Makrostruktur zu identifizieren.

Schlüsselwörter: Zeit, Text, Textstruktur, Florian Illies, «1913. Der Sommer des Jahrhunderts».

Об авторах:

Горбатовский Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: alexgorbatovsky@mail.ru.

УДК 81'373.6:115

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛЕКСЕМ «ВРЕМЯ» И «ZEIT»

Е.Р. Данилова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Н.Р. Чернова

Технический университет Среднего Гессена, Фридберг

В тезисах приводятся рассуждения о восприятии времени в русской и немецкой культурах, проводятся этимологический и лексикографический анализ лексем «*время*» и «*Zeit*», делаются выводы о сходстве и различии семантической структуры данных лексем в русском и немецком языках.

Ключевые слова: время, объективное и рефлексивное время, монохронные и полихронные культуры, семантическая структура.

Ей в ту пору было не время,
ей великое было безвременье...

Русская народная песня

Уже в древности проблема времени была предметом изучения, и первые попытки решения ее появились в античности. Различные культурно-исторические периоды определяли характер рассмотрения времени и способ его включения в систему других категорий мышления. Зенон Элейский сформулировал первые парадоксы времени – «летящая стрела стоит неподвижно» – и продемонстрировал, таким образом, логическую несостоятельность движения, поскольку

бесконечное количество точек-позиций надо пройти за конечное время. Характер рассмотрения времени, способ включения его в систему других категорий мышления определяют самосознание различных культурно-исторических периодов. Для библейского мировосприятия характерно отделение времени от космической стихии и его восприятие и толкование сквозь призму жизни человеческой души. Так, Блаженный Августин развивал понимание времени как «жизни души»: «В тебе, душа моя, я измеряю время» [Августин Аврелий 2005, с. 428].

В XVII веке номиналистическому пониманию времени как идеального образования приходит на смену представление о том, что время имеет и объективную основу – длительность. Согласно учению И. Ньютона, существует абсолютное и относительное время. Абсолютное время, или длительность, протекает равномерно и не зависит от внешних факторов. Относительное время, или кажущееся время, используется в обыденной жизни и может быть точным или изменчивым, определяется движением и используется для измерения продолжительности времени, например, часы, дни, месяцы и годы. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени.

В XVIII веке появляются психологическая (Дж. Локк) и трансцендентальная (И. Кант) трактовки времени. Трансцендентальное учение о времени формировалось И. Кантом под влиянием, с одной стороны, психологического эмпиризма, а с другой, стремлением отстоять необходимость и всеобщность естественнонаучного знания. Следуя Локку, Кант писал: «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» [Кант 1964, с. 138]. У Канта время является априорной формой внутреннего чувства, то есть принадлежит не индивидуальному, а трансцендентальному субъекту. Время, наряду с пространством, становится априорным формальным условием всех явлений вообще, теряя при этом метафизическое значение атрибута субстанции. Кант отрицает не только метафизическое, но и номиналистическое толкование времени как понятия чисто относительного, указывая на объективную значимость времени для всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам.

В мышлении XIX века ключевым понятием становится эволюция. Время толкуется как форма развития живого и соотносится не с вечностью, а с непрерывным порождением нового, то есть с будущим. Именно будущее, а не настоящее составляет в эту эпоху смысловой и организующий центр потока времени. Онтология XX века является онтологией «временности»; определяющим модусом времени становится не настоящее, а будущее [Гайденко 2001].

Согласно А.Г. Лыкову, следствием человеческой рефлексии в отношении объективного времени и следствием отражения этой рефлексии в человеческом сознании и в языке являются «очеловеченные» виды времени: грамматическое, художественное, психологическое, историческое. Эти виды времени автор обозначает общим понятием «рефлексивное время». В отличие от объективного времени, формы рефлексивного времени не являются физическим феноменом. Объективное и рефлексивное время находятся в определенной корреляции: рефлексивное время находится в прямой зависимости от объективного, так как оно является его отражением и связано с жизнедеятельностью человека. Обратной зависимости, отмечает А.Г. Лыков, нет, «так как объективное время, в отличие от рефлексивного, необратимо, асимметрично и «не нуждается» в «философствующем субъекте», существование которого вместе с его разумом в объективном мире принципиально необязательно; время было и до появления человека» [Лыков 1997, с. 2].

Интерес представляют культурологические исследования, в ходе которых выявляются особенности восприятия времени представителями разных этносов. По способу восприятия и организации времени Э. Холл выделяет монохронные (американская и западноевропейская) и полихронные (южно-азиатская, южноевропейская и латиноамериканская) культуры и подробно останавливается на характерных для них особенностях осмысления времени: «Европейцы и американцы мыслят время как нечто заданное и неподвижное в своей природе; как нечто, окружающее нас, от чего мы не можем скрыться; как неизменную часть окружающего нас мира, подобную воздуху, которым мы дышим» [Hall 1959, с. 28]. Восприятие времени в монохронной культуре наглядно демонстрирует следующая метафора: «Как правило, американцы понимают время как дорогу или ленту, простирающуюся в будущее...». Эта дорога состоит из отдельных сегментов или обособленных отрезков (по принципу «одно дело в один отрезок времени»), в чем проявляется дискретность восприятия времени [Hall 1959, с. 28]. Особенности восприятия времени в полихронной культуре Холл описывает при помощи

следующей метафоры: «Время подобно музею с бесконечными коридорами и нишами. Мы, зрители, ходим по этому музею в темноте. Каждый экспонат (сцена), мимо которой мы проходим, освещается нам, чтобы мы её увидели. Один лишь Бог, как Хранитель музея, знает все, что там есть. Ниша представляет собой человеческую жизнь» [Hall 1959, с 30].

Такие признаки восприятия времени немцами, как точность, дифференцированность на лексическом уровне, выражаются также в более детальном делении в немецком языке, по сравнению с русским, временного континуума, обозначающего сутки [Синдеева, Чернова 2003, с. 47]. Так, в немецком языке существуют специальные лексемы для обозначения предобеденного времени – периода времени между утром и полуднем («Vormittag»); для обозначения послеобеденного времени («Nachmittag»), а также для обозначения периода времени перед полуночью («Vormitternacht»). При этом в некоторых словарях указываются временные рамки этих частей суток («Vormittag» – «Tageszeit vom Aufstehen bis ungefähr 11 Uhr» – «время суток с момента подъема до приблизительно одиннадцати часов»; «Nachmittag» – «die Zeit zwischen Mittag und Abend (von ca. 13–17 Uhr)» – «время между полуднем и вечером, приблизительно от 13 до 17 часов») (Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 1998). В немецком языке употребляются такие дифференцирующие обозначения времени, как «am frühen/späten Nachmittag». Отсутствие в русском языке прямых эквивалентов перечисленных лексем свидетельствует в свою очередь о таких признаках восприятия времени русскими, как «синкретизм», «приблизительность», обуславливающих большую зависимость сообщаемой идеи от контекста.

Согласно Немецкому словарю Якоба Гримма и Вильгельма Гримма, лексема «Zeit» восходит к индогерманскому «*dai-» («teilen, zerschneiden» – «делить, разрезать»), из которого образовалось «zīd» («das Abgeteilte, das Zugemessene» – «разделенное, отмеренное») (Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm). Таким образом, во внутренней форме лексемы «Zeit» реализуется идея деления, которая соотносится с таким свойством времени, как дискретность – возможность расчленения потока времени на ограниченные по длительности составляющие. Такое понимание времени характеризует немецкую культуру как монокронную.

Лексема *время* восходит к древнеиндийскому «vartma» – «колея, дорога», «вертеть» и «uertmen» – «колесо». Согласно Историко-этимологическому словарю современного русского языка, старшее значение лексемы «время» составляли семы «коловращение», «вечный

оборот» (Историко-этимологический словарь русского языка 2001). Таким образом, во внутренней форме лексемы «время» реализуется идея цикличности.

Рассмотрим семантическую структуру лексем «время» и «Zeit», используя данные «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и толкового словаря «DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch». В основном значении немецкой лексемы, которое определяется как «Ablauf, Nacheinander, Aufeinanderfolge der Augenblicke, Stunden, Tage, Wochen, Jahre» («последовательность, смена секунд, часов, дней, лет»), отчетливо прослеживается выявленная при этимологическом анализе идея деления и дискретности времени. Русская лексема «время» по основной семеме определяется как «длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.п.», «мера длительности всего существующего» и лишь затем как «последовательная смена минут, часов, дней, лет и т.п.» [Словарь русского языка 1999]. Таким образом, в основном значении русской лексемы «время» реализуется прежде всего сема «длительность».

По остальным значениям русская и немецкая лексемы совпадают, однако разница наблюдается в порядке расположения значений. В толковом словаре «DUDEN» значения расположены в порядке увеличения длительности временного промежутка: «Ablauf, Nacheinander, Aufeinanderfolge der Augenblicke, Stunden, Tage, Wochen, Jahre», «Zeitpunkt; eng begrenzter Zeitraum» («момент времени, ограниченный отрезок времени»); «günstige Zeit» («благоприятное время»), «Zeitraum», «Zeitabschnitt», «Zeitspanne»; «verfügbarer Teil des Nacheinanders von Augenblicken, Stunden, Tagen» («имеющаяся в распоряжении часть последовательной смены секунд, часов, дней»); «Zeitraum», «Zeitabschnitt des Lebens, der Geschichte» (Duden).

В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой значения лексемы «время» располагаются в обратном порядке: «Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.п.», «Мера длительности всего происходящего, существующего», «отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет», «пора дня, недели, года, характеризуемая чем-либо», «определенный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет», «благоприятная пора, подходящий момент» (Словарь русского языка 1999). Таким образом, современные семантические структуры русской и немецкой лексем

обнаруживают некоторые различия в наборе сем основного значения: в структуре лексемы «*время*» акцентируются семы «длительность» и «мера длительности»; в структуре лексемы «*Zeit*» акцентируются сегменты времени (идея деления времени) и сема «последовательность».

Анализ семантической структуры лексем «*время*» и «*Zeit*» обнаруживает также следующие качественные различия. В Толковом словаре живого великорусского языка лексема «*время*» в значении «часть дня, года» и «благоприятный момент» имеет синоним – лексему «*пора*». Лексемами «*пора*» и «*время*» образуются смысловые оппозиции «время активное (пора) – время пассивное (время)»; «циклическое, космологическое время (пора) – линейное, историческое (время)». В немецком языке это значение отдельной лексемой не представлено.

В немецком языке нет соответствия лексеме «*безвремяе*», которая толкуется как «тяжёлое время, пора невзгод», «время общественного, культурного застоя, тяжелое время» (Толковый словарь русского языка 2006), «непогода»; «невзгодье», «злыдни», «беда, несчастье, горе» (Толковый словарь живого великорусского языка 2006), и является антонимом лексемы *время* в устаревшем значении «счастье». В словообразовательной парадигме лексемы «*Zeit*» лексема со значением «несчастье» представлена лакуной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лексемы «*время*» и «*Zeit*» совпадают в большинстве своих значений, различия наблюдаются в этимологии, в семах основного значения, а также в наличие в русском языке оппозиции «время-пора» и «время-безвремяе», не имеющих количественных значений в немецком языке, что может свидетельствовать о качественной спецификации времени в русском языке.

Библиографический список

1. Аврелий Блаженный Августин. Исповедь. М.: Даръ, 2005. 544 с.
2. Кант И. Сочинения в шести томах Т. 3. // Под общей редакцией В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964. 799 с.
3. Лыков А.Г. Язык во времени и время в языке // Филология. 1997. №11. С. 2–6.
4. Синдеева В.Б., Чернова Н.Р. О некоторых национальных особенностях репрезентации концепта «Время» в русском и немецком языках // Сопоставительная лингвофольклористика: Сборник

научных статей. Выпуск 2. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2003. С. 45–47.

5. *Hall E.T.* The Silent Language. New York: Doubleday, 1959. 240 p.

Источники

1. Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским: В 7-и т. СПб., 1895-1902. Т. 1-7.

2. *Гайденко П.П.* Философская энциклопедия в 4-х томах. М.: 2001.

3. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных: В 2-х т. М.: Русский язык, 2001.

4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

5. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. М.: РИПОЛ классик, 2006. Том 1. А-З. 752 с.

6. Толковый словарь русского языка. В 4-х т; Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: 2006. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 06.05.2023).

7. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/23. Режим доступа: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB> (дата обращения: 11.05.2023).

8. Duden: Deutsches Universalwörterbuch, 5., überarbeitete Auflage. Mannheim: Dudenverlag, 2003. 1892 S.

9. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Dr. Dieter Götz, Günther Haersch, Hans Wellman. М.: Март, 1998. 1216 S.

ÄHNLICHKEITEN UND UNTERSCHIEDE IN DER ETYMOLOGIE UND IN DER SEMANTISCHEN STRUKTUR DES LEXEMES «ZEIT» IM DEUTSCHEN UND IM RUSSISCHEN

E.R. Danilova

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

N.R. Chernova

Technische Hochschule Mittelhessen, Friedberg

In Beitrag werden Überlegungen zur Wahrnehmung von Zeit in der russischen und deutschen Kultur dargelegt, eine etymologische und lexikografische Analyse der Lexeme Zeit im Deutschen und Russischen durchgeführt und Schlussfolgerungen über die Ähnlichkeit und Schlussfolgerungen der semantischen Struktur dieses Lexems in russischer und deutscher Sprache gezogen.

Schlüsselwörter: Zeit, objektive und reflexive Zeit, monochrome und polychrone Kulturen, semantische Struktur.

Об авторах:

Данилова Елена Романовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: [elena.danilova@rgf.kubsu.ru](mailto:_elena.danilova@rgf.kubsu.ru).

Чернова Наталья Романовна – кандидат филологических наук, сотрудник проекта по немецкому языку как иностранному Технического университета Среднего Гессена; e-mail: natalia.chernova@sz.thm.de.

УДК 81'373.612.2=111

ВРЕМЯ В КРИПТОКЛАСНОМ ИЗМЕРЕНИИ

О.В. Дони́на

Воронежский государственный университет, Воронеж

В работе предлагается рассмотреть метафорическое восприятие *времени* в американском варианте английского языка на базе методики криптокласного анализа корпусных данных. Проведенное

исследование показало, что *время* в первую очередь рассматривается как небольшой предмет, способный поместиться в руке (криптокласс «Res Parvae»); во вторую очередь *время* категоризуется как жидкость (криптокласс «Res Liquidae»); третьим приоритетом выступает метафора «плоского» времени (криптокласс «Res Planae»); также в лингвистическом корпусе были обнаружены окказиональные примеры «нитевидного» времени (криптокласс «Res Filiformes»), «острого» времени (криптокласс «Res Acutae») и «круглого» времени (криптокласс «Res Rotundae»).

Ключевые слова: криптоклассный анализ, корпусная лингвистика, языковая категоризация, английский язык, метафорология.

В рамках статьи предлагается рассмотреть применение метода криптоклассного анализа для исследования метафорического восприятия имени «time» в американском варианте английского языка.

Основная работа проводилась в русле исследований лексико-грамматических классов имен, которые в одних языках оформлены грамматически в виде рода (русский, немецкий, испанский) или именного класса (языки Африки), а в других выражены лексически, т.е. относятся к скрытой грамматике и могут быть выявлены только через классификаторы. Такие лексико-грамматические классы называются *криптоклассами* (скрытыми классами) [Донина 2021, 2022a, 2022b, Кретов 2022, Donina 2022].

На данный момент выделено восемь криптоклассов английского языка: «Res Liquidae» (эталон – «вода»), «Res Acutae» (эталон – «шип»), «Res Filiformes» (эталон – «нить»), «Res Rotundae» (эталон – «мяч»), «Res Parvae» (эталон – «куриное яйцо»), «Res Longae Penetrantes» (эталон – «палка»), «Res Continens» (эталон – «вместилище») и «Res Planae» (эталон – «доска»).

Данное исследование проводилось на материале корпуса М. Дэвиса «СОСА» («Corpus of Contemporary American English»), который содержит более 1 млрд. примеров словоупотреблений американского варианта английского языка за 1990-2019 гг. Всего в корпусе с классифицирующими словами было найдено 329 примеров словоупотреблений имени «time».

Имя «time» входит в шесть именных криптоклассов английского языка в качестве метафоронима. Результаты количественной обработки данных корпуса «СОСА» показали (рис. 1), что в первую очередь (73%) время воспринимается как мелкий предмет, способный поместиться в руке (криптокласс «Res Parvae»). Во вторую очередь время

категоризуется как жидкость (14%). Третьим по представленности оказалось представление времени в качестве плоского объекта (8%). По данным корпуса «СОСА» имя «*time*» категоризуется и как нитевидный предмет (2% примеров), и как круглый предмет (2%), и как острый предмет (1,5%). Довольно низкий процент таких примеров, по-видимому, свидетельствует о низкой коммуникативной востребованности подобных образов для современного американского варианта английского языка.

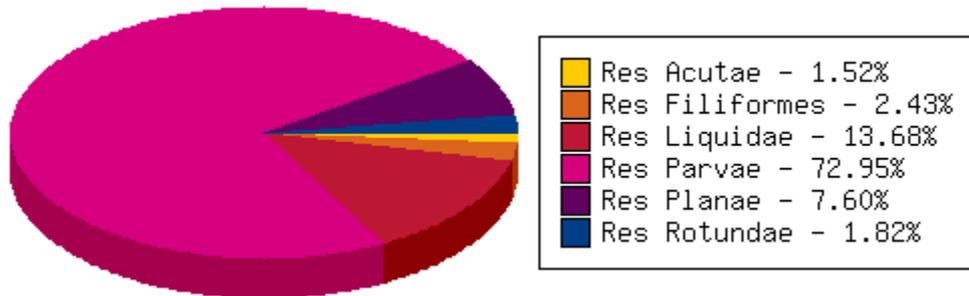

Рисунок 1 – Криптоклассный анализ имени «*time*» в корпусе СОСА

Библиографический список

1. Дони́на О.В. Языковая категоризация как способ познания мира. Воронеж: ИД ВГУ, 2021. 166 с.
2. Дони́на О.В. Выявление метафорической сочетаемости методами машинного обучения // Вестник воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022а. № 4. С. 128–143. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2022/4/128-143
3. Дони́на О.В. Применение методов компьютерного анализа в политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2022b. № 5 (95). 113–126. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_11
4. Кретов А.А. Корпусный параметрический анализ лексики // Мир лингвистики и коммуникации. 2022. № 68. С. 1–24.
5. Donina O.V. Data Mining Methods To Compare Englishes // Proceedings Of The Institute For System Programming Of The RAS. 2022. № 5. Pp. 163–170.

TIME IN THE CRYPTOTYPE DIMENSION

O.V. Donina

Voronezh State University, Voronezh

The paper proposes to consider the metaphorical perception of time in American English basing on the methodology of cryptotype analysis of corpus data. The conducted research has shown that time is primarily considered as a small object that can fit in the hand (cryptotype Res Parvae); secondly, time is categorized as a liquid (cryptotype Res Liquidae); the third priority is the metaphor of «flat» time (cryptotype Res Planae); Also, occasional examples of «threadlike» time (cryptotype Res Filiformes), «acute» time (cryptotype Res Acutae) and «round» time (cryptotype Res Rotundae) were found in the linguistic corpus.

Key words: cryptotype analysis, corpus-based approach, categorization, English, metaphor studies.

Об авторах:

Донина Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета; e-mail: olga-donina@mail.ru.

УДК 82-3:115

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ГЕССЕ

Т.П. Журавлева

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

Данное исследование направлено на выявление индивидуально-авторского пространственно-временного континуума, вербализаторами которого являются языковые и речевые маркеры, манифестирующие обостренное чувство собственного одиночества, безысходности и непонимания мира извне. Материалом настоящего исследования послужили немецкоязычные автобиографические художественно-повествовательные произведения Г. Гессе.

Ключевые слова: индивидуально-авторская модель пространственно-временных отношений, категория времени и пространства, художественный текст, инвариант интенциональности, амбивалентность, рефлексивная направленность.

Цель настоящего исследования – выявить в индивидуально-авторской, очеловеченной, одушевленной модели действительности взаимосвязь пространственно-временных отношений и установить тем самым инвариант интенциональности автора, раскрывающий его внутренний мир.

Посредством общения (обмена мыслями, идеями, сведениями) человек демонстрирует свое отношение к окружающей действительности, явлениям, фактам и т.д. [Иссерс 2009; Селиванова 2002]. Результатом такого речевого взаимодействия становятся побуждение к действию, запрет, изменения в картине мира реципиента и др. [Дорофеев, 2019]. Именно коммуникация реализует общественный характер сознания и системный перенос информации в коллективе [Туркина 2021, с. 81; Николаева 2015], определяет статус категории времени и пространства.

Категория времени и пространства, принятая в лингвистике и литературоведении как «хронотоп» [см. Бахтин 1975], представляет собой индивидуально-авторскую пространственно-временную модель, которая служит скелетом, каркасом для изложения автором своего текста. Тем самым автор выстраивает диалог с потенциальным читателем, поверхностно затрагивая волнующие проблемы, дает возможность реципиенту для самостоятельного анализа и интерпретации [Меркиш 2019].

Пространственно-временная модель автора художественного произведения наделена рядом функций: онтологической, позволяющей познать модель мира автора, антропологической, демонстрирующей мир извне (окружение героя) и изнутри (интенции, чувства и мысли), эстетической, проявляемой в поэтической языковой семантике, сюжетообразующей, включающей предполагаемую организацию основных сюжетных событий, прагматической, репрезентирующей поведение и поступки героя, и др. Это позволяет выявить, «декодировать» индивидуально-авторскую картину мира, его интенциональность и признать продукт речемыслительного процесса как высшую коммуникативную единицу с ее смысловой завершенностью, цельностью и связностью.

Материалом данного исследования послужили немецкоязычные автобиографические художественно-повествовательные

произведения Г. Гессе «Душа ребенка» / «Kinderseele» (1920) и «Степной волк» / «Steppenwolf» (1927), завораживающие своими духовными исканиями и интенционально-рефлексивной направленностью, которая с годами сводится к амбивалентности.

Произведения автора вбирают в себя «подлинные истории», в которых замаскированы личные признания автора, результат личного опыта. Они имеют специфику исповедальности [Терехова 2008, с. 293], изображая познание собственного «Я» через странствия, постоянный внутренний конфликт с самим собой и внешним миром.

Художественный текст как вторичная реальность автора, сочетает в себе объективную действительность и авторский замысел [Тураева 1986, с. 13; Щирова 2001, с. 10-11], моделируя тем самым трехмерную структуру хронотопа, которая сочетает в себе пространство, время и субъект повествования, где субъект повествования является центром, вокруг которого формируются пространственно-временные отношения [Меркиш 2019].

Так, вслед за Гак В.Г., мы рассматриваем автора художественного повествования (авторское «Я») в трех ипостасях: субъект говорящий (моделирующий поведение своего персонажа в «предполагаемых обстоятельствах») – субъект переживающий – персонаж (действующий субъект в повествовании) [Гак 1998, с. 559-560], где все эти три сущности (ипостаси) объединяются в одном «Я», чувствующем, переживающем и описывающем одиночество:

«Einsamkeit ist Unabhängigkeit, ich hatte sie mir gewünscht und mir erworben in langen Jahren. Sie war kalt, o ja, sie war aber auch still, wunderbar still und groß wie der kalte stille Raum, in dem die Sterne sich drehen» (Hesse 1972, S. 44).

Внутренний монолог главного героя демонстрирует желаемую независимость, холодное и тихое пространство для свободы и творческой мысли в виде абстрактных номинантов, ассоциатов («*kalt*» – «*still*» – «*groß*»), что усиливает контекст отрешенности и покинутости как «состояния».

Проведенный анализ вербализации пространственно-временных отношений позволил установить: пропозициональная репрезентация времени и пространства коррелирует с эмоционально-чувственными языковыми и речевыми маркерами, репрезентация которых демонстрирует нам личностные искания и двойственность в попытках обрести целостность и гармонию.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
3. Дорофеев Ю.В. Функциональное описание текста как единицы дискурса // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 891–904.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 223 с.
5. Николаева И.И. Теория и практика по культуре и межкультурному взаимодействию в современном мире: учеб.-метод. Пособие. Нерюнгри: Изд-во Технического института (ф) СВФУ, 2015. 97 с.
6. Меркиш Т.А. Хронотоп в рассказах В. Борхерта как отражение авторского восприятия пространства и времени // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12-2. С. 193–197.
7. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. Киев: Фитосоциоцентр, 2002. 335 с.
8. Терехова Т.В. Концепция художественного произведения у Г. Гессе на раннем этапе творчества // Вестник ЧГПУ. Филология. 2008. № 4. С. 292–303.
9. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «иностран. яз.». М.: Просвещение, 1986. 127 с.
10. Туркина И.Г. Художественный текст как объект лингвистического исследования // Филологическое образование и современный мир: Материалы XVII Международной научно-практической конференции. Чита, 2021. С. 81–83.
11. Щирова И.А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века: дис. д-ра филол. наук. СПб, 2001. 394 с.

Источники

1. Hesse H. Der Steppenwolf und unbekannte Texte aus dem Umkreis des «Steppenwolf». Frankfurt am Main: Verlag Suhrkamp, 1972. 335 S.

INDIVIDUAL-AUTHORS PERCEPTION OF SPACE AND TIME BASED ON H. HESSE'S TEXTS

T.P. Zhuravleva

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

This article is focused on revealing of individual-authors space-time continuum, that bringing together the linguistic and speech markers, which define the dominant feeling of loneliness and misunderstanding of outside world. The illustrative material are German-speaking autobiographical literary narrative Hesse's texts.

Key words: individual-authors model of space-time continuum, category of time and space, literary text, invariant of intentionality, ambivalence, reflection.

Об авторах:

Журавлева Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного университета; e-mail: zhurata@bk.ru.

УДК 81'367.624.4=112.2

НЕМЕЦКИЕ ВРЕМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ «JETZT» И «NUN»: КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Т.Г. Зубова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются немецкие лексемы «jetzt» и «nun» в функции временных наречий. Анализ словарных определений позволяет считать данные наречия синонимичными, хотя отмечаются некоторые семантические расхождения в толковании двух единиц. Проведенный нами корпусный анализ позволяет увидеть, что в качестве наречий «jetzt» и «nun» способны сочетаться не только с предикатами в настоящем времени, но также в будущем и прошедшем.

Ключевые слова: временные наречия, временная референция, лексикографический анализ, корпусный анализ, конкурирующие синонимы, отношения противопоставления.

Лексические единицы «*nun*» и «*jetzt*» («теперь», «сейчас») в качестве наречий в современном немецком языке имеют референцию к текущему моменту времени. В словарях эти наречия являются синонимами. Например:

- **Nun** (Adv.): «Wir kommen nun zu der Frage, ob ...». – «А теперь/сейчас мы переходим к вопросу ...». «Ich muss nun gehen». – «Теперь/сейчас мне нужно идти» (Wahrig 1993).

- **Jetzt** (Adv.): «Ich habe jetzt keine Zeit». – «У меня сейчас нет времени». «Ich muss jetzt gehen». – «Сейчас мне нужно идти» (Wahrig 1993).

Временные наречия «*nun*» и «*jetzt*», однако, являются неполными синонимами. Подробное исследование семантических расхождений лексем «*nun*» и «*jetzt*» проведено Гельмутом Ребоком в статье «Ein Zeitadverb als Diskursmarker». Г. Ребок считает, что оба наречия являются взаимозаменяемыми синонимами только тогда, когда они просто и непосредственно указывают на настоящее время. В случаях одновременного употребления обеих лексем в одном предложении «в связке», т.е. устойчивым словосочетанием, отношения синонимии прекращаются. Как, например:

«Ich muss **jetzt** gehen». – «Ich muss **nun** gehen»;

Ср.: «Ich muss **jetzt nun** gehen»;

«Was sagst du **jetzt?**» – «Was sagst du **nun?**»;

Ср.: «Was sagst du **jetzt nun?**» [Rehbock 2009, S. 237].

Лексема «*nun*» принадлежит к древнейшему словарному запасу всех германских языков. То, что эта языковая единица служила для указания на темпоральное развитие повествования («den temporalen Fortschritt von Erzählungen»), а также на логическое следствие из сказанного («logische Folgerung»), было известно еще в древнеиндийском, древнеперсидском, хеттском, в тохарских языках, древнегреческом, латинском, литовском, старославянском, кельтском языках, т.е. во всех индоевропейских языках, на протяжении как минимум 4000 лет. Этот факт имеет документарное подтверждение [Métrich 1998].

Лексема «*jetzt*» появилась значительно позже, в XII веке как точное обозначение отсылки к настоящему времени. Слово появилось изначально в результате сочетания «*ie*» und «*zuo/ze*» в значении «постоянно, непрерывно», а также «с этого момента и далее». В результате изменений произносительных норм появилось современное временное наречие «*jetzt*», являющееся конкурирующим синонимом временному наречию «*nun*» и его стилистической вариацией.

Целью данного исследования является анализ семантики лексем «*nun*» и «*jetzt*» в функции временных наречий.

Значения данных наречий, приведенные в словаре Дудена, позволяют выделить следующие особенности в сравнении:

1. Обе единицы обозначают момент в настоящем времени, в котором что-то начинает происходить. Для наречия «*jetzt*», однако, данное значение имеет дополнительный смысл ограниченности этого временного периода (в это мгновение) [Duden].

2. Оба наречия имеют связь с предшествующим периодом. «*Jetzt*» и «*nun*» могут маркировать противопоставление настоящего периода к предшествующему: «*Nun*» выделяет настоящее время на фоне прошедших событий, которые вызывают действия и состояния в настоящем: «*Bist du nun zufrieden?*». «*Jetzt*» может иметь референцию к прежде упомянутому, лишь в общем сохраняя взаимосвязь с настоящим моментом: «*Bist du jetzt fertig mit der Arbeit?*» [Duden].

3. «*Jetzt*» обозначает интервал времени в настоящем, в котором констатируется наступление какого-либо состояния: «*Die Kinder gehen jetzt beide in die Schule*». «*Nun*» обозначает настоящий момент в ситуациях с семантикой наступления, достижения какого-либо состояния: «*Die Lage hat sich nun stabilisiert*» [Duden].

В семантической структуре слов со значением «в момент речи или в интервал времени, включающий момент речи», предложенной Е.В. Урысон для русских наречий «*сейчас*» и «*теперь*» [Урысон 2003, с. 2018], отмечается способность этих лексем употребляться не только для референции к настоящему времени. Задача данного исследования – проанализировать сочетаемость немецких наречий «*jetzt*» и «*nun*» с предикатами с временной референцией к прошлому и к будущему в пределах одной клаузы.

Исследование проведено на материале немецко-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и на материале корпуса немецкого языка при помощи словаря «*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*» (DWDS). На корпусном материале мы рассмотрели следующие значения наречий «*jetzt*» и «*nun*».

1. Интервал времени в будущем относительно момента речи.

Наречия «*jetzt*» и «*nun*» могут сочетаться с предикатом в будущем времени Futur I. В примерах (1) и (2) мы наблюдаем противопоставление интервала времени в будущем периоду в прошлом. В примере (1) речь идет о будущем, темпорально близком настоящему моменту.

(1) «**Jetzt wird sich zeigen**, was Klasse ist». – «Только теперь выяснится, что такое элита» (E.V. Remarque. *Der Funke Leben*, 1952; Э.М. Ремарк. *Искра жизни*, 1993; цит. по НКРЯ).

На наличие противопоставления в примере (2) указывает также противительный союз.

(2) «*Damals wollte er nicht hören, aber **nun wird** er klüger **sein**, glaub mir*». – «Тогда он не захотел меня слушать, но теперь-то, надо думать, поумнел» (досл. «но теперь он будет умнее») (C. Funke. *Tintentod*, 2007; К.Функе. *Чернильная смерть*, 2012; цит. по НКРЯ).

2. Интервал времени в прошлом относительно момента речи.

Временное наречие «*jetzt*» способно сочетаться с предикатами в прошедшем времени *Präteritum*. В примерах (4) и (5) (НКРЯ) мы наблюдаем, что предложения с «*jetzt*» и «*nun*» используются в нарративных контекстах. Наречия при этом обозначают противопоставление ситуации, о которой повествуется в предложении, содержащем наречие, темпорально предшествующей ситуации. При этом референция к настоящему времени теряется.

(4) «*Offenbar war mein Blick etwas verwirrt, weswegen er sich räusperte und hinzufügte: «Als alleinerziehende, berufstätige Mutter hat man es ja heutzutage nicht leicht, deshalb freut es mich. **Jetzt guckte** ich mit voller Absicht verwirrt*». – «Наверное, у меня был несколько растерянный вид, потому что он откашлялся и добавил: «Сегодня работающим одиноким матерям приходится нелегко, поэтому я радуюсь. Сейчас я уже специально приняла удивленный вид» (K. Gier. *Smaragdgrün*, 2010; К. Гир. *Изумрудная книга*, 2013; цит. по НКРЯ).

(5) «*Eine Woche später charterte er vier weitere Passagierschiffe und **verfügte nun** über eine ausbaufähige Flotte, die bereits im Verlauf des nächsten Jahres hundertfünfunddreißigtausend Urlauber an Bord nehmen konnte. In der Regel für fünftägige Norwegenreisen, bald aber auch für Atlantikfahrten zum beliebten Reiseziel Madeira*». – «Спустя всего неделю он арендовал еще четыре судна и располагал теперь большой флотилией, которая на следующий год приняла сто тридцать пять тысяч пассажиров, совершивших в основном пятидневные экскурсии в Норвегию, но вскоре начались плаванья и по Атлантике к Мадейре, излюбленной цели отпускников» (G. Grass. *Im Krebsgang*, 2002; Г. Грасс. *Траектория краба*, 2002; цит. по НКРЯ).

Анализ корпусных контекстов позволяет сделать вывод о том, что «*jetzt*» и «*nun*» способны обозначать временной отрезок не только в настоящем, но также в будущем и прошедшем. При этом в значении обеих лексем присутствует семантика противопоставления предшествующему временному отрезку. Таким образом, референция

лексических единиц «*nun*» и «*jetzt*» к текущему моменту времени выступает частным случаем референции к определенному временному отрезку и передается главным образом через грамматическую форму предиката.

Библиографический список

1. Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1016–1020. Режим доступа: <https://ruslang.ru/doc/noss/titles.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

2. Duden – Duden online. Режим доступа: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 05.05.2023).

3. Rehbock H. Ein Zeitadverb als Diskursmarker // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Vol. 37. No. 2. 2009. S. 236–265. Режим доступа: <https://doi.org/10.1515/ZGL.2009.017> (дата обращения: 05.05.2023).

4. Métrich R. Wie übersetzt man eigentlich Partikeln? // Kontrast und Äquivalenz. Beiträge zu Sprachvergleich und Übersetzung. Tübingen: Narr, 1998. S. 194–207.

Источники

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003 – 2023. Режим доступа: ruscorpora.ru (дата обращения: 05.05.2023).

2. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступа: <https://www.dwds.de/d/korpora/kern> (дата обращения: 05.05.2023).

3. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch; Hrsg. in Zsarb. mit zahlreichen Wissenschaftlern u. anderen Fachleuten. Völlig überarb. Neuausg. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon, 1993. 1493 S.

THE GERMAN TEMPORAL ADVERBS JETZT AND NUN: CONTRASTIVE ANALYSIS

T.G. Zubova

Kuban State University, Krasnodar

This paper deals with the German temporal adverbs *jetzt* and *nun*. The analysis of lexicographic descriptions allows us to consider these adverbs as synonymous units, although there are some semantic differences in the definitions of the two units. The results of our analysis of corpus examples show that the temporal adverbs «*jetzt*» and «*nun*» can not only occur in clauses with the predicate in the present tense but also in clauses with the predicate in the future and the past tense.

Key words: temporal adverbs, temporal reference, lexicographic analysis, corpus analysis, competition of synonyms, adversative relations.

Об авторах:

Зубова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sutage59@gmail.com.

УДК 811.112.2'36

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ ПРЕЗЕНС И ФУТУРУМ I В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX-XXI ВВ.)

Е.В. Зуевская

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Статья затрагивает вопрос конкуренции форм презенс и футурум I как средств выражения будущего времени в немецком языке с позиций диахронического подхода. Устанавливаются тенденции в их развитии, описываются факторы, влияющие на выбор формы в контексте.

Ключевые слова: футурум, презенс, будущее время, футуральность, диахрония, тенденции, время, темпоральность.

Описанию средств выражения темпоральности в немецком языке в целом и будущего времени в частности посвящён целый ряд лингвистических работ. Данный вопрос, так или иначе, затрагивают все грамматики, освещая систему времен немецкого глагола. В конце XX века дискуссия относительно временных систем разных языков активизировалась вследствие внедрения дискурсивного аспекта в анализе языка и включения в языковые исследования различных областей знания – философии, логики, социологии, психологии, литературоведения и др. В комплексе междисциплинарных исследований языковая категория времени обростала на базе различных языков самыми разными толкованиями, вплоть до крайних позиций, когда ставилась под сомнение даже способность глагола выражать временные отношения.

В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос развития отдельных языковых форм в диахронии с учетом дискурсивной специфики, влияния контекста, семантических модификаций грамматических форм. Особое внимание многих исследователей в связи с этим обращено на сферу будущего в современном немецком языке, претерпевавшую определенные изменения.

Традиционно в состав микрополя футуральности немецкого языка входят следующие компоненты:

- на уровне лексики и фразеологии – лексические средства (наречия, существительные, прилагательные);

- на уровне морфологии – глагольные формы (футурум I, презенс, перфект, футурум II, претерит, плюсквамперфект, а также императив);

- на стыке лексического и морфологического уровней – конструкции с модальными глаголами «*wollen*», «*sollen*»;

- на стыке лексического и синтаксического уровней – лексико-синтаксические средства (союзы, корреляты).

С позиций парадигматики центр поля футуральности конституируется на морфологическом уровне формой футурум I, способной, во-первых, выражать будущее время в нейтральном контексте без дополнительных уточнителей, во-вторых, использоваться в случае необходимости противопоставления будущего настоящему. Именно эта способность позволяет считать форму футурум доминантой поля. На морфологическом уровне ближнюю зону центра в значении будущего времени представляет презенс, тесно взаимодействующий с футурумом и закрепившийся в языке как «футуральный презенс». Значение будущего у данной временной

формы не является основным, т.е. способным выступать в нейтральном контексте, оно так или иначе связано с конкретным контекстом. К периферии поля, но сравнительно близко к срединной зоне, относятся конструкции с модальными глаголами «*wollen*» и «*sollen*»; дальше от середины поля находятся перфект и футурум II, а самую дальнюю периферию представляют претерит и плюсквамперфект с максимальной зависимостью от контекста.

В конструкции с модальным глаголом «*wollen*» будущее действие выступает как проявление прогнозируемого со стороны говорящего, т.е. как нечто предстоящее с оттенком желательности. В конструкции с модальным глаголом «*sollen*» обозначение будущности сопряжено с прогнозом, включающим ту или иную степень долженствования, т.е. некую уверенность говорящего в осуществлении будущего события. Поскольку значение футуральности накладывается на основное лексическое (модальное) значение глаголов, их расположение на схеме тяготеет к периферии, точнее к границе морфологического и лексического уровней микрополя футуральности.

На лексическом уровне репрезентантами микрополя однозначно выступают такие лексические средства, как темпорально-дейктические наречия «*bald*», «*gleich*», «*künftig*», «*nächstens*», «*morgen*», «*übermorgen*» и т.п., прилагательные «*künftig*», «*zukünftig*», «*nächst*», «*morgig*» и т.п., причастия I (напр., «*kommend*»), предложные сочетания с существительными соответствующей семантики (напр., «*in der Zukunft*»). Кроме этих лексических средств, бесспорно указывающих на будущие события, компонентами микрополя будущего могут являться и лексические единицы с более общим значением, если оно конкретизируется контекстом, напр. «*heute*», «*jetzt*», «*nachher*», «*am Morgen*», «*in der Nacht*» и т.п.

К синтаксическому уровню микрополя футуральности относятся в качестве лексико-синтаксических маркеров союзы (напр., «*bis*», «*ehe*», «*bevor*», «*wenn*»), а также корреляты (напр., «*so*», «*dann*», «*da*» и т.п.), футуральное значение которых опознается лишь в контексте. Они размещаются на периферии микрополя, поскольку не выражают футуральность как таковую, а только содействуют ее выражению, выполняя конкретизирующую функцию.

Несмотря на стабильность парадигматической картины поля футуральности в немецком языке многие исследователи отмечают, что доля основного парадигматического средства выражения будущего времени – форма футурум I – в современном языке становится невелика. Однако полученные в различных исследованиях результаты существенно отличаются друг от друга, как подчёркивают и сами

авторы, в силу разных объёмов материала, критериев рассмотрения и произведённых подсчётов. Например, Л. Вайсгербер (1962) указывает, что доля футурума составляет 10% [Weisgerber 1962]; Л. Дончева-Марева в более позднем исследовании (1971) отмечает, что доля футурума составляет 47,1% [Dončeva-Mareva 1971]. Согласно данным работ Ю.Н. Жуйкина (1975) доля футурума колеблется от 71 до 74% в зависимости от стиля [Žuikin 1975], что отчасти подтверждается исследованием Й.А. Пфедфер, Й. Корнеманн (1982), которые указывают, что доля футурума в устной речи составляет около 65%, в письменной около 87% [Pfeffer, Conermann 1982]. Совершенно иные данные приводит Р. Бронс-Альберт (1982), отмечая, что доля футурума в устной речи составляет 4,6%, в письменной – 25,7% [Brons-Albert 1982]. Более новые исследования Б. Ульвестада (1987) содержат цифры 28-33% [Ulvestad 1987], а согласно анализу К. Матцель, Б. Ульвестада (1990) доля футурума составляет 42,3% [Matzel, Ulvestad 1990].

Эти разнородные цифровые данные служат явным свидетельством в пользу актуальности исследования футурума I в сопоставлении с его основным «конкурентом» – футуральным презенсом в текстах немецкого языка. В связи с этим мы задались целью проследить и проанализировать в данной статье изменения в употреблении форм футурума I и футурального презенса на основе диахронического исследования немецкой художественной литературы XX – начала XXI века. Для анализа была проведена выборка проб (по 25000 словоупотреблений каждая) из произведений наиболее известных немецких авторов трех временных периодов (15 авторов в каждом): конец XIX - начало XX века, середина XX века и конец XX – начало XXI века. Общий объем выборки составил 1 125 000 словоупотреблений. Результаты количественного подсчета представлены в следующей диаграмме:

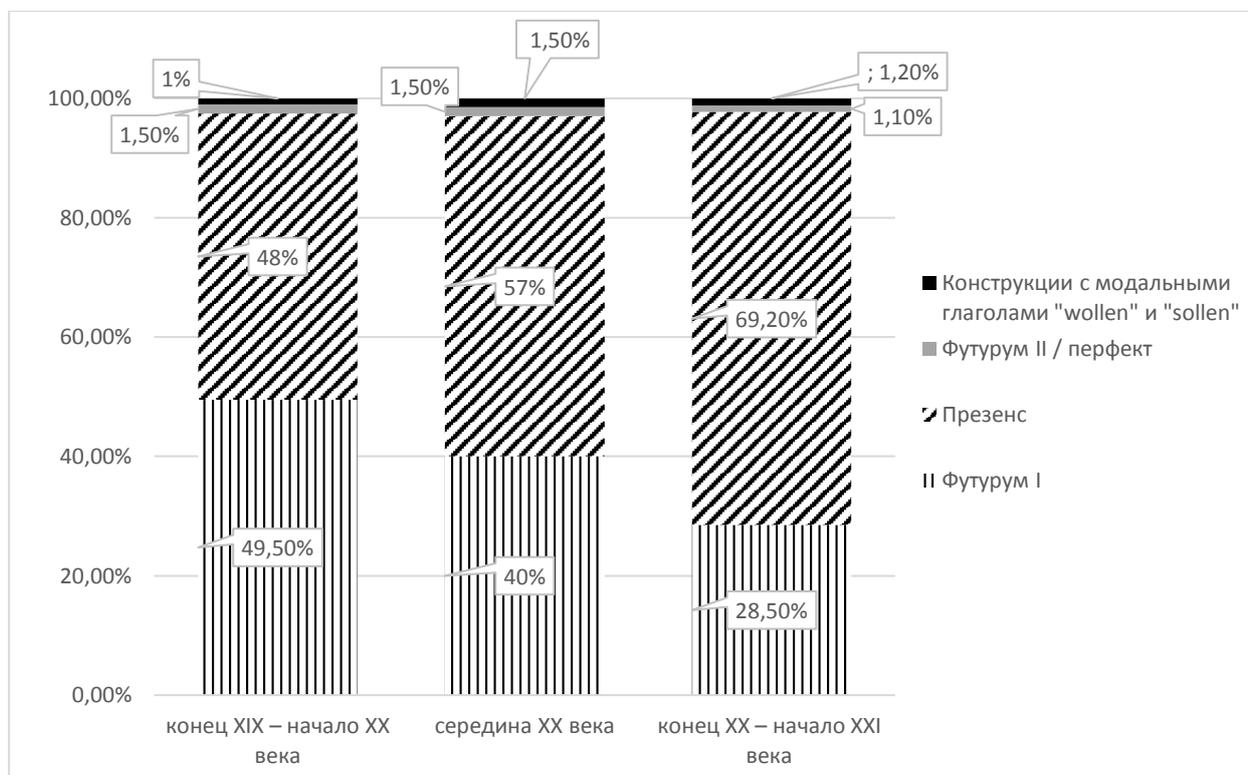

Диаграмма 1 – Распределение грамматических форм выражения футуральности в художественной литературе XX-XXI вв.

Таким образом, при исследовании временных форм, выражающих футуральность, на основе текстов различных временных срезов XX века, обращает на себя внимание тот факт, что в употреблении форм футурум II и перфект как средств выражения будущего, а также конструкций с модальными глаголами «wollen» и «sollen» в разные периоды XX-XXI вв. отсутствует значительная количественная вариативность. Вместе с тем существенны изменения в употреблении двух конкурирующих форм выражения будущего – презенса и футурума I. Так, если в художественной прозе начала XX века соотношение между формами футурум и презенс выглядело приблизительно как 1:1, то уже в середине XX века оно изменяется соответственно на 1:1,4 а к концу XX века составляет резкий контраст с предыдущими периодами – 1:2,4. Это фактически означает функциональную замену в большинстве контекстов формы футурум на форму презенс при указании на будущее время.

Так, если в следующих примерах, датированных началом XX века, глаголы говорения употреблены в футуруме:

– «*“Und was werdet Ihr dem Schrecklichen sagen” – der Herzog lächelte – “wenn er Euch fragen wird, was Euch bewog, Ferrara zu verlassen?”*» (Spielhagen 2005);

– «Nun, Bembo, saget mir, was werdet Ihr der Heiligkeit antworten?» (Spielhagen 2005);

то в текстах конца XX века они уже преимущественно употребляются в презенс:

– «Was sagst du dazu?» (Wellershoff 2002);

– «Ihr erwartet, daß ich frage, aber es ist unerträglich, wenn man immer fragen muß» (Görlich 1982);

– «Hoffen wir, dass er mir trotzdem antwortet» (Forte 2004).

Перфективные глаголы с нехарактерным для них употреблением в форме футурум для современного немецкого языка достаточно регулярно употребляются в этой форме в текстах начала века:

«Bermann ist zwar kein Adonis, aber er ist auf dem Wege zum Ruhm; und das Gemisch von Herrenreiter und Athleten in höchster Vollendung, das sich Else offenbar erträumt hat, wird sie ja doch kaum finden» (Schnitzler 2005).

«Dort finden Sie linker Hand unsere beiden Alkoholläden» (Lenz 1994).

«Der Gebieter Deines Hauses und Deiner Gedanken wird nach dem Mount Winnetou kommen, um mit uns über Großes und Schönes zu beraten» (Meyer 2005).

«Ich komme morgen zu dir, Tadeus. Nicht du zu mir» (Lenz 1994).

«“Na”, sagte Karl, “es wird nicht so schlimm werden”, nach allem, was er gehört hatte, glaubte er an keinen guten Ausgang mehr» (Kirchhoff 2002).

«Alles nicht so schlimm, wird alles wieder gut» (Frischmuth 1996).

При этом форма футурум I не исчезает из употребления, продолжает регулярно использоваться в текстах XXI века, что заставляет задуматься о появлении иных факторов, влияющих на выбор формы для выражения будущих событий. В частности, исследование контекста показало, что футурум репрезентирует себя как более независимая от окружения форма, часто не требующая для реализации своего темпорального значения специальных уточняющих элементов в контексте, тогда как форма презенс часто сопровождается конкретизаторами времени.

Привлечение к анализу информантов-носителей языка показало, что на семантическом уровне присутствует тенденция к дифференциации значений форм: наличие реально закрепленной основы высказывания в настоящем как отправной точки обуславливает выражение будущего в высказывании формой презенс; формулирование же более абстрактных положений, выводов и логических умозаключений с ориентацией на будущее облекается в форму футурум I. В данной закономерности реализует себя общая сема «прогноз», являющаяся центральной и наиболее общей составляющей значения футурума I.

Таким образом, можно заключить, что, хотя язык стремится преодолевать избыточность, и что принцип экономии языковых средств требует устранения каких-то или какой-то из конкурирующих форм, сложность понятия будущего делает необходимым употребление как обеих форм, так и ряда других средств для выражения различных оттенков будущего действия. Разнообразие средств опирается именно на их востребованность в языке, заключающуюся в том, что значения, передаваемые ими, хотя и близки, но не являются полностью синонимичными. Данный факт свидетельствует в пользу вывода о наличии семантических изменений в семантике временной формы футурум I, и прежде всего о развитии дифференциации и специализации форм презенс и футурум I в выражении будущего времени.

Библиографический список

1. *Brons-Albert R.* Die Bezeichnung von Zukünftigem in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Tübingen: Narr, 1982. 144 S.
2. *Dončeva-Mareva L.* Zur Anwendung mathematischer Methoden auf dem Gebiet der Linguistik, gezeigt an der Untersuchung zur Verbreitung der zwei Tempusformen Präsens und Futur mit Zukunftsbezug in der deutschen Belletristik // *Deutsch als Fremdsprache*. 1971. Jg. 8, H.1. S. 20–27.
3. *Matzel K., Ulvestad B.* Futur I und futurisches Präsens // *Gesammelte Schriften*. Heidelberg: Winter, 1990. S. 641–687.
4. *Pfeffer J.A., Conermann J.* Das Futur mit und ohne werden in Wort und Schrift // *Probleme der deskriptiven deutschen Grammatik*. Heidelberg: Groos Verlag, 1982. S. 47–57.
5. *Ulvestad B.* Potentiale Modalisierung der dritten Zukunftsäußerung // *Deutsche Sprache*. 1987. Jg. 15. S. 226–236.

6. Weisgerber L. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 431 S.

7. Žuikin, Ju.N. Futur I und futurisches Präsens im unabhängigen Satz // Deutsch als Fremdsprache. 1975. Jg. 12. H. 1. S. 44–50.

Источники

1. Forte D. Das Haus auf meinen Schultern. Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004. 864 S.

2. Frischmuth B. Das Verschwinden des Schattens in der Sonne. Salzburg; Wien: Residenz Verlag, 1996. 192 S.

3. Görlich G. Eine Anzeige in der Zeitung. Berlin: Verlag Neues Leben, 1982. 199 S.

4. Kirchhoff B. Schundroman. Frankfurt a.M.: Frankfurter Verlagsanstalt, 2002. 316 S.

5. Lenz S. So zärtlich war Suleyken. Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. 117 S.

6. Meyer C.F. Angela Borgia // Deutsche Literatur von Luther bis Tucholsky. Großbibliothek: Bd.125. Berlin: Digitale Bibliothek, 2005.

7. Schnitzler A. Der Weg ins Freie // Deutsche Literatur von Luther bis Tucholsky. Großbibliothek: Bd.125. Berlin: Digitale Bibliothek, 2005.

8. Spielhagen F. Zum Zeitvertreib // Deutsche Literatur von Luther bis Tucholsky. Großbibliothek: Bd. 125. Berlin: Digitale Bibliothek, 2005.

9. Wellershoff D. Der Sieger nimmt alles. München: btb, 2002. 511 S.

FEATURES OF FUNCTIONING OF THE FORMS PRÄSENS AND FUTURUM I IN GERMAN TO EXPRESS THE FUTURE (ON THE MATERIAL OF FICTION OF THE XX-XXI CENTURIES)

E.V. Zuevskaya

Minsk State Linguistic University, Minsk

The article discusses a problem of competition between two grammatical forms in German language: Futurum and Präsens from the standpoint of the diachronic approach. Tendencies in their development are established, factors influencing the choice of the form in the context are described.

Key words: Futurum I, Präsens, future tense, futurity, diachrony, trends, time, temporality

Об авторах:

Зуевская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: *sujewskaja@tut.by*.

УДК 821.112.2

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИСКУРСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЮНТЕРА ГРАССА

П.Ф. Иванов

*Сочинский институт Российского университета Дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Сочи*

Статья посвящена выявлению и филологической интерпретации категории времени в художественном произведении, определению маркеров авторского присутствия в семантическом пространстве произведения мэтра немецкой литературы Г. Грасса «Слова Гриммов. Признание в любви».

Ключевые слова: художественное время, семантическое пространство образа автора, знаки авторского присутствия.

Текст литературного произведения – это всегда чей-то текст: он характеризует не только объект, на который направлен, но и своего носителя. Каждое произведение представляет собой текст, принадлежащий одному или нескольким субъектам.

Временные и пространственные представления, фиксируемые в литературе, составляют некое единство, которое вслед за М.М. Бахтиным принято называть хронотопом. «Хронотоп, утверждал ученый, определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [Бахтин 1975, с. 391]. Временно-пространственные определения в искусстве и литературе всегда эмоционально-ценностно окрашены [Там же]. По словам Д.С. Лихачева, от эпохи к эпохе, по мере того как шире становятся представления об изменяемости мира, образы времени приобретают в литературе все большую значимость: писатели все яснее и напряженнее осознают «многообразие форм движения», «овладевая миром в его временных измерениях» [Лихачев 1979, с. 209].

По мнению Д.С. Лихачева, время автора меняется в зависимости от того, принимает автор участие в событиях художественного произведения или не принимает. Авторское время может протекать одновременно с событиями литературного текста, либо опережать его.

Пространственно-темпоральная структура произведения является ключевым фактором построения и движения сюжета. Правомерность рассмотрения художественного времени как одной из категорий текста обоснована З.Я. Тураевой, полагающей, что лишь в тексте можно выявить кардинальные особенности времени: «Эта пространственно-временная форма присуща только художественному тексту, не как элементу материального мира, а как образной модели действительности, которая создается в произведении. Художественное время идеально. Это есть особая форма познания мира, характеризующаяся только ей присущими особенностями, своеобразным переплетением свойств реального, перцептуального и индивидуального времени» [Тураева 2009, с. 20]. Континуум движения времени создаётся «смыслом текста, взятого в целом» [Нестерик 2015, с. 1391-1393].

Пространство автобиографического нарратива часто связано с психологическим восприятием времени субъектом-рассказчиком. Рассказчик может постоянно перебивать поток собственных мыслей-воспоминаний и занимать некое промежуточное положение между прошлым, настоящим и будущим. В данном случае можно говорить о «моментах моделирования внутреннего пространственно-подобного времени, в котором персонаж, переживая события, свободно передвигается в прошлое и будущее» [Андреева 2009, с. 13-15].

В данной статье представлена попытка анализа хронотопа произведения Гюнтера Грасса «Слова Гриммов» – одного из последних произведений автора, лауреата Нобелевской премии по литературе 1999 г. – которое было опубликовано в 2010 году. «Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung» – не хронологическое, но идейное завершение художественных воспоминаний мэтра немецкой литературы Г. Грасса. Две предыдущие книги мемуаров – переведенные на русский язык «Луковица памяти» и «Фотокамера» – рассказывали о его юности и о многочисленных друзьях, детях нобелевского лауреата. Г. Грасс понимает задачу писателя как поиск «другой правды», т.е. попытку соотнести систему канонических ориентиров политики, исторической науки, религии и этики. Центральным звеном его концепции «расширенной реальности» становится «четвертое время» (Grass 1987, S. 262) или «Vergegenkunft» (термин-композит, составленный из

немецких слов «Vergangenheit» – «прошлое», «Gegenwart» – «настоящее», «Zukunft» – «будущее»).

Как считает Н.Н. Михайлов, «основное отличие литературного времени от времени реального состоит в том, что это – «вывихнутое время», в котором все не так, как в реальном. Эти особенности выражаются через мифопоэтическую функцию. Один аспект художественного времени имеет прямое отношение к референции аспект, в котором литературное время выступает как структурные связи, устанавливаемые автором между событиями создаваемого им художественного мира» [Михайлов 2006, с. 66].

Для Г. Грасса как автора важна одна из главных тем – осмысление истории Германии. Хронотоп «Vergegenkunft» имеет в творчестве Грасса два смысловых поля. Сошлемся на мнение литературоведа А.В. Добряшкиной, которая считает, что это «может быть своеобразный синтез времен, принцип взаимообусловленности многих исторических и литературных периодов, фантазийное преодоление эмпирически невозможного. Другое, более сложное, понимание хронотопа – эсхатологическое: изобретенное писателем четвертое время означает не совмещение событий, а наоборот, отмену меры времени, что характерно для описываемого им наступления апокалиптического момента истории» [Добряшкина 2014, с. 727].

В данном произведении, «Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung», речь идет не столько о братьях Гримм, сколько о политической составляющей биографии самого Грасса, его активной пропаганде социал-демократических идей, участии в предвыборной кампании Вилли Брандта, борьбе против американского империализма и т.д. Братья Гримм, правда, тоже присутствуют, но не как авторы знаменитых сказок, а как создатели, зачинатели не менее знаменитого словаря немецкого языка. «Это объяснение в любви к немецкому языку. Не объяснение в любви к братьям Гримм, но к языку, с которым я работаю уже шесть десятилетий», так говорил Г. Грасс. Языковой игры в книге действительно много. Искусством игры словами этот большой мастер языка владеет великолепно (что в переводе порой трудно передать). Уже в самом названии присутствует аллюзия. «Grimms Wörter» – это явный отсыл к «Grimms Märchen», т.е. к хрестоматийным «Сказкам братьев Гримм». Начало повествования очень напоминает сказочный зачин: «Es waren einmal zwei Brüder, die Jacob und Wilhelm hießen, für unzer trennlich und landesweit als berühmt galten...» (Grass 2012, S. 9). – «Жили-были два брата, которых звали Якоб и Вильгельм, которые были неразлучны и были знамениты на всю страну» (перевод наш – П. Иванов).

События, описанные Грассом в третьей части произведения о братьях Гримм, происходят в первой половине 20 века, а последний том 32-томного словаря германских языков, который начали составлять Якоб и Вильгельм Гримм, вышел в 1960 году, т.е. спустя 120 лет после того, как братья начали работать над ним. Здесь показательна сама история создания словаря.

В 1837 году по указу курфюрста были уволены семь профессоров геттингенского университета, среди них были и братья Гримм. Братья Гримм приняли предложение одного из Лейпцигских издательств и начали работать над словарем, который считается в Германии образцом лингвистического толкования и анализа словаря немецкого языка, возможно сравнимого с толковым словарем русского языка В. Даля. Братья Гримм довели этот словарь только до буквы «F», но их работу продолжили другие. Историю эту Грасс вспоминает для того, чтобы показать, как изгнание братьев Гримм из одного королевства стало толчком для создания шедевра в другом.

Для Г. Грасса важно воспроизвести исторические события, приблизив эти события к читателю, представив читателю не застывший образ-памятник творцов немецкого словаря, а живых людей: «Ich hätte Jacob mit Böllzitate füttern mögen, wäre von Befehlsnotstand zur Befehlsverweigerung, von der Beichte zur Beichtgeheimnis, vom stillen Gebet auf die scheinheiligen Betschwestern gekommen und hätte sprunghaft mit der ihn bis aufs Krankenlager böseartig verfolgenden Bildzeitung ein Stichwort mehr mitsamt Zitaten liefern können: dann aber ist es wohl Wilhelm gewesen, der mich zur Seite schob, an meiner Stelle dem Bruder über die Schulter schaute, meinen Wortbeitrag Beerdigung übergab und märchenkundig vom althochdeutschen pesamo über das mittelhochdeutsche beseme auf den bis heute gebräuchlichen Besen kam» (Grass 2012, S.76). Грасс вступает в дискуссию с братьями Гримм, спорит с ними, предлагает свои варианты толкования устаревших слов, словно нет временной дистанции между рассказчиком и авторами словаря.

Автор-повествователь присутствует почти при каждой встрече между братьями Гримм, он вслушивается в их разговоры, между паузами вставляет свои замечания, будучи при этом невидимым. Повествователь обладает способностью перемещаться во времени, присутствуя одновременно в прошлом и в будущем.

Рассказчик часто вступает в полемику с давно ушедшими из жизни писателями, так, например, в пространном рассуждении о судьбах двух Германий, Западной и Восточной, о времени после падения Берлинской стены: «Oder lief ich mir selbst hinterdrein? Wie stets

auf rückläufigen Wegen? Wie dazumal ihm, der den Brüdern Grimm während späterer Jahre nahe der Rousseauinsel begegnet sein mag, *ging es jetzt mir* um die fehlende Einheit des Vaterlandes, an der zu leiden deutsches Vorrecht bleibt: zu Grimms und Fontanes, so zu meiner Zeit, als nach dem Fall der Mauer und kurz aufschäumendem Jubel nur noch das Geld herrschte und sich die Raffgier des Westens der Treuhand bediente» (Grass 2012, S.108).

После обсуждения острых политических современных тем Г. Грасс, словно на машине времени, перемещается почти на 200 лет назад в период феодальной раздробленности Германии, в 30–40 годы 19 века: «Zur Zeit der Brüder Grimm jedoch blieb die Misere constant und konnte die Einheit des Vaterlandes allenfalls als etwas confus Unbestimmtes besungen werden. Wollten die einen sie großdeutsch mit Österreich verklammert sehen, setzten die anderen auf den kleindeutschen, von Preußen dominierten Verbund» (Grass 2012, S. 109). В приведенной цитате внимательному читателю бросится в глаза архаичная лексика эмоционально окрашенных определений – «confus», «constant». Авторский диалог со сторонниками и противниками объединения Германии продолжится и в следующих главах.

В последней главе произведения братья Гримм (по желанию автора) перемещаются в один из самых трагичных периодов немецкой истории – в 1945 год: «Auf den Rücksitzen haben sie Platz genommen. Unverkennbar, wie mir von Zeichnungen und Photographien vertraut, sind beide altdeutsch gekleidet, doch scheint Mörtelstaub auf dem Tuch, dem Haar, auf ihrer Haut zu lagern, unterm grauen Belag muten die Brüder versteinert an... Weil zeitlos sind sie mir gegenwärtig; zwar vom Staub befallen, doch angepasst der allgemeinen Nachkriegslage. Noch schweigen sie vor sich hin. Hat es ihnen die Sprache verschlagen? Sie wissen alles voraus. Was Jacob zu Lebzeiten geahnt und Wilhelm befürchtet hatte... Ich stimme ihnen zu» (Grass 2012, S. 330). – «Они присели на заднее сиденье. Бесспорно, это они, знакомые мне по рисункам и фотографиям, одетые по моде того времени, но оттого что штукатурная пыль осела на их платье, волосах, коже: из-за этого налета они кажутся окаменевшими... Они вне времени, они – мои современники: хоть и засыпанные пылью штукатурки, но приноровившиеся к послевоенной ситуации. Пока они все еще молчат. Может у них отнялась речь? Они все предвидят заранее. То, что Якоб предчувствовал и то, чего так боялся Вильгельм... Я соглашаюсь с ними» (перевод наш – П. Иванов).

Таким образом, художественный хронотоп представляет собой взаимосвязь временных и пространственных координат литературного текста. Можно назвать это фазой художественного псевдвремени, в

котором момент речи может быть отнесен к уже пройденному пространству. Художественное время вписывается в те границы, определяемые авторским ракурсом, и одновременно на поверхностном уровне укладывается в границы, характеризующие сюжетной перспективой. Художественное время создает основу, на которой раскрывается авторская идея произведения. Для Г. Грасса – время категория условная, для автора возможность перемещаться во времени – это возможность представить историю Германии во всей полноте.

Библиографический список

1. *Андреева В.А.* Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале немецкоязычной прозы) Автореф. на соиск. уч. степени доктора филолог. наук. СПб., 2009. 34 с.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. *Добряшкина А.В.* История немецкой литературы. Новое и новейшее время. Гюнтер Грасс. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. С.724–731.
4. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
5. *Михайлов Н.Н.* Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. 224 с.
6. *Макарова И.А., Кошечкина А.Г.* Категория художественного времени как функциональная доминанта создания текста. Вестник Московского государственного университета. Серия лингвистика. 2017. № 4. С.8–15.
7. *Нестерик Э.В., Мухоматова А.А.* Художественное время как литературная и текстовая категория // Молодой ученый. 2015. № 9(89). С.1391-1393. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/89/18166> (дата обращения: 04.05.2023).
8. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М.: Книжный дом Либроком, 2009. 144 с.

Источники

1. *Grass G.* Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2012. S. 360
2. *Grass G.* Gespräche. Werkausgabe. 10 Bde. Bd. 10. Darmstadt: Luchterhand, 1987. 511 S.

DIE KATEGORIE DER KÜNSTLERISCHEN ZEIT ALS BESTANDTEIL DES DISCOURSES IN DEN WERKEN VON GÜNTER GRASS

P.F. Ivanov

*Zweigstelle der russischen Patrice Lumumba Universität
für die Völkerfreundschaft, Sotchi*

Der Artikel wurde der Identifizierung und philologischen Interpretation der Zeitkategorie in einem Kunstwerk gewidmet, der Definition von Markern der Präsenz des Autors im semantischen Feld des Werks «Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung» des deutschen Nobelpreisträgers für die Literatur G. Grass.

Schlüsselwörter: künstlerische Zeit, semantisches Feld des auktorialen Erzählers, Zeichen der Präsenz des Autors.

Об авторах:

Иванов Павел Филиппович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сочинского института филиала Российского университета Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы; e-mail: pavel987-53@mail.ru.

УДК 81'367.625.43:82

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЧАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А.Г. Калинина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматриваются временные характеристики Partizip I и Partizip II в художественном тексте. Автор обращается к лингвистике текста и его основным текстовым категориям. Участие Partizip I и Partizip II в реализации категорий проспекции и ретроспекции является важным фактом для темпоральной характеристики причастий. Практическим материалом служат примеры причастий из романа Гюнтера Грасса «Die Blechtrommel».

Ключевые слова: причастие, лингвистика текста, проспекция, ретроспекция, категории текста, категория времени, художественное время.

Лингвистика текста, как отрасль науки о языке, начинает свой путь в начале XX столетия. А.М. Пешковский впервые задумался о термине, который бы назвал единицу текста. Ученый находился в поисках термина для «крупнейшего синтаксического целого». В 50-х годах Н.С. Поспелов назвал текст «сложным синтаксическим целым», а Л.А. Булаховский предложил термин «сверхфразовое единство». Гипотеза о существовании и структуре такой сложной единицы, как текст, разрабатывалась В.В. Виноградовым, И.Р. Гальпериным, Г.Я. Солгаником и многими другими. Впоследствии все гипотезы, открытия и термины легли в основу отдельной отрасли языкознания лингвистики текста. «Текст – единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение», трактуется Р.С. Валгиной как единица динамическая, которая формируется в результате взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов. Текст в представлении И.Р. Гальперина – это «произведение речетворческого процесса, обладающего завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007, с. 18]. Исходя из того, что слово «текст» означает ткань, сплетение, соединение, мы можем говорить о тексте, как о последовательности языковых единиц, объединенных единым смыслом.

Ключевыми понятиями лингвистики текста являются категории текста. А.Ф. Папина говорит о глобальных категориях текста, таких как участники коммуникативного акта, художественное время, художественное пространство. Эти категории исследователь трактует как основные текстообразующие категории, т.к. «они способствуют связности и единству, изображению многомерности представляемых картин мира, т.к. любое событие происходит в определенном открытом или закрытом пространстве, обязательно связано со временем, с участием образа автора...» [Папина 2002, с. 92]

Среди ключевых текстовых категорий, которые играют важную роль в текстообразовании, так же называется время.

Цель данного исследования – рассмотреть временные характеристики Partizip I и Partizip II в художественном тексте, определить роль причастий в реализации категории времени в романе Гюнтера Грасса «Die Blechtrommel».

Ощущение времени в разные периоды жизни говорящего, по замечанию Н.С. Валгиной, субъективно. Время может растягиваться или сжиматься. По воле автора происходит изменение временной перспективы. Прошедшее может мыслиться как настоящее, настоящее как будущее [Валгина 2003]. Partizip I и Partizip II обладают яркими темпоральными характеристиками, которые особым образом проявляются в художественном тексте. Из классических немецких грамматик известно, что действие, обозначенное Partizip I, активно и обозначает настоящее время. Partizip II, напротив, характеризует действие как прошедшее.

В исследуемом романе Г.Грасса мы наблюдаем изменение традиционных временных значений причастий. Роман начинается с Partizip II *zugegeben*. Автор признается в чем-то читателю. В этом одном слове скрываются все те события, которые пережил главный герой. Но события раскрываются в последующем описании. Мы могли бы предположить, что с одной стороны в этом одном слове сжата информация о некоторых событиях из жизни главного героя, и это перспектива прошлого, но суть всего открывается читателям в дальнейшем описании и это перспектива настоящего и будущего.

И.Р. Гальперин, рассматривая категорию времени, вводит понятия проспекции и ретроспекции. По мнению ученого, именно эти категории выполняют важную текстообразующую функцию, т.к. без них не может происходить процесс развертывания мысли автора. Благодаря этим категориям происходит процесс переосмысления происходящего, они помогают проникнуть в «связь времен» [Гальперин 2007]. «Ретроспекция – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 2007, с. 106]. Наиболее яркий пример, который демонстрирует «связь времен» мы находим в последней главе романа «Тридцать». В этой главе автор переосмысливает свою жизнь, возвращается в мыслях к прошлому, строит планы на будущее.

(1) «*Was soll ich noch sagen: Unter Glühbirnen geboren, im Alter von drei Jahren vorsätzlich das Wachstum unterbrochen, Trommel bekommen, Glas zersungen, Vanille gerochen, in Kirchen gehustet, Luzie gefüttert, Ameisen beobachtet, zum Wachstum entschlossen, Trommel begraben, nach Westen gefahren, den Osten verloren, Steinmetz gelernt und Modell gestanden, zur Trommel zurück und Beton besichtigt, Geld verdient und den Finger gehütet, den Finger verschenkt und lachend geflüchtet, aufgefahren, verhaftet, verurteilt, eingeliefert, demnächst freigesprochen, feiere ich heute meinen*

dreißigsten Geburtstag und fürchte mich immer noch vor der Schwarzen Köchin – Amen». (Grass 1997, S. 280).

В данном отрывке 23 Partizip II и одно Partizip I. В каждом из Partizip II сохранена информация о жизни героя с момента его рождения. Автор тем самым возвращает нас в прошлые события. Данные примеры позволяют нам говорить о ретроспективной функции Partizip II, об их ценности для процесса текстообразования. «Ретроспекция как категория текста предполагает целенаправленное действие со стороны автора. В его власти заставить читателя вызвать из памяти факты, которые должны быть актуализованы» [Гальперин 2007, с. 106]. Данный пример является подтверждением слов исследователя.

«Категория проспекции – грамматическая категория, объединяющая различные языковые формы отнесения информации к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста» [Гальперин 2007, с. 112]. Данная категория обеспечивает читателю возможность проследить связь событий. Рассмотрим следующие примеры:

(2) «*Lachend lief ich davon ...*» (Grass, S. 274);

(3) «*... es war schon immer der Lieblingswunsch des Dr. Dösch gewesen, jenen Ländern eine Konzerttournee des **trommelnden** Oskar zu bescheren*» (Grass, S. 273).

Partizip I в примере (2) раскрывает отношение Оскара ко всему прошлому и будущему. Он бежит, смеясь, вспоминая свою жизнь. В примере (3) используется Partizip I «*trommelnd*», которое многократно повторяется в романе. Барабан, самый важный инструмент в жизни главного героя, является его спутником всю жизнь. И как раз сейчас он принимает решение о том, забрать барабан с собой в будущее или оставить в прошлом. Partizip I, с одной стороны, возвращает читателя в прошлое, с другой стороны, в силу своей темпоральной характеристики, дает шанс на настоящее и будущее существование. В причастии «*trommelnd*» заключена главная характеристика героя, и это очень символично, что в описании ситуации перед решающим событием его жизни, а именно, выходом в большую жизнь, употреблено именно это причастие, а не «*getrommelt*», которое бы показало прошлый этап, а именно «*trommelnd*» с указанием на будущее.

Категории проспекции и ретроспекции в художественном тексте позволяют осуществить связь событий в общем авторском повествовании, участвуют в раскрытии глубинных временных пластов текста. По мнению Ж. Женетта, некоторые языковые явления могут способствовать переходу из одного временного пласта в другой [Женетт 1998]. По нашему мнению, именно Partizip I и Partizip II

являются теми языковыми средствами, которые осуществляют этот переход.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 191 с.
3. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. В 2-х томах. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
4. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: УРСС, 2002. 365 с.

Источники

1. Grass G. *Die Blechtrommel*. Göttingen: Steidl Verlag, 1997. 781 S.

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF GERMAN PARTICIPLES

A.G. Kalinina

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the temporal characteristics of Partizip I and Partizip II in a fiction text. The author refers to the linguistics of the text and its main textual categories. The participation of Partizip I and Partizip II in the realization of the categories of prospection and retrospection is an important fact for the temporal characteristics of participles. Examples of participles from the novel «Die Blechtrommel» by Günter Grass serve as practical material.

Key words: participle, text linguistics, prospection, retrospection, text categories, category of time, fiction time.

Об авторах:

Калинина Анна Григорьевна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anna_kalinina_80@inbox.ru.

МОТИВ НОСТАЛЬГИИ В ПОЭЗИИ XX ВЕКА В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ

В.А. Кияшко

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье представлен анализ стихотворных произведений поэтов XX века России и Германии А. Блока и Г. Гессе. Рассмотрен мотив ностальгии в данных произведениях в аспекте реализации принципа Золотого сечения. Выявлены наличие и роль принципа Золотого сечения в поэтических произведениях. Определены функции Золотого сечения в каждом из представленных художественных произведений. Сделан вывод об универсальном характере принципа Золотого сечения в поэтических произведениях на русском и немецком языках.

Ключевые слова: поэтический дискурс, стихотворные произведения, русская литература, немецкая литература, мировая поэзия, принцип Золотого сечения.

Мотив ностальгии является важным для творчества многих поэтов, создававших свои произведения в начале XX века, именуемого Серебряным веком в отечественной литературе. Это связано с тем, что именно данный период выступает в качестве переломного момента в истории многих стран и государств, включая Россию и Германию, изменяются привычные устои и нормы, меняется политическая, экономическая и социальная обстановка в государствах. Смена вектора нелегко дается большому количеству поэтов эпохи, что приводит к появлению стихотворных произведений, мотив ностальгии в которых становится ведущим.

В данной работе мы приводим стихотворные произведения А. Блока, и Г. Гессе, выявляем в них особенности реализации и функционирования принципа Золотого сечения, сопоставляем функции Золотого сечения в творчестве поэтов. Сопоставление представляется нам актуальным и продуктивным в связи с тем, что указанные поэты принадлежат к одной эпохе в мировой культуре, рассматриваемые произведения объединены тематикой и мотивом ностальгии. Произведения рассматриваются в аспекте реализации в них принципа Золотого сечения.

Исследование основных особенностей актуализации принципа Золотого сечения в стихотворных произведениях поэтов начала XX века в мировой литературе является актуальным в аспекте интерпретации его различных функций в литературно-художественных произведениях. По утверждению Э.К. Розенова, для принципа Золотого сечения характерно выполнение следующих функций:

- разделение смысловых частей произведения;
- закрепление пропорционального отношения частей произведения друг к другу;
- определение кульминации литературно-художественного произведения;
- выявление главной мысли художественного произведения за счет того, что она становится более ярко выраженной и заметной для подсознания читателя [Розенов 1982].

Несмотря на важность актуализации принципа Золотого сечения в литературно-художественных произведениях, данной проблеме уделяется недостаточное внимание в рамках современных филологических и лингвистических исследований.

Мы предполагаем, что реализация принципа Золотого сечения в анализируемых произведениях А. Блока и Г. Гессе будет способствовать формированию четкого представления об особенностях репрезентации мотива ностальгии в произведениях поэтов XX века в мировой и отечественной литературе.

Реализация Золотого сечения в поэтических произведениях тесно связана с числом Фибоначчи, которое выражает отношение частей, формирующих Золотое сечение, друг к другу, и равно 1,6. В ходе исследования нами был определен алгоритм выявления особенностей реализации принципа Золотого сечения в стихотворных произведениях. На основании утверждения исследователей в области филологии о том, что Золотое сечение приходится, как правило, на кульминацию литературно-художественного произведения [Доберштейн 2008], мы делим общее количество строк стихотворения на 1,6. Затем мы проводим анализ смысловой наполненности стихотворного произведения и определяем, является ли полученная строка кульминационной для стихотворения. В случае, если данное условие выполняется, мы можем говорить о том, что в проанализированном стихотворном произведении реализуется принцип Золотого сечения. В данном случае он подчеркивает мотив ностальгии и уходящего времени.

В стихотворном произведении А. Блока «Протянуты поздние нити минут...» повествование идет от лица лирического героя, который находится в ужасе от того, что его окружает, он не может примириться с новой действительностью и ищет утешения в словах героини, которую он называет «мой Ангел, мой Друг» (Блок 2022). В первой части стихотворного произведения речь идет о Судьбе и предначертании человека, об их неизбежности и о страхе перед ними. Во второй части стихотворного произведения рассказывается о том, что лирический герой, хотя и понимает неизбежность грядущего, старается внять словам Ангела, осознавая при этом, что сам Ангел находится в таком же эмоциональном состоянии. В первой части стихотворного произведения Ангел предстает перед читателем как существо, способное успокоить лирического персонажа, тем не менее, из второй части произведения мы узнаем, что Ангелу так же страшно, как и самому главному персонажу. Смена в представлении образа Ангела происходит в 13 строке произведения. Именно она является кульминационной, так как в ней представлен переломный момент стихотворения, наблюдается значительное изменение в том, как читателю показывается образ Ангела, изначально спокойного, утешающего. Смена настроения происходит в 13 строке. Стихотворение насчитывает 22 строки. При делении общего количества строк (22) на число Фибоначчи (1,6) мы получаем 13. Это указывает на тот факт, что в представленном стихотворном произведении реализуется принцип Золотого сечения. Мотив ностальгии здесь проявляется в том, что лирические персонажи тоскуют по уходящим временам, но вместе с тем и с надеждой ждут спасительного будущего, находясь в состоянии ужаса во времени настоящим.

В еще одном произведении А. Блока «Есть минуты, когда не тревожит...» реализуется мотив ностальгии. Он проявляется в том, что поэт с грустью вспоминает время, когда все печали и тревоги не касались человека. В реальности, в которой оказывается поэт, спокойствие длится лишь краткие минуты. В представленном поэтическом тексте наблюдается также актуализация принципа Золотого сечения, которое приходится на 7 строку. Общее количество строк в стихотворении – 12. При делении 12 на 1,6 мы получаем 7. Именно в 7 строке представлено противопоставление спокойной, размеренной жизни, которая была у лирического персонажа ранее, той жизни, в которой герой произведения оказывается в момент повествования. Это дает нам основания говорить о том, что в данном тексте Золотое сечение выполняет функцию разделения смысловых

частей произведения, что вместе с тем придает значимость мотиву ностальгии, делает его центральным для текста, так как первая часть стихотворения отображает тоску по ушедшему, а вторая – воспекает новое, прекрасное начало человека.

Для анализа особенностей реализации мотива ностальгии в аспекте принципа Золотого сечения в поэзии на немецком языке мы обратились к творчеству Г. Гессе начала XX века. Было проанализировано стихотворное произведение «Älterwerden» // «Старение» (перевод наш. – В.К.), главной темой которого является старение человека, приносящее жизненные изменения, приводящее человека к рефлексии о прожитых годах.

Лирическое произведение насчитывает 16 строк. Разделяя общее количество строк на число Фибоначчи, мы получаем 10. Предполагаем, что в 10 строке будет реализован принцип Золотого сечения, выполняющий ту или иную функцию. Анализ текста художественного произведения показывает, что в первой части лирический герой размышляет о прошедшем времени, о «звездах юности» (перевод наш. – В.К.) // «Sterne der Jugend» (Hesse 2023). В строках с 1 по 9 включительно речь идет о том, что у героя не осталось никого, кто был бы с ним рядом, что означает, вероятнее всего, смерть товарищей и близких. С 10 строки наблюдается смена настроения: тоска сменяется желанием бороться, противостоять миру и, если не победить время и приближающуюся старость, то умереть как боец. Резкая смена настроения в 10 строке указывает на тот факт, что в данном произведении действительно реализуется принцип Золотого сечения. Основная функция данного принципа в рамках рассмотренного стихотворения заключается в следующем: подчеркивается мотив ностальгии, который является ведущим для анализируемого стихотворного произведения за счет того, что именно при помощи принципа Золотого сечения происходит выявление главной мысли художественного произведения, так как она становится более заметной для подсознания читателя, разделяются смысловые части произведения. Совокупность представленных факторов приводит к тому, что мотив ностальгии становится ярко выраженным в данном произведении.

Таким образом, проанализировав мотив ностальгии в поэзии XX века в аспекте реализации принципа Золотого сечения, мы можем говорить о том, что данный принцип действительно находит свое отображение в стихотворных русскоязычных и немецкоязычных поэтических произведениях, созданных в России и Германии в начале XX века. Результаты исследования указывают на тот факт, что

актуализация принципа Золотого сечения характерна для произведений, написанных как на русском, так и на немецком языке, что говорит об универсальности данного принципа.

Библиографический список

1. *Васютинский Н.А.* Золотая пропорция. Санкт-Петербург: Диля, 2012. 386 с.
2. *Доберштейн В.Ю.* Золотое сечение в поэзии // Вестник КГУ. 2008. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zolotoe-sechenie-v-poezii> (дата обращения: 06.05.2023).
3. *Розенов Э.К.* Статьи о музыке: Избранное. М.: Музыка, 1982. 271 с.

Источники

1. *Блок А.* Стихотворения. М.: Эксмо, 2022. 384 с.
2. *Hesse H.* Älterwerden. Режим доступа: <https://hesse.de/gedichte/aelterwerden> (дата обращения: 06.05.2023).

DAS MOTIV DER NOSTALGIE IN DER POESIE DES ZWANZIGSTEN JAHRHUNDERTS IM ASPEKT DER UMSETZUNG DES PRINZIPS DES GOLDENEN SCHNITTS

V.A. Kijaschko

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Der Artikel enthält eine Analyse der Gedichtwerke der Dichter des zwanzigsten Jahrhunderts Russlands und Deutschlands, A. Blok und H. Hesse. Das Motiv der Nostalgie in diesen Werken wurde unter dem Aspekt der Umsetzung des Prinzips des Goldenen Schnitts betrachtet. Das Vorhandensein und die Rolle des Prinzips des Goldenen Schnitts in poetischen Werken wurden aufgedeckt. Die Funktionen des Goldenen Werkes sind in jedem der eingereichten Kunstwerke definiert. Es wurde über den universellen Charakter des Prinzips des Goldenen Schnitts in poetischen Werken in russischer und deutscher Sprache Schluss gemacht.

Schlüsselwörter: poetischer Diskurs, Gedichte, russische Literatur, deutsche Literatur, Weltpoesie, das Prinzip des Goldenen Schnitts.

Об авторах:

Кияшко Вероника Александровна – ассистент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета;
e-mail: kiyaschkoveronika@mail.ru.

УДК 821.111-31

ОБРЯДОВОСТЬ ЖИЗНИ КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ «ЧЕЛОВЕЧНОСТИ» В РОМАНЕ У. ГОЛДИНГА «НАСЛЕДНИКИ»

С.Г. Крылова

*Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж*

В статье рассматривается процесс столкновения прошлого и будущего в романе У. Голдинга «Наследники», производится анализ средств, с помощью которых автор изображает неандертальцев и человека разумного и акцентирует внимание на тотальных различиях между ними, основанных на обрядовости жизни героев как основном критерии в определении степени «человечности».

Ключевые слова: Голдинг, «Наследники», время, дикость, власть, превосходство, истребление, природа.

Роман У. Голдинга «Наследники» (1955), по мнению специалиста по литературе Великобритании А.А. Чамеева, является своеобразным продолжением знаменитого «Повелителя мух» (1954). Оба произведения раскрывают проблему сущности человеческой цивилизации и говорят о вплетении жестокости в генетический код человека разумного.

У. Голдинг намеренно помещает героев двух романов в разное время. Автор показывает фактическое отсутствие различий между первобытным человеком и человеком времен вымышленной Третьей мировой войны. Первые представители Homo Sapiens жестоки по отношению к менее развитым, по их мнению, неандертальцам, а мальчишки из частной школы, как и взрослые, с которых они берут пример, жестоки по отношению друг к другу.

В романе «Наследники» У. Голдинг сталкивает лицом к лицу принципиально разные по своему мировосприятию виды человека, таким образом стягивая прошлое и будущее воедино. Неандерталец и

человек разумный буквально оказываются друг напротив друга. Показательна в этом плане сцена, в которой человек новый, испытывая страх перед неведомым ему прежде существом, стремится его уничтожить, даже не попытавшись понять. Неандерталец же не понимает этой жестокости и думает, что таким образом с ним хотят установить контакт, протянуть руку дружбы.

Профессор Струкова Т.Г. в монографии «Морская трилогия» У. Голдинга: традиция и новаторство» отмечает очень важную для понимания творчества английского писателя закономерность. Ученый делает акцент на обрядовости человеческой жизни. Романы «Ритуалы дальнего плавания» (1980), «Две четверти румба» (1987) и «Огонь внизу» (1989) символизируют собой триаду «жизненного путешествия человека во Вселенной» [Струкова 2000, с. 118] – крещение, свадьбу и похороны. О ней, как о том, что отличает человека от зверей, говорит главный герой произведений Тэлбот. Три составляющие человеческого существования были заложены и в роман «Наследники». Автор никогда не расстается со «старыми» идеями. Вопросы «Чем человек отличается от зверя?», «Хорошо ли это отличие?», «Что есть истинная человечность?» в его творчестве представляют собой текстовый водоворот, вбирающий в себя все авторские интенции на протяжении десятилетий.

Неандертальцы в романе «Наследники» – это не примитивные существа. У. Голдинг помещает их в рамки вышеупомянутой триады, тем самым причисляя к роду человеческому. Крещение в романе – наличие в сознании неандертальцев божества – богини Оа. Они трепетно относятся к природе, поклоняются ей, не занимаются ее преобразованием в угоду себе. Максимальное воздействие, которое они могут совершить, – это палка, брошенная через болото, и съеденное мясо козы, которую убили гиены. Новые люди, напротив, рушат все на своем пути, испытывая суеверный страх. Подобная деструктивная сила погубила и героев «Повелителя мух».

Опираясь на эти знания, можно говорить о двух типах дикости, которые изображает У. Голдинг в своих первых романах: о дикости как первобытности, и о дикости как варварстве. Первый тип дикости транслируется в «Наследниках», второй – в «Повелителе мух». Т.Г. Струкова, говоря о стремлении человечества к техногенному пути развития, вводит понятия мнимого и истинного варварства. Очевидно их возможное приложение к исследуемому вопросу. Истинное варварство – потеря гармонии естественного существования. Именно по этому пути ступили новые люди, посягнувшие не только на целостность природы, но и на жизнь другого человека.

Свадьба в «Наследниках» – это любовь, подобие семейных уз, способность неандертальцев к углубленному ментальному диалогу, который влечет за собой максимальное взаимопонимание. В данном аспекте стоит рассмотреть вопрос о языке. Человек разумный наделен способностью говорить, но это не помогает ему достичь уровня сопереживания, характерного для предшественников. Язык не помогает и подросткам, оказавшимся на необитаемом острове в романе «Повелитель мух», наделенных варварским отсутствием эмпатии. Неандертальцы же обладают способностью тотально сопереживать своим близким. Показателен эпизод умирания Мала. Все члены семьи собираются вокруг него и представляют собой излечивающий если не тело, то душу сгусток энергии. Общение неандертальцев происходит посредством формирования картин в голове. Доказательством полноценности такого общения может служить одна из самых известных точек зрения на писательское искусство XX века: Э. Хемингуэй стремился не описывать, а изображать.

Третья составляющая человеческого существования является самой простой, она практически не требует какой-либо трактовки. Похороны всегда были неотъемлемой частью жизни человека. Посмертная, самая последняя забота о близком, скорбь – все это не чуждо неандертальцам. Читатель становится свидетелем обряда погребения. Старуха приказывает Локу с помощью камня выкопать могилу Малу. В ходе этого титанического труда у героя иссякают силы, и могилу продолжают копать женщины. Старуха укладывает старейшину в яму так, чтобы ему было «удобно»: ладони подсунуты под щеку, а ноги, согнутые в коленях, оказываются ниже, чем голова. Очевидны представления неандертальцев о существовании загробного мира – в могилу ему кладут большой кусок мяса на случай голода, приносят воду из реки на случай жажды. Смерть трактуется Старухой как возвращение Мала в чрево богини Оа.

Таким образом, можно говорить о том, что У. Голдинг не просто изображает временную прямую, а сталкивает прошлое и будущее, изображая два ментально принципиально разных вида человека. В сознании читателя зарождаются сомнения, касающиеся оценки качественного изменения человеческой цивилизации. У. Голдинг вступает в полемику с Г.Д. Уэллсом, который в своём «Очерке истории» практически уравнивает неандертальца и дикое животное.

Библиографический список

1. Струкова Т.Г. «Морская трилогия» У. Голдинга: традиция и новаторство. Воронеж: ВГУ, 2000. 136 с.

Источники

1. Голдинг У. Собрание сочинений. Повелитель мух. Наследники. Романы. Чрезвычайный посол. Повесть. пер. с англ., сост. М. Шерешевской, предисл. А.А. Чамеева. СПб: Издательство «Симпозиум», 2000. 464 с.

RITUALITY OF LIFE AS A CRITERION FOR DETERMINING THE DEGREE OF «HUMANITY» IN W. GOLDING'S NOVEL «THE INHERITORS»

S.G. Krylova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

The article discusses the process of collision of the past and the future in W. Golding's novel «The Inheritors», analyzes the means by which the author depicts Neanderthals and Homo sapiens and focuses on the total differences between them, based on the ritual life of the characters as the main criterion in determining the degree «humanity».

Key words: Golding, «The Inheritors», time, wildness, power, superiority, extermination, nature.

Об авторах:

Крылова Софья Геннадьевна – аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, преподаватель строительно-политехнического колледжа Воронежского государственного технического университета; e-mail: sk1996.96@mail.ru.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И ЕГО МАРКЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Н.Н. Крючкова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается категория времени и его маркеры в художественном произведении, анализируется художественное время в произведении и выявляются типы темпоральных маркеров, используемых автором для создания темпоральной картины в произведении.

Ключевые слова: категория времени, лексические единицы, историческое время, художественное время, темпоральные маркеры, художественное произведение.

Время – фундаментальная абстрактная категория, пронизывающая бытие и сознание человека на всех этапах его существования и отражающая базовые представления человека о бытии. В каждой культуре время является константным ментальным образованием, имеющим некие отличия в представлении времени в каждой эпохе, поскольку любая эпоха представляет собой период времени в развитии природы, общества, науки, имеющий какие-либо характерные особенности.

Время как абстрактная категория подразумевает как историко-культурные особенности эпохи, так и ее события, которые и определяют понятие «время».

Все, что является ценностным в жизни человека, получает отражение в лексических единицах. Поскольку лексические единицы способны собирать и передавать информацию об определенном отрезке времени, то благодаря им поддерживается ассоциативная связь с этим временным отрезком.

Являясь признаками конкретной эпохи, иными словами, будучи так называемыми маркерами эпохи, они способны разграничивать временное пространство эпохи на более мелкие временные отрезки.

Лексические единицы как маркеры эпохи содержат в своей семантической структуре темпоральный компонент, позволяющий им ассоциироваться с определенным временным отрезком. Маркеры

эпохи иллюстрируют не только картину мира определенной эпохи, но и ее приоритеты.

Время в художественном произведении рассматривается исследователями как особая художественная категория, так как будучи временем, созданным писателем, часто оказывается не похожим на реальное время и представляет из себя временной ряд в различных аспектах воплощения, функционирования и восприятия его как явление искусства. Поскольку в художественном произведении есть не только автор-создатель, но и герой и читатель-реципиент, то между временем и текстом существуют определенные взаимосвязи: реальное время создания произведения, время его восприятия читателем. Однако время, в котором находится произведение как созданный продукт, не имеет ничего общего с изображенным в нем временем, поскольку художественный текст как объект эстетического восприятия – это продукт авторского творчества, в котором есть созданная автором эстетическая реальность, так называемый «внутренний мир произведения» [Лихачев 1979]. В художественном времени протекает действие произведения: живут и действуют его герои и совершаются изображаемые в нем события, иными словами, время – это способ изображения героя и его жизни.

Художественное время помогает лучше понять замысел автора и смысл произведения, для чего автор создает разные образы художественного времени: биографическое – детство, юность, зрелость, старость героев; историческое – характеристика смены эпохи, поколений, крупных событий в жизни общества; событийное – выступает как условие совершения многообразных действий, фабульное – датировка момента действия; психологическое время – время психического мира человека; социально-бытовое и циклическое время. Автор может «сжимать» время, ограничиваясь короткой фразой, а может «останавливать» мгновение, подробно описывая какое-либо явление.

На современном этапе различных исследовательских направлений велик интерес к рассмотрению темпоральной картины художественного текста, в структурировании которого, как известно, важную роль играют лексические единицы с темпоральной семантикой, которые используются для обозначения событий, имеющих место в любой точке пространства – времени года, суток и т.д. и которые создают общую временную картину художественного произведения.

Слова и сочетания, которые автор использует в произведении с целью создания структуры художественного времени и для маркирования временных отрезков и которые содержат в своей семантической структуре компоненты, свидетельствующие о темпоральной и локальной привязанности лексической единицы, определяются исследователями как «темпоральные маркеры» [Панова 2004, Чернухина 1984].

Исследователи классифицируют темпоральные маркеры, разделяя их на прямые(конкретные) и косвенные. К прямым они относят точные даты или ссылки на конкретные исторические события, такие как периоды правления исторических личностей, войны, революции и т.п., а также обозначения реалий определенной эпохи и местности, с помощью которых читателем точно определяется и оценивается время, отделяющее описываемый момент от момента прочтения художественного текста.

К косвенным же темпоральным маркерам они относят элементы внутренней организации временной структуры произведения и обозначают как соотнесенность событий художественной реальности между собой.

Как полагают исследователи, писатель с помощью временных сигналов обозначает положение художественного времени своего произведения по отношению ко времени историческому, помещая события, о которых повествует, в ряд реальных исторических событий.

Темпоральные маркеры создают временные пласты и определяют для событий свое место в повествовании в целом.

Проанализируем темпоральные маркеры, выступающие в качестве маркеров эпохи, которыми автор, Э.М. Ремарк, пользуется для создания художественного времени в своем произведении «Три товарища».

Лексические средства с темпоральной семантикой помогают автору создать текстовое время, точно изобразив портреты эпохи, являющиеся его составными частями и нарисовать современного для того времени героя. Произведение содержит большое количество слов и выражений, маркирующих временные отрезки, благодаря которым автор собирает главного героя и его жизнь и восполняет до целого различными моментами и тем самым достигает полноты образа. Главному герою 30, день рождения, грустные воспоминания, перед главным героем проходят картины из его недавнего прошлого: детство, школа, в 1916 он, восемнадцатилетний, призван, солдатские казармы, ранение друга, мучительная смерть однополчан от газового

удушья, от тяжелых ран. Затем 1919. Путч. Арестованы друзья. Голод. Инфляция. Безработица. Поиск заработка. И постоянно внезапно возникает прошлое. Моменты душевных невзгод героя.

Автор словно живет в книге и вместе с героями решает проблемы того времени, ничуть не фантастические, а реальные, которые коснулись в первой половине XX века всех жителей Европы. Очевидно, что, отчет времени в романе ведется автором от события к событию с соотнесенностью к историческому времени. Лексическое отображение жизни Германии в 20 веке находит свое воплощение в лексических единицах разнообразных сфер жизни общества: войны, революции, политики, экономики.

Анализ лексических единиц показал, что автор активно использует прямые (конкретные) темпоральные маркеры. В тексте встречаются даты, упоминания о сколько-нибудь значимых исторических событиях или катаклизмах.

Используемые автором косвенные маркеры – упоминания должностей героев, названий городов и реалий жизни – позволяют оценить эпоху, в которой имели место описываемые события. Так, главные герои в поисках заработка из-за отсутствия денег и тотальной безработицы вынуждены постоянно менять профессию и место работы, как и большинство людей в послевоенной Германии.

Темпоральным маркером в произведении выступает и время года, обозначающее замкнутый, повторяющийся цикл, так, герои встречаются весной, что очень символично, поскольку весна – символ обновления и новых надежд, однако цикл завершается, и следующий начинается уже без главной героини, а ход времени продолжается, несмотря на трагическую потерю героев произведения. И если появление героини ранней весной символизирует надежду, то ее уход – крах надежд, безысходность и разочарование. Смерть уносит мечты главных героев. Смертельная болезнь героини, как и сотен детей того времени, вызванная голодным военным временем, лишениями – это болезнь всего общества, медленно идущего к духовной смерти. Ведь силы Германии истощены Первой мировой войной, а будущее стало погружаться в антиправительственные митинги и зарождающиеся на фоне экономического кризиса и безработицы фашистские настроения.

Рассмотрим общий пространственно-временной план художественного произведения. Время действия – конец 20-х годов XX века, 1928-й год, 10 лет после Первой мировой войны, времена Веймарской республики. Место действия – послевоенная Германия. Более конкретное место действия автором очерчено косвенно, на него

указывают как упоминания берлинских зданий, так и особый берлинский диалект.

Художественное время в произведении открыто и связано с событиями, происходящими вне пределов произведения, то есть со временем историческим. Автор описывает разные временные эпохи через воспоминания своих героев. В романе настоящие события чаще всего переплетаются с воспоминаниями о войне, которая все время присутствует в сердцах и дает свои отголоски глубоко в душе героев. Автор, будучи ветераном Первой мировой войны, страшный и жестокий мир войны увидел глазами простого солдата и таким отобразил его в воспоминаниях своего героя.

Сквозь отрывистые воспоминания своего героя автор воссоздает широкое эпическое полотно социальных потрясений в послевоенной Германии, из которых выросла Третий рейх: многолюдные демонстрации под разными флагами, бурное политическое собрание, инфляция, расстрелы, аресты. Время вмещается в фабулу романа, потому что это роман о времени исторической ломки, о людях, вышедших из войны и силящихся устоять на ногах в неустойчивом послевоенном мире, а живут они воспоминаниями, так как никакого светлого будущего сквозь мглу разрушения и смерти не видно, потому и так пессимистичен и безысходен финал романа.

Автор, усложняя образ времени, соединяя настоящее с прошлым, позволяет ощутить глубины народной памяти через память героев. Почему герой не лишен исторической памяти, не забывает собственное прошлое и прошлое своего народа? Автор через своего героя дает понять читателю, что историческая память – это своего рода духовная прививка против безнравственности и отсутствия морали.

Присутствие двух миров – художественного и реального отвечает задаче автора путем введения исторических фактов воссоздать конкретную эпоху с абсолютной исторической достоверностью, а подбор лексических средств позволяет автору создать дух эпохи. Эпоха, среда, страна воспринимается как почва, на которой становятся возможными судьбы героев, и фон, на котором разворачиваются описанные автором события.

Библиографический список

1. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

2. Панова Е.А. Темпоральные указатели как средство построения временной перспективы «Властелина колец» Дж.Р.Р. Толкиена // Актуальные проблемы модернизации языкового образования в школе и вузе. Воронеж, 2004. Ч. 2. С. 55–58.

3. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 116 с.

Источники

1. *Remarque E.M. Drei Kameraden* / Е.К. Лебедева. СПб.: Каро, 2017. 352 с.

KATEGORIE DER ZEIT UND DEREN BEZEICHNER IM LITERARISCHEN WERK

N.N. Kryuchkova

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Im vorliegenden Beitrag wird ein Versuch unternommen die Zeit als grundlegende Kategorie der sozialen Welt und den Prozess der Wahrnehmung von Zeit zu analysieren. In Hinblick darauf wird die sprachliche Realisierung der Kategorie der Zeit in einem literarischen Werk betrachtet. Bei der Analyse werden verschiedene Erkennungsmarken der Zeit vorgebracht.

Schlüsselwörter: Kategorie der Zeit, lexikalische Einheit, literarisches Werk, Bezeichner, Erkennungsmarke, historische Zeit.

Об авторах:

Крючкова Нина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nnkryuchkova@yandex.ru.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ЖАНРА

А.В. Кузнецова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Статья посвящена рассмотрению жанровой принадлежности художественного текста с позиций выявления маркеров художественного времени. Теория нарратива применена к художественному тексту, обнаруживающему сложный синтез нарративных стратегий протожанров сказания и притчи, а также трансформацию жанра литературной легенды. Доказано, что художественное время в таком тексте амбивалентно и усложнено авторской оценкой.

Ключевые слова: художественное время, нарратив, нарративная стратегия, жанр, ценностная ориентация персонажа.

Активизация исследований в сфере систематизации различных художественных явлений, свойственная современному литературоведению, обуславливается постепенным отказом от определения умозрительных соответствий конкретного феномена устойчивым традициям и движением в сторону анализа эмпирически подтверждаемых аспектов. Одной из актуальных проблемных сфер остается уточнение жанровой принадлежности художественного текста в единстве и сложном взаимодействии его содержательной и формальной сторон.

Сюжетное повествование описывается с позиций отношения нарратора к «событию рассказа» и «событию рассказывания», следствием чего становится акцентирование внимания на принципах повествования (нарративных стратегиях), обусловленных жанровой принадлежностью произведения [Косиков 1976]. В.И. Тюпа обосновывает возникновение нарративных стратегий в так называемых протолитературных жанрах (сказание, притча, анекдот, сказка) на основании генетических связей жанровых инвариантов и соответствующих им стратегий [См.: Тюпа 1997].

Методология, предложенная В.И. Тюпой, представляется важной, прежде всего, для таких художественных текстов, авторское определение жанра которых заведомо отсылает читателя к

традиционным жанрам при том, что текстовые компоненты и архитектура обнаруживают взаимодействие нарративных стратегий [См.: Бологова 2013].

Такой синтез признаков нарративных стратегий сказания и притчи обнаруживается в легенде А.И. Куприна «Аль-Исса» (1894), при этом в данном художественном тексте именно эти стратегии маркируют жанр литературной легенды. Одним из центральных компонентов художественного текста, благодаря которому манифестирована такая маркированность, становится художественное время.

В сказании картина мира репрезентирована как навсегда установленный миропорядок: для ценностной ориентации персонажа этот момент имеет определяющее значение. Для Аль-Иссы предназначение осознанно: «Никто никогда не видал его смеющимся или преданным праздному разговору» (Куприн 1957-1958, с. 147). Примечательно, что само предназначение интерпретировано в координатах времени как вечное и неизбывное (Ср.: «никто никогда»). Признаки «риторики сказания» и «риторики притчи» [Женнет 1998] обнаруживаются в таких контекстах, в которых отсутствует оценка давнего прошлого, он воспринимается как непреложный факт: «За несколько веков до рождения Христа в самом центре Индостана существовал сильный, хотя и немногочисленный народ <...> Они не знали ни роскоши, ни страха смерти, и это делало их непобедимыми» (Куприн 1957-1958, с. 146). Художественное время здесь маркировано отдаленностью от читателя («за несколько веков до рождения Христа»).

Тем не менее, герой остается свободным в своих действиях, и это требует употребления иных лексических маркеров, обнаруживающих идею сиюминутности проявления («скоро ... стало»): «Зато скоро имя его стало приводить в ужас самых воинственных соседей» (Куприн 1957-1958, с. 147). Такой имплицитный свободный выбор Аль-Иссы даже в пространстве сказания и притчи манифестирован упоминанием конкретных промежутков времени («целый час»): «Прошел целый час томительного ожидания, когда, наконец, вдали показался Аль-Исса на взмыленном и покрытом пылью коне» (Куприн 1957-1958, с. 148-149).

Жанр литературной легенды маркирован типом сюжета, который при подтекстовом указании на свободу выбора героя также отмечен авторской оценкой. В традиционной легенде сюжет всегда предсказуем: зачастую он формируется под влиянием архетипического мотива нарушения запрета. А.И. Куприн приводит своего героя к непредсказуемому и формально открытому финалу,

имеющему, тем не менее, характер притчи. Притчевое поучение здесь содержится в подтексте: «Массивные двери слоновой кости распахнулись... и медленно вошла сама богиня смерти в длинных белых одеждах, окутанная покрывалом. Аль-Исса кинулся к ней, дрожащими руками распахнул легкую ткань, закрывавшую лицо, и окаменел от ужаса и изумления... Перед ним стояла дряхлая старуха, сморщенная, беззубая, со слезящимися глазами и потухшим взором» (Куприн 1957-1958, с. 149). Само художественное время в приведенном макроконтексте структурировано таким образом, что у читателя закономерно должна возникнуть картина не вечно повторяющегося, а, напротив, единичного события, которое к тому же имеет неординарный характер: купринская легенда при опоре на нарративные стратегии притчи и сказания движется в сторону обретения героем заслуженной награды, ведь на первый взгляд его ценностная картина мира соответствует всем канонам его общества и религии. Однако авторская оценка абсолютно однозначна, и его собственное «притчевое поучение» таково: бессмысленны жертвы во имя неопределенного идеала, пусть и самого прекрасного будущего (а ведь именно таков этот идеал в фиксируемой общественным мнением форме).

Безусловно, эффект обманутого ожидания, реализуемый А.И. Куприным в легенде «Аль-Исса», позволяет, в том числе, в разноуровневой репрезентации художественного времени продемонстрировать не только эфемерность ценностей героя, но и убедительно доказать, что центром мира всегда будет живой, полный страстей, совершающий ошибки и стремящийся к земному счастью человек, а не умозрительная модель человека, в которой во главу угла поставлено долженствование.

Синтез нарративных стратегий протожанров сказания и притчи, отвечающий в целом онтологической направленности легенды, у А.И. Куприна трансформируется. Жанр литературной легенды маркирован амбивалентностью художественного времени: это вечность, вневременность, фиксируемая традицией и одобряемая обществом, и выбор самого героя, его ценностная ориентация, репрезентированная художественными средствами, которые фиксируют конкретные точки на временной шкале. Однако и этот выбор, который, на первый взгляд, должен стать условием изменений, не только совершается в рамках традиции, но и дополнительно усиливает эту традиционность, включая в координаты легенды элемент неожиданности. Таким образом, художественное время в легенде А.И. Куприна имеет не только значимые характеристики для

ее сюжета, но и создает фундамент для авторской концепции личности.

Библиографический список

1. *Бологова М.А.* Современные интерпретации жанра притчи: проблема жанровых номинаций, жанрового синтеза и отрицания жанра // Критика и семиотика. 2013. № 18. С. 209–224.
2. *Женетт Ж.* Введение в архитекткст // Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 282–341.
3. *Косиков Г.К.* О принципах повествования в романе // Литературные направления и стили. Сб. ст., посвященный 75-летию Г.Н. Пospelова. М.: МГУ, 1976. С. 65–76.
4. *Тюпа В.И.* Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс. 1997. № 3-4. С. 106–108.

Источники

1. *Куприн А.И.* Аль-Исса. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957 – 1958. С. 146–149.

LITERARY TIME IN GENRE'S NARRATIVE STRATEGIES

A.V. Kuznetsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article is devoted to the consideration of genre's attachment of a literary text from the standpoint of identifying markers of literary time. The theory of narrative is applied to a literary text that reveals a complex synthesis of narrative strategies of the proto-genres of a legend and a parable, as well as the transformation of the literary legend genre. It's proven that the literary time in such a text is ambivalent and complicated by the author's valuation.

Key words: literary time, narrative, narrative strategy, genre, character's axiological orientation.

Об авторах:

Кузнецова Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета; e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru.

УДК 81'42:115

ТЕКСТ КАК ТЕМПОРАЛЬНЫЙ РЕСУРС СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Н.Д. Кулишова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Существуют разные трактовки текста. В одних текст рассматривается как обособленная реальность, в других текст репрезентирует знания о внешней для него действительности. Чтобы понять смысл текста, одного языкового кодирования мало. Необходимо обращение к внеязыковым фоновым знаниям. Понимание смысла зависит от компетенции читателя. Вне параметра времени ни один объект не воспринимается.

Ключевые слова: текст, время, реальность событий, интерпретация, смысл.

Время идёт постоянно, но идёт ли оно мимо вас, или это вы идёте мимо него?

Том Джексон

«Что такое время? Когда узнаете, запишите, пожалуйста, а то философы не могут этого понять... Правда в том, что такая «простая» и вездесущая вещь, как время, всё ещё является для нас огромной загадкой. «Есть три возможные природы времени. Первая предполагает, что время состоит из событий в будущем, событий в настоящем и событий в прошлом. События в будущем неизбежно становятся событиями в настоящем, и, далее, в прошлом – это объясняет, почему время течёт, и всегда будет течь лишь в одну сторону. Вторая подходит немного иначе, просто расставляя события согласно тому, раньше они произошли или позже. И в первом, и во втором случаях то, что произошло тысячи лет назад, также реально, как и то, что произошло прямо сейчас. Реальность событий в будущем

вызывает сомнения, чтобы оценить её, надо подождать и увидеть самим, произойдут ли они. Впрочем, третий подход отделяется от других тем, что утверждает, что существует лишь то, что происходит прямо сейчас. Каждое событие уничтожает то, что создало его, и будет уничтожено любым событием, которое вытечет из него. Переворачивая страницу книги, вы стираете эту страницу из этой реальности до тех пор, пока вы не перевернёте её обратно. Такой «презентистский» подход наиболее подходит нам для описания времени. В конце концов, что есть реальность как не то, что мы ощущаем здесь и сейчас?» [Джексон 2017, с. 129].

Существуют разные трактовки текста. В одних текст рассматривается как обособленная, отдельная реальность, в других текст репрезентирует знания о внешней для него действительности. Далее можно говорить о структуралистском и герменевтическом направлениях в рамках рассмотрения проблемы текста. В классическом структурализме текст нам представляется как задача, как сумма культурных кодов, посредством которых происходит знаковое многообразие культуры, а герменевтика исходит из понимания текстов как целостной субъективности автора определённого текста с осмысленным им жизненным опытом. Но введение понятия «текст» связано с постструктурализмом, при котором произошёл переход от изучения готового знака к его интерпретации, к описанию процесса его появления; с расширением границ текстологических исследований их предметом становятся и невербальные тексты. Появляются такие гуманитарные дисциплины как когнитивная психология, порождающая лингвистика, микросоциология. Лингвистика концентрируется на изучении закономерностей сочетания предложений и возможностях макроструктуры текста. Пониманием текста в этом случае становится актуализация разных видов ситуаций, связанных с личностным знанием носителей языка. Теперь уже прагматика и социолингвистика изучают прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями. Из всего, что происходит вокруг нас сейчас, мы в каждый данный момент можем сосредоточить внимание только на небольшом количестве стимулов. Постоянно что-то игнорируя, выбирая или отвергая, мы тем самым всё время меняем содержание сознания. Многие воспоминания и мысли, которые в данный момент не являются частью нашего сознания, при необходимости входят в него.

Участие языка в сохранении знаний о мире осуществляется как в самом языке, имеются в виду словари и грамматики, так и при помощи языка, – в речи, т.е. в устных и письменных сообщениях, созданных на

языке, закреплённых в «библиотеке текстов». В художественной литературе *время* – продукт творчества автора, оно определяется в художественном тексте, это художественное время. А.А. Потебня первым обратился к исследованию художественного времени в текстах устного народного творчества, рассматривая в них соотношение реального времени и художественного [Потебня 1976]. В научный оборот термин «художественное время» ввёл Д.С. Лихачёв. Художественное время – это не мысль писателя о времени, это время, «которое писатель сам творит в своём произведении» [Лихачёв 1968, с. 76]. Традиционный анализ текста отличается от текстового анализа. В текстовом анализе нет имманентного смысла текста, т.к. для каждого занимающегося им есть возможность выхода в другие тексты. Чтение текстов литературы и искусства требует от читающего их адекватного прочтения, интерпретации в плане выявления при чтении смыслов, вложенных в текст автором. Различия между отдельными языками могут заключаться в глубине и определённости смысловой дифференциации вариантных и синонимических средств языка.

Применительно к тексту термин «понять» имеет два смысла. Во-первых, мы находим тексту соответствующую ситуацию действительности. Во-вторых, мы сопоставляем уже выявленным из текста фактам ситуации с их местом в более широкой картине действительности. Задавшись вопросом «Что значит это слово?», мы ищем смысл, спрашивая затем себя «К чему это?», «Что из этого следует?», «Как это надо понимать?». Не всякий может воспринять и принять сообщение, текст таким, каким оно/он мыслился отправителем. Это объясняется относительностью понимания в связи с изменчивостью самой жизни. Смысл может быть не понят по многим причинам, как то: наличие предрассудков своего времени, национальная позиция и т.д. Смысл текста выводится на основе имеющихся «предрассудков», а понимание становится «предпониманием» [Хайдеггер 1993, с. 9–15].

Понимание смысла зависит от компетенции читателя из-за различия в уровне знаний, значение имеют также социальные конвенции и прагматическое окружение в целом. Смысл текста передаётся разными семиотическими типами языковых знаков, пунктуаций, просодией и т.п. В кодировке смысла прерогатива не обязательно принадлежит системе языка. Чтобы понять смысл текста, одного языкового кодирования будет мало. Ведь всякое языковое выражение означает только то, что предписывает система языка, необходимо обращение к внеязыковым фоновым знаниям. Но всякий раз речь идёт о таких знаниях, без привлечения которых не будет

адекватного понимания изучаемого текста. Исключением может стать литературный текст, который не трактуется как непосредственное отражение какой-то части реальной жизни. Такой текст может либо соответствовать, либо не соответствовать определённым эстетическим требованиям. Вывод смысла всё равно зависит не только от внутреннего контекста, но и от релевантных свойств нелингвистического контекста. Это может быть культурно-историческая ситуация, в которой произошло порождение данного текста. Обладающий широтой горизонта, – пишет Х.-Г. Гадамер, – способен правильно оценить значение всех вещей, лежащих внутри этого горизонта. При этом горизонт – «не застывшая граница, а нечто такое, что передвигается вместе с тобой и приглашает к дальнейшему продвижению вперёд» [Гадамер 1988, с. 358].

Мы можем изучать текст по его коммуникативной модели и свести его смысл к составляющим этой модели. Всё же подменять смысл текста культурно-исторической ситуацией, прагматическим окружением, читательскими или авторскими интенциями нельзя. Можно обращаться к внешним факторам, можно не замыкаться на имманентной структуре текста, это оправдано и необходимо, если эти факторы будут служить лучшему пониманию смысла текста, но не уводить нас от смысла текста. Временные связи стабилизируются в течение всей сознательной жизни и деятельности человека. Они формируются под влиянием внешней среды и внешних установок. Очерёдность восприятия – глобальный принцип организации когнитивного материала, отражающий объективное отношение предметов и событий, положенный в основу формирования ассоциативной цепи. Вне параметра времени ни один объект не воспринимается. Это позволяет выстроить ассоциативную цепь, в которой все воспринимаемые объекты, все события увязаны между собой, образуя линию временной непрерывности [Бехтель, Бехтель 2005, с. 166].

Практика переводов даёт много примеров выпадения смысловых нюансов, смысловых лакун вследствие неполного соответствия лексики языка оригинала и того языка, на который осуществляется перевод. Если мы будем сравнивать грамматические структуры различных языков, то там языковые различия ещё более заметны. «В грамматике нет ничего телесного, осязаемого, она состоит исключительно из интеллектуальных отношений» [Гумбольдт 1984, с. 20].

Библиографический список

1. Бехтель Э.Е., Бехтель А.Э. Контекстуальное опознание. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
4. Джексон Т. Философия. Иллюстрированная хронология науки. М.: АСТ, 2017. 168 с.
5. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения. Вопросы литературы, 1968, С. 74–87.
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976, 613 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время// Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993, С. 1–45.

TEXT ALS TEMPORALE RESSOURCE VON SINNERZEUGNIS

N.D. Kulischowa

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Ein Text kann verschiedenartig ausgelegt werden. Er wird wie eine abgesonderte Realität behandelt, aber auch das Wissen über die für ihn äußere Wirklichkeit wird durch ihn repräsentiert. Damit der Textinhalt verständlich wird, reicht allein die sprachliche Codierung nicht. Denn die außersprachlichen Kenntnisse sind nötig. An der Kompetenz des Lesers liegt das Verstehen des Inhalts. Außerhalb der Zeitangabe wird kein Objekt wahrgenommen.

Schlüsselwörter: Text, Zeit, Realität der Ereignisse, Interpretation, Sinn.

Об авторах:

Кулишова Надежда Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nadkulischowa0111@mail.ru.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА РОМАНА Г. БЕЛЛЯ «ГЛАЗАМИ КЛЮУНА»

М.Н. Левченко

Государственный университет просвещения, Москва

В настоящей статье рассматривается темпоральная архитектура текста в сложном жанре – в романе. Грамматические особенности позволяют провести полный анализ текста наиболее эффективно, так как художественное произведение рассматривается со всех сторон. Описание выявленных грамматических особенностей, в частности его темпоральной архитектуры, объясняет закономерности сюжета данного произведения, раскрывает различные авторские интенции и специфику организации текста большого объема.

Ключевые слова: целостность текста, темпоральная архитектура, синсемантичность, тип текста, двухсистемность.

Одной из основных текстовых категорий считается категория темпоральности. Данная категория способствует формированию временной структуры и временных отношений в любом художественном тексте. Данная категория при взаимодействии с другими текстовыми категориями, локальностью, персональностью, модальностью, референтностью, способствует целостности текста, как в плане его структурного, так и семантического построения.

В создании темпоральной архитектуры текста романа могут использоваться не только грамматические средства темпоральности, но и другие языковые средства с семантикой времени. «К ним на лексическом уровне относятся имена существительные, имена прилагательные, наречия; на морфологическом – падежные и падежно-послеложные формы существительных и глагольных имён; на синтаксическом уровне – деепричастные обороты, придаточные предложения и т.д. Это лексические показатели времени, являющиеся актуализаторами глагольного времени» [Бабенко 2004, с. 52].

В данной работе выделяются шесть инвариантных признаков темпоральности текста [Левченко 2011, с. 187]:

1. «Темпоральная детерминация событий, описанных в тексте – варианты соотношения объективного и грамматического времён в

тексте, роль обстоятельств времени в формировании темпоральной архитектоники текста (автосемантическая, синсемантическая).

2. Системность темпоральной архитектоники – наличие нескольких временных подсистем.

3. Темпоральный тип текста – политемпоральные или монотемпоральные тексты.

4. Стержневая форма темпоральной архитектоники текста – основная глагольная форма.

5. Ретроспективность и проспективность временных отношений в тексте.

Типы хронологической последовательности событий в тексте – (линейная, скачкообразная, двойная параллельная, рамочная модели)».

Рассмотрим, как формируется категория темпоральности в романе «Глазами клоуна» на основе перечисленных инвариантных признаков.

В романе «Глазами клоуна» события разворачиваются в послевоенное время в Германии. Г. Белль описывает противоречия в немецком обществе и «настроения» во время войны, используя для этого описание детства главного героя – Шнира.

«... *Sie kam nie mehr zurück, und wir wissen bis heute nicht, wo sie beerdigt ist. Irgendjemand kam nach Kriegsende zu uns und meldete, daß sie "bei Leverkusen gefallen" sei*» (Böll 1997, S. 12).

«*Als ich meine Mutter noch einmal ansah, sagte sie mit ihrer sanften Stimme: Du wirst doch einsehen, daß jeder das Seinige tun muß, die jüdischen Yankees von unserer heiligen deutschen Erde wieder zu vertreiben*» (Böll 1997, S. 12).

Из приведенных отрывков видно, что Г. Белль не указывает точную дату событий. Читатель может только догадываться, о каких исторических событиях идет речь, основываясь на определенных терминах и описаниях. Можно сделать вывод, что роман темпорально детерминирован, темпоральная архитектоника текста, однако, синсемантическая.

В романе «Глазами клоуна» единое время разделено на две части: на сюжетное и ретроспективное. Прошлое, настоящее и будущее равноправны, однако не неоднородны. Временные отрезки выстроены особенным способом. Данный роман может быть охарактеризован более свободной композицией и темпоральной структурой, если, например, сравнивать с новеллой, где объем текста более ограничен.

Претерит является базовой временной формой в романе «Глазами клоуна». Приведем примеры:

«Ich **bezahlte** dem Hotelier sogar den angebrochenen Tag. Das Gepäck **gab** ich nach Frankfurt auf und **stieg** in den nächsten Zug, der südwärts **fuhr**. Ich **hatte** Angst und **wollte** weg» (Böll 1997, S. 82).

«Ich **überlegte**, ob ich das Badewasser noch ein zweites Mal aufbessern **sollte**. Aber es war verbraucht, ich **spürte**, daß ich raus **musste**» (Böll 1997, S. 82).

Основное претеритальное сообщение доводится до читателей ретроспекций, которые представлены в тексте с помощью, глагольных форм, а также лексических детерминант. В анализируемом произведении автор так же использует временную глагольную форму презенс. Она является сигналом в момент смены субъектно-речевого плана, и даже функционально семантического типа речи (повествование - сообщение).

«... Ich **lehnte** mich gegen einen Zigarettenautomaten und warf einen Blick auf das Haus, in dem mein Großvater mir eine Wohnung geschenkt hat; fünf Stockwerke, fünf verschiedene Farbtöne für die Balkonverkleidungen; im fünften Stock, wo **alle Verkleidungen** rostfarben **sind**, **wohne** ich» (Böll 1997, S. 6).

«Wenn wir uns mit Ihr treffen, **müssen** wir Sie vor allem von Sommerville **ausreden**; **dieser Salonlöwe** ist sehr meinem Vater ähnlich» (Böll 1997, S. 72).

Темпоральная организация анализируемого произведения с точки зрения употребляемых временных форм является политемпоральной. Писатель для реализации своего идейного замысла меняет повествование на диалоги или полилоги и наоборот, следовательно, системность темпоральной архитектоники текста можно считать двухсистемной.

Рассмотрим категорию темпоральности на материале следующего текстового сегмента из романа.

«**Seit** dem Tod meiner Schwester Henriette **existieren** meine Eltern für mich nicht mehr als solche. Henriette **ist** schon **siebzehn Jahre tot**. Sie war sechzehn, als **der Krieg zu Ende** ging, ein schönes Mädchen, blond, die beste Tennisspielerin zwischen Bonn und Remagen. **Damals** hieß es, die jungen Mädchen sollten sich freiwillig zur Flak melden, und Henriette meldete sich. Es ging alles so **rasch** und reibungslos, daß ich gar nicht begriff... Aber den Schulen war **damals** alles zuzutrauen... **Nachts**, wenn es für **eine halbe Stunde einmal** ruhig wurde, hörte man immer nur marschierende Füße: italienische Kriegsgefangene, russische Kriegsgefangene, gefangene Frauen, deutsche Soldaten; marschierende Füße die **ganze Nacht** hindurch» (Böll 1997, S. 11).

Из приведенного отрывка понятно, что события, описанные в тексте, темпорально детерминированы, темпоральная архитектоника текста синсемантическая, в данном фрагменте, как и во всем романе, автор не указывает точную дату событий, однако есть указание на

конец войны. А это значит 1945 год, читатель понимает, о каком времени и о каких событиях идет речь. В данном отрывке основной временной глагольной формой является претерит («Sie war», «die Schule war», «sie winkte und lachte», «hiess», «dachte»). Кроме того, автор использует презенс («meine Eltern existieren für mich nicht mehr», «Henriette ist schon siebzehn Jahre tot»). Можно сделать вывод, что темпоральная архитектура данного сегмента политемпоральная.

В результате исследования романа «Глазами клоуна» было выявлено, что темпоральную архитектуру текста можно определить как синсемантическую, ее могут обеспечить не только языковые, но и экстралингвистические факторы, помогающие определить читателю приблизительную дату событий, описанных в произведении. Основная стержневая форма глагола в произведении претерит, темпоральная архитектура анализируемого произведения с точки зрения состава является политемпоральной и двухсистемной (наличие речи персонажей и автора). Хронологическую последовательность данного романа можно определить как двойную параллельную с учетом композиции и сюжета всего романа.

Библиографический список

1. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
2. *Левченко М.Н.* Загадка как тип текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 82–89.
3. *Левченко М.Н. и др.* Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект). Коллективная монография. М.: Изд-во МГОУ, 2018. 240 с.

Источники

1. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. München: dtv, 1997. 281 S.

TEMPORAL ARCHITECTONICS OF H. BÖLL'S NOVEL «THE CLOWN»

M.N. Levchenko

State University of Education, Moscow

This article examines the temporal architectonics of a text in a complex genre – in a novel. Grammatical features make it possible to conduct a complete analysis of the text most effectively, since the artwork is viewed from all sides. The description of the revealed grammatical features, in particular its temporal architectonics, explains the patterns of the plot of this work and reveals various author's intentions and the specifics of the organization of a large text.

Key words: text integrity, temporal architectonics, synsemantics, text type, two-system.

Об авторах:

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Государственного университета просвещения; e-mail: prof_levchenko@mail.ru.

УДК 811.112.2

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

А.В. Ленец, Ю.А. Лагажан

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Статья посвящена установлению лексических групп, номинирующих темпоральный компонент, в средствах массовой информации немецкоязычного ареала. Их изучение позволяет рассмотреть языковые единицы различных уровней в немецкоязычных статьях о вакцинации от COVID-19. Широкое использование лексических маркеров с темпоральным компонентом обусловлено необходимостью детального информирования читателей об актуальной ситуации о вакцинации от COVID-19.

Ключевые слова: вакцинация, COVID-19, медийный дискурс, темпоральный компонент, немецкий язык.

Все происходящие трансформации в языке обусловлены проникновением пандемии коронавируса практически во все сферы жизни [Макушева, Нестик 2020; Engler, Brunner, Loviat 2021]. Все события, связанные с пандемией и вакцинацией от COVID-19, находят своё отражение в средствах массовой информации [Замальдинов, Хоригути 2021; Распопова 2021]. Журналисты, описывая процесс вакцинации, используют различную лексику, в том числе лексические единицы, обладающие темпоральным компонентом. Лексические средства выражения времени являются отражением наивной, обыденной картины мира, которая связана с восприятием и оценкой времени [Яковлева 1994, с. 84]. Учёные-лингвисты активно исследуют аспект темпоральности и его проявление в тексте [Москвина 2018]. Инструментарием темпоральных маркеров являются различные лексические единицы (номинативные единицы, обозначающие временные отрезки, наречия, глаголы и мн. др).

При описании вакцинации от COVID-19 авторы новостных статей используют темпоральную лексику. Это обусловлено тем, что тексты наполнены фактической или уточняющей информацией об этапах и процессах вакцинации с целью передачи сообщений для населения. Первая группа включает в себя имена существительные, которые широко представлены в немецком языке и стабильны по своему составу и семантике. Широко используются именные лексемы, номинирующие темпоральность, обладающие, в частности, *фазовой семантикой*, номинирующей начало и конец («Anfang», «Ende»):

1. «Bundeskanzlerin Angela Merkel (CDU) hat nach einem *Impfgipfel* mit den Ländern und Pharmafirmen zugesagt, dass jeder Bürger in Deutschland *bis Ende des Sommers* eine *Corona-Impfung* erhalten kann» (DZ, 01.02.2021).

В статьях при описании определённых временных интервалов для вакцинации населения встречаются *календарные обозначения* («*Impftag*», «*Impfwoche*», «*Impfmonat*»). При этом названия месяцев и дней недели («*Juli*», «*August*»; «*Montag*», «*Mittwoch*») используются для описания планов вакцинирования на ближайшее время или конкретизации назначенных событий или мероприятий:

2. «Unter anderem schlägt Berset demnach vor, dass der Bundesrat im November *eine nationale Impfwoche* ausrufen soll» (TA, 30.09.2021).

3. «Die *Corona-Impfungen* stehen schon am heutigen *Mittwochvormittag* bei der Sondersitzung des Nationalrates im Mittelpunkt» (WZ, 13.01.2021).

Другим способом описания этапов вакцинации является использование *темпоральных прилагательных*. В данную группу относятся такие прилагательные, как «*jetzig*», «*gegenwärtig*», «*heutig*», «*derzeitig*», указывающие, как правило, на *текущую ситуацию* в отношении вакцинации:

4. «*Das jetzige Impfmodell sieht – zugespitzt – so aus, dass am schnellsten und am meisten bekommt, wer am meisten bezahlen kann*» (DZ, 04.02.2021).

Третья группа представлена *порядковыми числительными*. Авторами статей используются числительные, чтобы отразить актуальную информацию за определённое время. Так, журналисты описывают *показатель заболеваемости коронавирусом* («*Sieben-Tage-Inzidenz*»), *длительность проявления побочных эффектов* после вакцинирования («*vier bis 16 Tage nach der Impfung*»):

5. «*Beim Einsatz in jüngeren Altersgruppen traten selten vier bis 16 Tage nach der Impfung teils tödliche Blutgerinnsel im Gehirn auf*» (DZ, 06.05.2021).

Четвёртая группа включает в себя большой пласт наречий, который широко используется в немецком языке для описания временных отрезков. При описании мероприятий, связанных с вакцинацией, применяются *темпоральные наречия*, уточняющие временную характеристику вакцинирования («*heute*», «*morgen*», «*übermorgen*», «*gestern*», «*vorgestern*»), создающие типичные контексты временного значения («*gleich*», «*jetzt*», «*früh*», «*bald*»), описывающие частотность вакцинирования («*oft*», «*selten*», «*wieder*»):

6. «*Angesichts der jetzt anlaufenden Corona-Impfungen ist die türkisgrüne Bundesregierung bemüht, den Einsatz des elektronischen Impfpasses zu beschleunigen*» (WZ, 13.01.2021).

Глаголы, отмеченные маркером темпоральности, также встречаются в немецких статьях. Так, в данную группу входят «*anfangen*», «*fortsetzen*», «*beenden*». Глагольная лексема «*fortführen*» обозначает продолжение действий в мониторинге генома вируса:

7. «*Thüringen, Niedersachsen, Baden-Württemberg und Rheinland-Pfalz haben dagegen mitgeteilt, die Impfungen mit AstraZeneca zunächst fortsetzen zu wollen*» (DZ, 30.05.2021).

Таким образом, лексический состав темпоральных маркеров включает в себя именные лексемы, обозначающие временные отрезки; наречия, указывающие на момент совершения действия; прилагательные, описывающие временной период процессов вакцинации от COVID-19. Авторы статей используют такую лексику, чтобы предоставить читателю точную и актуальную информацию о вакцинах, их видах, этапах и процессах вакцинации в определённых

периодах времени. Использование темпоральных маркеров призвано координировать реципиентов и формировать положительное отношение к вакцинации.

Библиографический список

1. Замальдинов В.Е., Хоригути Д. «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 141–152.

2. Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.

3. Москвина Т.Н. Лексическая и семантическая вариативность диалектной лексики: темпоральный компонент диалектной картины мира // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 662–665.

4. Распопова С.С. Пандемия COVID-19 как триггер для изменений СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 88–93.

5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва: Гнозис, 1994. 343 с.

6. Engler S., Brunner P., Loviat R., Abou-Chadi T., Leemann L., Glaser A., Kübler D. Democracy in times of the pandemic: explaining the variation of COVID-19 policies across European democracies, West European Politics, 44: 5–6. 2021. Pp. 1077–1102.

Источники

1. DZ – Die Zeit. Режим доступа: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 06.04.2023).

2. TA – Tages-Anzeiger. Режим доступа: <https://www.tagesanzeiger.ch> (дата обращения: 06.04.2023).

3. WZ – Wiener Zeitung. Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at> (дата обращения: 06.04.2023).

ZUR FRAGE DER LEXIKALISCHEN VARIABILITÄT DER COVID-19-IMPFPRÄSENTATION: DIE TEMPORALE KOMPONENTE

A.V. Lenets, Yu. A. Lagazhan

Südliche Föderale Universität, Rostow am Don

Der Artikel ist der Etablierung lexikalischer Gruppen zur COVID-19-Impfung gewidmet, die durch die temporale Komponente in den Massenmedien des deutschsprachigen Raums markiert sind. Ihre Studie ermöglicht es, Spracheinheiten verschiedener Niveaus in deutschsprachigen Artikeln zur Impfung gegen COVID-19 zu berücksichtigen. Die weit verbreitete Verwendung von lexikalischen Markierungen mit einer temporalen Komponente ergibt sich aus der Notwendigkeit, die Leser ausführlich über die aktuelle Situation bezüglich der Impfung gegen COVID-19 zu informieren.

Schlüsselwörter: Impfung, COVID-19, Mediendiskurs, temporale Komponente, Deutsch.

Об авторах:

Ленец Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Южного федерального университета; e-mail: annalenets@sfedu.ru.

Лагажан Юлия Алексеевна – магистрант кафедры немецкой филологии Южного федерального университета; e-mail: lagazhan@sfedu.ru.

УДК 82-31:115

LEBENSINIEN IN ARNO GEIGERS ROMAN «DAS GLÜCKLICHE GEHEIMNIS»

H. Lörcher

*Staatliche pädagogische Wirtschaftsakademie Willy-Hellpach, Heidelberg
Institut für Didaktik, Karlsruhe*

Der Ich-Erzähler Arno Geiger reflektiert in seinem neuen Roman «Das glückliche Geheimnis» über seine zwei Leben: das öffentlich sichtbare und das verborgene. Das sichtbare Leben verläuft kontinuierlich entlang einer Zeitlinie. Sein geheimes Tun ist durch Kreisbewegungen und Wiederholung

bestimmt. Diese sind jedoch entscheidend für seine persönliche und schriftstellerische Tätigkeit.

Schlüsselwörter: exakte Zeit, Chronologie, vertane Zeit, Kreisbewegung, Wiederholung, Entwicklung.

Der Ich-Erzähler und Autor beschreibt sein Leben, seine Entwicklung zum Schriftsteller, seine Liebesbeziehungen und das Verhältnis zu seinen Eltern. Dem äußeren Leben, das durch konkrete Zeitangaben und Ereignisse markiert ist, korrespondiert ein verborgenes Leben, das er als «mein glückliches Geheimnis» (Geiger 2023, S. 9) bezeichnet. Dieses Geheimnis besteht darin, dass der Autor im Alter von 24 Jahren als Student begonnen hat, Altpapiercontainer nach «für mich Interessantem» (Geiger 2023, S. 9) zu durchsuchen. Dieser Tätigkeit ist er 25 Jahre nachgegangen. Zum Beginn des Romans ist der Erzähler und Autor also 49 Jahre alt.

Der Roman besteht aus siebenundzwanzig Abschnitten von unterschiedlicher Länge, der Autor beschreibt seine eigene kontinuierliche Entwicklung chronologisch, die Liebe zu drei Frauen und das Leben seiner getrennt lebenden Eltern in einzelnen Episoden. Manchen Ereignissen greift er aus der Rückschau vor, das Prinzip der chronologischen Darstellung der Ereignisse ist jedoch im Wesentlichen gewahrt.

Die Erzählte Zeit umfasst einen Zeitraum von siebenundzwanzig Jahren. Die einzelnen Lebensabschnitte sind fast in jedem Abschnitt durch Zeit- oder Jahresangaben markiert, sie zeigen den Verlauf des Geschehens. So beginnt der erste Abschnitt mit dem Hinweis, dass sein «glückliches Geheimnis», das heimliche Durchwühlen der Altpapiercontainer, «fünfundzwanzig Jahre» bestanden habe, zu Beginn des zweiten Abschnittes sagt der Ich-Erzähler, dass «es drei Jahrzehnte (sind), seit es», d.h. das Durchsuchen der Altpapiercontainer, «angefangen hat» (Geiger, S. 9, S. 12). Herausragende berufliche und private Ereignisse sind zeitlich genau bestimmt: «Im Frühsommer des Jahres 1996 nahm ich am Wettlesen teil», «Im Frühjahr 1999 war eine Ruhepause eingetreten ... am 1. Mai» 1999 lernt der Ich-Erzähler K. seine spätere Frau kennen «Im Frühjahr 1996 ...» beginnt der berufliche Erfolg, ein wichtiges privates Ereignis ist der Tod des Vaters «am 3. Juni 2014» (Geiger 2023, S. 32, S. 46, S. 110, S. 196). Die zahlreichen Angaben verdeutlichen das unabänderliche Vorwärtsschreiten der Zeit, dem entspricht die äußere Handlung, in deren Mittelpunkt die Entwicklung des Ich-Erzählers und Autors zum erfolgreichen Schriftsteller steht. Im Gegensatz dazu reflektiert die innere und geheime Handlung über die sogenannten «Runden» (Geiger 2023, S. 15, 17), die bestimmend sind für das Leben der Hauptfigur. Mit «Runden» bezeichnet er seine regelmäßigen Durchsuchungen der Papier-Abfallcontainer, diese Tätigkeit begann mit

einem «Zufall», als er einen abgestellten Karton mit interessanten Büchern an einem der Container gefunden hatte (Geiger 2023, S. 13). Geiger relativiert allerdings von Anfang an das Zufällige, der «Zufall» ereignete sich aufgrund seiner Offenheit für die Zukunft und die Welt. Schon sehr bald unternimmt er die «Runden» regelmäßig jeden «Montagvormittag» (Geiger 2023, S. 18). Diese «Runden» bergen ein «latentes Geheimnis» (Geiger, S. 17) in zweifacher Hinsicht. Von den «Runden» kehrt er erschöpft und schmutzig zurück, er befindet sich in einem «beklagenswerten Zustand» (Geiger 2023, S. 15), sein Wühlen im Abfall muss verborgen bleiben, denn derjenige, der den Müll durchsucht, ist auf der sozialen Leiter ganz unten angekommen. Seine Existenz ist jedoch ganz bürgerlich und mit den teilweise wertvollen Funden aus den Müllcontainern verdient er Geld für seinen Lebensunterhalt. Seine «Runden» aber bereiten ihm «Scham» und verursachen «Beschämung» (Geiger 2023, S. 20, 44). Er beklagt immer wieder die vertane Zeit, die Nutzlosigkeit seines Tuns, das ihn an seiner eigentlichen Arbeit, dem Schreiben, hindert: «Und morgens schaute ich mich nervös nach den Jahren um, die ich vertan hatte» (Geiger 2023, S. 25, s.a. S. 27, S. 29). Sinnbild der Stagnation sind die «Runden», sie haben weder Anfang noch Ende, sie beinhalten «kein Fortkommen», er «schleppte seine Dummheit im Kreis» (Geiger 2023, S. 30). Mit dem «echten Leben» befasst er sich nur «literarisch» (Geiger 2023, S. 31).

Der erste schriftstellerische Erfolg markiert eine äußere und innere Wende, «jetzt hatte - endlich! - die Zukunft begonnen» (Geiger 2023, S. 39). Die «Runden» gehören zunächst der Vergangenheit an. Nach ihrer erneuten Wiederaufnahme gewinnen sie eine neue Qualität. Früher empfand er «Scham» jetzt «Stolz» (Geiger; S. 56). Die Streifzüge sind ein wesentlicher Bestandteil seiner Entwicklung zum Schriftsteller. Arno Geiger erkennt im Rückblick die Bedeutung des Alltags für sein Schreiben, dieser Alltag erschien ihm zu Beginn seines Schreibens als trostlos und grau, nun sieht er aufgrund der gefundenen Briefe und Tagebücher dessen «Farbigkeit» und erkennt, dass das «*echte Leben* gewöhnlich» ist (Geiger 2023, S. 57). Die vielen Brief- und Tagebuchkonvolute «schärften» seinen «Wirklichkeitssinn». Auf den ersten Blick sind diese Aufzeichnungen «gewöhnlicher» Menschen unterschiedlich und die Perspektiven vielfältig, doch als Grundmuster wird das Gemeinsame jeder menschlichen Existenz sichtbar (Geiger 2023, S. 94). Die Wirkung der Briefe ist ein Geheimnis im Geheimnis, sie sind vergangene Zeit, die wieder zum Leben erwacht (Geiger 2023, S. 96). Lebensläufe, so bemerkt er an anderer Stelle, verlaufen zufällig und nicht nach Plan (Geiger 2023, S. 56). Nicht mehr das Durchsuchen des Abfalls ist für ihn vertane Zeit, sondern der Erfolg erzeugt nun die Leere und Hoffnungslosigkeit, die er während seiner Jugendjahre empfunden hat (Geiger 2023, S. 118-119). Die

«Runden» werden zum «Rückzugsraum» und zu einem Teil seiner verlorenen «Privatsphäre» (Geiger 2023, S. 121). Zunehmend bewertet er seine Zufallsfunde als den wesentlichen Teil seiner Entwicklung. Die in den Briefen und Tagebüchern geschilderten Ereignisse und die Lebensläufe führen Geiger zum Verstehen des eigenen Lebens, das sich aufgrund seiner neuen Erkenntnis nicht grundsätzlich von allen anderen unterscheidet, die er zufällig gefunden und gelesen hat. Diese Funde führen zu «Metamorphosen im Arbeitsprozess» (Geiger 2023, S. 128), d.h., das Allgemeine muss im Individuellen herausgearbeitet werden und sichtbar sein.

So sind das für den individuellen Gebrauch geschriebene Tagebuch oder der alltägliche Brief für ihn wertvoller als jede literarische Beschreibung (Geiger 2023, S. 130). Im Gegensatz zur «Logik in der Literatur» sei das wirkliche Leben von «Zufall», «Widerspruch» und «Willkür» geprägt (Geiger 2023, S. 130, S. 131). Seine schriftstellerische Entwicklung ist ganz wesentlich «von Abfall, von Hingeschmiertem und Verworfenem» geprägt, von dem, was andere weggeworfen haben (Geiger 2023, S. 131).

Am Ende der romanhaften Autobiographie kommt Geiger zu einem weiteren Aspekt dieser «Runden». Die «Runden» finden nicht mehr regelmäßig statt, sie werden «mehr und mehr zum Ausgleich» und haben durch die körperliche Arbeit und Bewegung im Freien einen «Zweck in sich selbst» (Geiger 2023, S. 182). Was er findet und ob er überhaupt etwas findet, spielt keine Rolle mehr, sein Tun ist nun «weder vertane Zeit noch nutzlos in der Sache» (Geiger 2023, S. 183). Die empfundene «Leere» seiner erfolglosen Jahre führt zu einer «Gelassenheit» (Geiger 2023, S. 190) und zu dem, was er als «herunterkommen» bezeichnet. Dieses Herunterkommen ist einerseits das unten Ankommen, sinnbildlich das Wühlen im Abfall, andererseits das «zur Ruhe» Kommen (Geiger 2023, S. 190).

Das «glückliche Geheimnis» seines Lebens besteht in der Erkenntnis, dass die «Runden» «die entscheidende Inspirationsquelle» seiner Entwicklung zum Schriftsteller waren (Geiger 2023, S. 220). Die Runden, die zunächst als Metapher der Sinnlosigkeit, des ewigen Kreises und Kreisens erscheinen, erscheinen im Rückblick als sinnstiftend.

Literaturverzeichnis

1. Bopp L. Neues Buch von Arno Geiger: Die Wahrheit im Müll? Frankfurter Allgemeine Zeitung. 07.01.2023. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/arno-geigers-buch-das-glueckliche-geheimnis-18583810.html> (15.04.2023).

2. *Kuße H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2021, 319 S.

3. *Naguschewski D.* Rezension zu Handbuch Biographie. Methoden, Traditionen, Theorien. Herausgeber Klein, Chr. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2009 / Zeitschrift für Germanistik, NF, XXI, 2/2011. S. 434–436.

4. *Perlentaucher.* Rezension zu «Das Glückliche Geheimnis» von Arno Geiger. URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/arno-geiger/das-glueckliche-geheimnis.html> (15.04.2023).

5. *Schröder J.* Arno Geiger – Das glückliche Geheimnis. Südwestrundfunk. SWR2 06.01.2023. URL: <https://www.swr.de/swr2/literatur/arno-geiger-das-glueckliche-geheimnis-100.html> (15.04.2023).

6. *Solloch A.* «Das glückliche Geheimnis»: Arno Geiger über das Suchen und Finden. Norddeutscher Rundfunk 11.01.2023- URL: <https://www.ndr.de/kultur/buch/tipps/Das-glueckliche-Geheimnis-Arno-Geigers-Roman-vom-Suchen-und-Finden,geiger186.html> (15.04.2023).

Quellen

1. *Geiger A.* Das glückliche Geheimnis. Hamburg: Hanser Verlag, 2023. 237 S.

LIFELINES IN ARNO GEIGER'S NOVEL «THE HAPPY SECRET»

H. Lörcher

*State College of Economics Willy-Hellpach, Heidelberg
Institute for didactics, Karlsruhe*

In his new novel «The Happy Secret», the first-person narrator Arno Geiger reflects on his two lives: the publicly visible and the hidden. The visible life runs continuously along a timeline. His secret life is defined by circular movements and repetition. However, these are crucial to his personal and writing activity.

Key words: exact time, chronology, lost time, circular movement, repetition, development.

Об авторах:

Хельгард Лёрхер – доктор филологических наук, преподаватель Государственной педагогической экономической академии,

преподаватель Гейдельбергского института дидактики; e-mail: helgard-loercher@t-online.de.

УДК 81.23

ФИЗИЧЕСКОЕ И СЕМИОТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

З.И. Ломинина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В предъявленном материале речь идёт о том, что время текста в культуре значительно больше времени жизни любого предмета реальности, обозначаются виды времени физического и семиотического, даётся сопоставительный анализ противоположных точек зрения на объект.

Ключевые слова: физическое время, семиотическое время, противоположные точки зрения, энтропия объекта, экологическое пространство.

Без языка время навсегда осталось бы лишь сопутствующим устройству мира физическим обстоятельством. Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира.

Н. Рябцева

Аксиологические модели времени

Научно-исследовательские дискуссии о природе и сущности времени, его универсальной характеристике, как физической реальности, так и знаковой системы, всё также продолжают и не прекращают быть актуальными и острыми. Представим кратко в тезисах суть нашего изыскания.

В первую очередь, это касается времени семиотического и времени физической реальности. В качестве методологических оснований служат несколько принципов, которые объясняют наличие двух противоположных систем описания одного и того же объекта действительности.

В первую очередь, это принцип Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1984] о достоверности, суть которого выражается в несомненности существования объекта. Следующий принцип дополнительности сформулирован Н. Бором [Бор 1961] в квантовой механике, а затем перенесён на любое научное описание. Весьма важен принцип связи временной необратимости с возрастанием энтропии всех процессов природы; он был обоснован Л. Больцманом и более подробно был разработан ученым Г. Рейхенбахом. А в исследованиях Ю.М. Лотмана о наличии противоположных точек зрения на объект – с точки зрения текста и с точки зрения реальности, – утверждается, бесспорно, прагматическое различие данных функциональных феноменов – текста и реальности – с выявлением механизмов переключения с одной точки зрения на другую [Руднев 1996, с. 10–11].

Нельзя отрицать того факта, что время вплетено во все сферы бытия и определённым образом истолковывается, входя в разные области культуры, видоизменяясь, и в дальнейшем, превращаясь в категорию времени, находит различные способы и процедуры описания и измерения в научном мире. Таких оснований, на наш взгляд, достаточно, чтобы сделать небольшой экскурс, сопоставив физическое и семиотическое время.

Итак, что же понимается под физическим временем? Общепринята и широко распространена интуитивная концепция физического времени, согласно которой время выступает как нечто движущееся. «Важнейшим свойством физического времени является его анизотропность, то есть необратимое движение в одну сторону» [Руднев 1996, с. 10]. Выражение «время проходит» всегда ассоциируется с некоторым равномерным потоком неясной природы, текущим в одном направлении и способно существовать независимо от нашего знания о ней. И еще одна характерная черта важна для физической реальности, а именно, более позднее состояние реальности отличается от более раннего большим значением энтропии, то есть события становятся всё более вялыми, угасают. «Всякий возврат к прежнему количеству энтропии исключается» [Руднев 1996, с. 10].

Развитие временно-пространственных отношений человека со средой находит отражение в знаковой деятельности языка – в тексте. Текст – это воплощенный в предметах физической реальности сигнал [Пятигорский 1962], передающий информацию от одного сознания к другому и не существующий вне воспринимающего его сознания. Семиотическая система с множеством текстов с одной стороны, и предметы, реальность, с другой, – это одни и те же объекты,

рассматриваемые с противоположных точек зрения. Текст как передающий сигнал исчерпывает, то есть уменьшает количество энтропии в мире, но накапливает, увеличивает информацию.

А текстовое экологическое пространство для нас будет существовать в онтологическом и прагматическом осмыслении: естественная система, природа, события в первой части и тексты, семиотическая система в другой части.

Таким образом, текст – это реальность в обратном временном движении.

Следует назвать три постулата Г. Рейхенбаха [Рейхенбах, 2003] о необратимости физического времени:

- прошлое не возвращается;
- прошлое нельзя изменить, а будущее можно;
- нельзя иметь достоверного знания о будущем.

Поскольку время текста направлено в противоположную сторону по отношению ко времени реальности, то и постулаты меняются на противоположные:

- прошлое текста возвращается, так как текст может быть прочитан сколько угодно раз;
- с позиции автора прошлое текста изменить можно;
- с позиции читателя нельзя изменить ни прошлое, ни будущее.

Исходя из этого, время текста в культуре значительно больше времени жизни любого предмета реальности.

Текст лишь тогда умирает, когда его перестают читать, то есть когда он перестаёт давать культуре информацию. В этом случае все экземпляры текста остаются как предметы реальности. Сам же текст исчезает, детекстуализируется.

Таким образом, объект как предмет реальности изменяется во времени от менее энтропийного к более насыщенному состоянию, живёт в физическом времени, то есть разрушается. Объект как текст изменяется во времени от более энтропийного состояния к более информативному, живет в семиотическом времени, то есть создается.

Библиографический список

1. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во «Иностранная литература», 1961. 151 с.
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1984. № 4. С.143–160.
3. Рейхенбах Г. Направление времени: Пер. с англ. Изд 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.

4. Руднев В. Морфология реальности: Исследования по философии текста. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 207 с.

PHYSISCHE UND SEMIOTISCHE ZEIT IM ÖKOLOGISCHEN RAUM

Z.I. Lominina

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Im vorliegenden Material geht es darum, dass die Zeitperiode des Textes im Kulturraum viel länger ist als das Leben des Realobjektes; da werden zwei Arten der Zeit betrachtet und bestimmt – physische und semiotische; sind vergleichende Gegenstellungnahmen angeführt.

Schlüsselwörter: physische und semiotische Zeitperioden, Gegenstellungnahmen, Entropie des Objektes, der ökologische Zeit- und Textraum.

Об авторах:

Ломинина Зоя Ильинична – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: zojalominina58@yandex.ru.

УДК 82:141.32

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕКСТАХ С. БЕККЕТА

Е.Н. Лучинская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается проблема изучения и описания концепта времени в текстах постмодернизма, его экзистенциальности и условности. Изучение содержания и структуры концепта времени, репрезентированного в художественных текстах постмодернизма, позволяет выявить имплицитные экзистенциальные смыслы представлений персонажа о времени, его чувственном происхождении и абсурдности.

Ключевые слова: время, концепт, постмодернизм, художественный текст, экзистенциальный смысл, когнитивная лингвистика, семиотика.

В современной лингвистике большое внимание уделяется рассмотрению восприятия и понимания различных концептов. Исследование концепта времени как базовой единицы культуры актуально в рамках синтезированного подхода, охватывающего лингвокультурологию, семиотику, когнитивистику и пр. Для рассмотрения особенностей репрезентации концепта необходим анализ актуализованных языковых единиц с применением дефинирования, этимологического и контекстуального анализа, анкетирования и пр., что позволяет «составить ценностно-образно-понятийный, или аффективно-перцептивно-когнитивно-понятийный, «портрет» этого «многомерного социопсихического образования» [Чугунова 2009, с. 124].

Для выявления ключевых смысловых признаков концепта времени, его знаковых сторон, определения темпоральных свойств глагола на уровне контекста высказывания применяются семиотический, структурный и типологический подходы. В связи с тем, что темпоральный концепт является лингвоментальной единицей, охватывающей и языковое, и психическое (неязыковое) представление об окружающей действительности, его анализ достаточно сложен. Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы восприятия, осмысления и познания действительности сознанием. Когнитивисты призывают исследователей обращаться, в частности, к методу моделирования концепта для изучения его содержания и выявления структурных единиц (квантов, ментефактов, ассоциатов и пр.). Однако и этот структуральный метод не будет учитывать все многообразие коннотаций, возникающих в конкретном языке, тексте, дискурсе, индивидуально-авторской картине мира и пр. На наш взгляд, наиболее адекватным методом выявления значений концепта времени в различных репрезентациях является контекстуальный анализ. Необходимо при этом учитывать различие между лексическим значением, т.е. семантической единицей, вербализованной в языке, и ментальным представлением в человеческом сознании, т.е. концептуальным знанием, более широким и более абстрактным, не всегда имеющим репрезентацию в языке. Именно поэтому одним словом (рус. яз. «время», англ. яз. «time») может быть выражено несколько концептов (см. поговорки «*время летит*», или «*бежит*» – концепт течения времени; «*Time and tide waits for no man*» («*время не*

ждет») – концепт неизбежности; «*время собирать камни*» – концепт события, момента и др.

Структурная схема концепта, его неоднородное содержание всегда были предметом научного интереса ученых. В.И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [Карасик 2004, с. 118]. Таким образом, в структуре концепта выделяются три базовые составляющие: образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Наличие в концепте образного компонента определяется самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода. Ученые единогласны в том, что концепты как сущности специфической природы максимально связаны с индивидуальным опытом, личностными ориентирами, уникальностью проявлений взаимодействия внутренних и внешних факторов события [Залевская 2002 и др.].

Рассматривая концепт времени, следует отметить, что смыслы, заключенные в русской, или, например, английской лингвокультуре, продолжают развитие первичного концепта «длительность» / «duration», т.е. некий отрезок времени, связывающий последовательные события. Приведем пример из текста: «Черт побери, это, в конце концов, неприлично, всему есть предел! За *шесть дней* – слышите? – за *шесть дней* Бог создал мир. Да-с, ни больше ни меньше – мир! А вы за *три месяца* не могли сшить несчастные брюки». (Голосом портного, с негодованием.) – «Но милостивый государь, взгляните (презрительный жест, с отвращением), какой мир, (пауза) и взгляните, (любовный жест, с гордостью) какие брюки! (пауза)» (Беккет 1999, с. 134).

Концепт времени репрезентируется в произведениях С. Беккета в обычных лексических номинациях: «*Новый год*», «*четыре дня*», «*через неделю*», «*десять дней*», «*две недели*», «*Пасха на Носу*», «*шесть дней*», «*три месяца*» и др., а также посредством метафоры: «**Владимир**. (нравоучительно). У каждого свой крест. (вздыхает). Пока не минет *миломлетное* пока и не наступит *краткое* потом» (Беккет 1999).

В процессе анализа текстов произведений С. Беккета, была отмечена так называемая темпоральная компрессия, наступающая в результате работы эпизодической памяти, для которой, в отличие от семантической и процедуральной памяти, характерна высокая степень несоответствия с реальным временем. Так, описываемые события в

речи персонажей Владимира и Эстрагона теряют свою длительную составляющую:

«**Владимир.** Оставь его в покое! Что с тобой происходит? ... Что с тобой?

Эстрагон. Я страдаю.

Владимир. Не может быть! И с каких же пор?

Эстрагон. Не помню.

Владимир. Хорошенькие шутки играет с нами *память*» (Беккет 1999).

Или:

«**Мальчик.** Мсье Годо...

Владимир. (перебивает его). Я тебя уже видел *раньше*, правда?

Мальчик. Не знаю, мсье.

Владимир. Ты меня не узнаешь?

Мальчик. Нет, мсье.

Владимир. Разве не ты приходил *вчера*?

Мальчик. Нет, мсье.

Владимир. Ты в первый раз здесь?

Мальчик. Да, мсье.

Пауза.

Владимир. Сказать можно что угодно.

Пауза.

Ладно, продолжай.

Мальчик (выпаливает). Мсье Годо велел передать вам, что *сегодня вечером* он не может, а *завтра* придет точно» (Беккет 1999).

Изучение функционирования концепта времени в художественных текстах показывает, что значительное число номинаций времени отражает непосредственный чувственный опыт человека, основанный на сравнении личных событий с окружающей действительностью.

«**Владимир.** Перестань, Гого, не огорчайся. *Завтра* все будет *лучше*.

Эстрагон. С чего ты взял?

Владимир. Ты разве не слышал, что сказал мальчик?

Эстрагон. Нет.

Владимир. Он сказал, что *завтра* Годо придет наверняка. Пауза. Теперь понимаешь?» (Беккет 1999).

При этом необходимо учитывать, что концепт времени – это результат вторичной концептуализации, поскольку темпоральные концепты сохраняют структуру концептов пространства и движения наряду с их языковыми репрезентациями. См. пример из

художественного текста: «А. Безнадежное *будущее*, непростительное *прошлое*, судя по воспоминаниям, выпячивание всего нелепого и полное благих намерений неотправленное письмо» (Беккет 1999).

Дж. Гибсон, исследующий в своих трудах проблемы экологической психологии, предполагает, что время – это иллюзия, если не поддается непосредственному наблюдению [Gibson 1979]. Например:

«**Владимир.** С ними, глядишь, и *время* прошло.

Эстрагон. Оно бы *прошло* и без них.

Владимир. Да. Но не так *быстро*» (Беккет, 1999).

Время в постмодернистском произведении реально ощущается как движущееся, но не во вне, а внутри индивида, вместе с ним. Временные отношения, осознаваемые как последовательные, устанавливаются, как правило, между определенными периодами человеческой жизни, например, между рождением и смертью, см.: «*время* рождаться, и *время* умирать», или «Всему свое *время*, и *время* всякой вещи под небом» [Толковая Библия]. Экзистенциальный смысл концепта времени актуализирован в речи персонажа пьесы С. Беккета «В ожидании Годо» Эстрагона:

«**Владимир.** Но ты же не можешь ходить босиком.

Эстрагон. Иисус-то ходил.

Владимир. Иисус! Ты что себе воображаешь? Не будешь же ты в самом деле сравнивать себя с Иисусом!

Эстрагон. *Всю жизнь* я только и делаю, что сравниваю себя с ним» (Беккет, 1999).

Концепт времени включает экзистенциальные смыслы героев произведений, которые к концу жизни осознают условность и субъективность времени их существования, например:

«**Поццо** (с неожиданной яростью). Сколько можно отравлять мне жизнь вашими расспросами о *времени*?! Это, наконец, бессмысленно. С каких пор! Когда! *В один прекрасный день* – вас это устроит? – *в один прекрасный день*, такой же, как и все остальные, он онемел; *в один прекрасный день* я ослеп; *в один прекрасный день* мы все появились на свет, *в один прекрасный день* мы все умрем, *в урочный день, в урочный миг* – этого вам достаточно?» (Беккет 1999).

Или:

«**Владимир.** Мне было одиноко.

Эстрагон. А мне снилось, что я счастлив.

Владимир. Так и *время* бежит незаметней» (Беккет 1999).

Итак, в процессе исследования была отмечена абсурдность концептуализации времени: персонажи произведений С. Беккета не

имеют представления о реальном течении времени, в диалогах отмечены лишь ближайшие границы настоящего – вчера и завтра (данный феномен является характерной чертой для текстов постмодернизма). Корреляция экзистенциальных смыслов «жизнь – одиночество», «жизнь – счастье» лейтмотивом проходит через все тексты пьес С. Беккета. При этом механизм формирования концепта времени остается неизменным: чувственный образ фиксируется в концепте, который репрезентируется в языковой единице. Ассоциативное мышление человека может включать множество как конкретных, так и абстрактных языковых единиц в структуру универсального концепта времени. На наш взгляд, перспективной задачей остается изучение способов концептуализации времени в языке и выявление корреляции «абстрактная сущность – артефакт чувственного восприятия внешнего мира».

Библиографический список

1. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 5–18.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
3. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А.П. Лопухина. Изд. 4-е. М.: Дар, 2009. / Т. 3.: Исторические книги. Учительные книги. 960 с. / Книга Екклесиаста. 656–700 с.
4. Чугунова С.А. Темпоральные концепты и методы их исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 134–142.
5. Gibson J. The ecological approach to visual perception. Boston: Psychology Press, 1979. 346 p.

Источники

1. Беккет В. Театр: Пьесы: Пер. с англ. и фр./ Сост. В. Лапицкого; Вступ. статья М. Корневой. СПб.: Азбука, Амфора, 1999. 347 с.

EXISTENTIAL TIME IN POSTMODERN TEXTS BY S. BECKETT

E.N. Luchinskaya

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the problem of studying and description of the temporal concept in the postmodern texts, its existential and conventional nature. The content and structure of the temporal concept represented in the fiction texts help to reveal the implicit existential meanings of the personage ideas about time, its sensual origin and absurdity.

Key words: time, concept, postmodernism, fiction text, existential meaning, cognitive linguistics, semiotics.

Об авторах:

Лучинская Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: bekketsam@yandex.ru.

УДК 81'42:070

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ» В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

О.В. Луцинская

Минский государственный лингвистический университет, Минск

В материале рассматривается медийный дискурс как институциональный тип, кратко представлены его характеристики. Ключевым понятием медийного дискурса является медиатекст, который сегодня приобретает новые черты и трактуется шире с учетом развития интернет-журналистики. В медиатекстах реализуются дискурс-категории, одной из них выступает «время», которая анализируется на примере белорусского сетевого издания «sb.by».

Ключевые слова: медийный дискурс, институциональный тип, медиатекст, дискурс-категории, категория «время», сетевое издание «sb.by».

В фокусе наших исследовательских интересов находится *медийный дискурс* как институциональный тип, функционирующий в разных журналистских традициях и, соответственно, имеющий как общие черты, так и ряд отличительных особенностей в этих журналистских традициях.

Отметим, что понятие «дискурс» вслед за некоторыми учеными (в частности, В.Е. Чернявской, В.И. Тюпом) мы рассматриваем с позиции двух подходов – в широком и узком понимании. В первом случае дискурс – это совокупность разных типов текстов, принадлежащих одной сфере / институту, объединенных общностью тематической направленности и целью, характеризующихся интра- и экстралингвистическими параметрами. В узком понимании имеется в виду отдельно взятое коммуникативное событие, реализованное в устной или письменной форме, с учетом его формальных и содержательных характеристик, а также субъектной ситуации общения, которая включает коммуникантов (адресанта и адресата) и их взаимодействие, а значит актуализируемые этими участниками общения определенные роли.

Медийный дискурс представляет собой отдельный институциональный тип, который имеет свои характеристики, признаки, параметры, специфику, ценности. Он включает в себя такие разновидности, как новостной, рекламный, PR дискурс, информационный, аналитический, идеологический и ряд других, которые отражают события, процессы, идеи, знания, культурные реалии отдельного общества и мира в целом, адаптируются в нем согласно правилам его функционирования и репрезентируются посредством языка СМИ и экстралингвистических параметров. Цель медийного дискурса заключается в передаче информации, отражении событий окружающей действительности и осуществлении обратной связи между коммуникантами. Основными его функциями выступают информационная, воздействующая и развлекательная.

Одним из ключевых понятий медийного дискурса является *текст* или, точнее, *медиа́текст*. Развитие информационных технологий привело к возникновению интернет-журналистики и, соответственно, онлайн-изданий, которые сегодня передают информацию, объединяя в себе разные каналы ее передачи. В данном случае речь идет о конвергентных средствах массовой коммуникации, в которых медиа́текст приобретает ряд новых характеристик и особенностей. Можно заключить, что современный медиа́текст в широком его понимании – это не только линейная последовательность вербальных знаков, а семиотически усложненный, креолизованный

мультимедийный продукт коммуникации, который, наряду с классическими характеристиками, функциями и свойствами текста приобретает новые качества и форматы, особенности содержания и воспринимается аудиторией по-другому за счет конвергенции. Это уже не просто сукцессивное восприятие информации, а многомерное, многовекторное, симультанное. Читатель сам может «выстроить путь» получения информации из медиатекста, двигаясь в определенном направлении (с учетом гипертекстовых связей), и таким образом конструировать собственный текст.

В медиатекстах находят репрезентацию ряд *дискурс-категорий*, которые, как утверждает Н.К. Кравченко, представляют собой его обобщающие характеристики, обеспечивающие функционирование дискурса в качестве сложного коммуникативно-когнитивного феномена с когнитивной основой в виде синхронизированных знаний коммуникантов о ситуации общения, предполагающей ситуационный контекст, контекст локальных интеракций; знания друг о друге, что связано с психологическим и межличностным контекстом; знания о коммуникативных конвенциях (коммуникативный контекст); этнокультурных и универсальных кодах и макросценариях [Кравченко 2018].

Одной из ведущих категорий медийного дискурса выступает «время», которая может быть рассмотрена, с нашей точки зрения, с позиции двух подходов. С одной стороны, имеется в виду *временной контекст*, охватывающий освещаемое событие, а именно, настоящее (текущее) или прошедшее событие (в рамках исторического контекста), либо новость рассматривается в разных временных контекстах в публикации одновременно. Другими словами, событие может иметь отношение к текущему времени, или же в медиатексте автор рассказывает о событии(-ях), которые уже произошли какое-то время назад, но по определенным причинам журналист возвращается к ним, сообщает или анализирует их.

С другой стороны, в рамках категории «время» в медийном дискурсе выделяются субкатегории *оперативность*, *периодичность* и *регулярность*. Субкатегория «оперативность» (своевременность и скорость предъявления информации) играет важную роль в системе СМИ, поскольку от того, как быстро и своевременно будет представлена информация, зависит рейтинг соответствующего медиа и доверие к нему. Кроме того, как отмечает В.И. Ивченков, «оперативность в системе функционирования СМИ имеет многоаспектный и разноэлементный характер, который затрагивает и интралингвистическое построение текста» [Луцанкаў 2009, с. 91]. Автор

выделяет оперативность при создании текста, оперативность распространения и оперативность восприятия [Гучанкаў 2009].

Исследователь В.Б. Кашкин разграничивает такие виды времени, как *реальное, перцептуальное и дискурсивное* [Кашкин 2004]. Реальное обладает свойствами объективности, одномерности, однонаправленности (необратимости), непрерывности / прерывности, упорядоченности. Перцептуальное является отражением в сознании человека реального времени, это еще и эмотивное время, так как ощущения времени всегда пропускаются через эмоции человека. Посредством дискурсивного времени обозначается временная соотнесенность реальных событий, которые воспринимаются через эмоциональные состояния.

Согласно классификации, предложенной Л.В. Неудачиной, выделяется три вида категории «время»: *социально-культурологическое*, связанное с упоминанием в текстах знаменательных событий; *индивидуальное* время, отражено событиями, представленными определенными датами и имеющими значение для отдельных участников коммуникативной ситуации; *астрономическое* время – любые запланированные встречи и мероприятия [Неудачина 2018].

Рассмотрим репрезентацию дискурс-категории «время» в белорусском сетевом издании Издательского дома «Беларусь сегодня» «*sb.by*». Ее реализацию можно анализировать с разных точек зрения. С одной стороны, в рубриках сетевого издания каждый день освещаются текущие события, поэтому данная дискурс-категория связана с настоящим контекстным временем. Здесь важно подчеркнуть, что, когда мы говорим о текущих событиях, имеются в виду новости, освещающие события, факты или явления нескольких дней или даже недель. Это зависит от актуальности и значимости данных событий. С другой стороны, учитывая тот факт, что в разделах издания содержится архив новостей и, соответственно, можно познакомиться с произошедшими в тот или иной промежуток времени событиями, то категория «время» представлена в издании в целом в рамках широкого контекста. Кроме того, мы обратили внимание и на тот факт, что часто в медиатекстах журналисты освещают события, которые произойдут в будущем, и описывают их. Таким образом категория «время» репрезентируется в контексте предстоящих событий.

Контекстное время того или иного события в медиатекстах может реализовываться при помощи разного грамматического времени, часто происходит использование журналистами настоящего, прошедшего и будущего времени в одном сообщении одновременно. Так, в публикации под названием «*Сохранить страну и рвануть вперед. Итоги*

рабочей поездки Александра Лукашенко на Гомельщину» от 28.04.2023 сообщается о рабочей поездке Президента в один из регионов Беларуси в годовщину чернобыльской трагедии. Контекстное время новости – настоящее, текущий период, однако событие описывается прошедшим грамматическим временем. Кроме того, в самом сообщении журналист упоминает ряд других событий, которые имели место раньше, но непосредственно связаны с текущей новостью, или, наоборот, говорится о будущих действиях. Эти события отражены при помощи разного грамматического времени и с использованием соответствующих лексических маркеров. Например, «...*Восстановление и развитие загрязненных территорий стало приоритетом и национальной задачей с первых дней президентства Александра Лукашенко* (выделенный глагол прошедшего времени показывает связь с текущим контекстным временем). *Однако в ходе нынешней поездки в Ветковский район было решено отойти от традиционного «чернобыльского» формата* (основное событие). *В начале недели Глава государства побывал в Гродненской области, в пятницу* детально, во всех нюансах *анализировали* работу экономики на Гомельщине. На основании увиденного Александр Лукашенко *озвучил фактически программу дальнейших действий* для всей страны и обратился, без преувеличения, ко всем нам...» (SB).

Как мы полагаем, отражение категории «время» определяется и самой тематикой публикации. Так, в материале «*Белорусские сверхтвердые материалы и инструмент востребованы как в стране, так и за рубежом*» от 29.04.2023 речь идет о производстве белорусских алмазов на современном этапе. Ключевое частотное слово в публикации «сегодня», которое отражает настоящее контекстное время. Автором, в основном, используются настоящее (доминирующее) или прошедшее грамматическое время, позволяющие отразить текущую ситуацию. Приведем пример из упомянутой публикации: «*Сегодня* оборудованием с алмазными элементами – резцами, сверлами – никого не удивишь. Как минимум они на слуху. Как максимум многие знакомы с надежностью и долговечностью такого оборудования. А ведь в нашей стране над ним задумались в далекие 1960-е (ссылка на прошедшее событие). Но главное, что саму технологию, школу сохранили, умножив на новые разработки (грамматическое прошедшее время передает настоящее контекстное время). И сегодня, отмечает собеседник, она успешно развивается в научно-практическом центре. Более того, в направлении идет тотальное омоложение кадров». Еще один пример: «Учитывая ситуацию на внешнем контуре, от ученых сегодня ждут многого» (SB).

Сошлемся еще на один материал в онлайн-издании под названием «Белорусская делегация примет участие в международном

наблюдении за проведением референдума в Узбекистане», который был опубликован 27.04.2023. Уже в самом названии медиатекста глагол «примет», употребленный в будущем времени, показывает, что освещаемая новость связана с будущими событиями в Узбекистане. Так, весь текст в основном представлен грамматическим будущим временем: «*в Узбекистане 30 апреля **пройдет** референдум по принятию новой Конституции*»; «*участие в международном наблюдении за ходом проведения референдума ... **примут** представители делегации Беларуси*»; «*во время поездки **будут** обсуждаться вопросы белорусско-узбекских отношений в сфере образования*»; «*накануне референдума международные наблюдатели от Парламентского Собрания **планируют** посетить избирательные участки в городах Ташкенте и Самарканде...*» и др (SB).

В публикации «В Минске **открылся** Республиканский театральный фестиваль “Перемога”» от 29.04.2023 сообщается о том, что 29 апреля на сцене Национального академического театра им. Я. Купалы открылся Республиканский театральный фестиваль «Перемога», посвященный предстоящему празднованию Дня Победы, и с 29 апреля по 16 мая форум покажет в столице лучшие военные спектакли со всей страны, которые были отобраны республиканской экспертной комиссией по театральному искусству. Несмотря на то, что событие уже произошло, и в медиатексте это отражено при помощи прошедшего грамматического времени («**открылся** Республиканский театральный фестиваль “Перемога”», «**открыл** фестиваль спектакль Брестского академического театра драмы “Не покидай меня” по пьесе Алексея Дударева» и др.), тем не менее, данное событие остается актуальным до середины мая (отражено при помощи будущего грамматического времени и отдельных лексических маркеров будущего времени: «**форум покажет** спектакли», «**постановки** минских театров **пройдут**», «**театральные коллективы выступят**», «**зрители увидят** постановки Могилевского областного театра драмы и комедии им. В. Дунина-Марцинкевича из Бобруйска», «**14 мая** Гродненский областной драматический театр **предложит** военную драму “Трибунал”» и др.). Соответственно, освещаемое событие рассматривается в контексте настоящего времени (SB).

Таким образом, репрезентация категории «время» в текстах медийного дискурса связана с описываемым контекстным временем, чаще всего настоящим, текущим, которое может быть представлено при помощи разных грамматических времен и их соответствующих лексических маркеров, а также ссылками или упоминанием исторических событий.

Библиографический список

1. Іўчанкаў В.І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі: курс лекцый. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2009. 280 с.
2. Кашкин В.Б. Дискурс: учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 76 с.
3. Кравченко Н.К. Современный дискурс и дискурс-анализ. Краткая теорминологическая энциклопедия. Режим доступа: <http://discourse.com.ua/data/uploads/books/sovremennyj-diskurs-i-diskurs-analiz-m-enciklopedija.pdf> (дата обращения: 06.04.2023).
4. Неудачина Л.В. Пространство и время как базовые категории коммуникативной ситуации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2 (30). С. 41–48.

Источники

1. SB – Беларусь сегодня. Режим доступа: sb.by (дата обращения: 06.04.2023).

REALISATION OF THE CATEGORY «TIME» IN THE STRUCTURE OF THE TEXT OF MEDIA DISCOURSE

O.V. Luschinskaya

Minsk State Linguistic University, Minsk

The article considers media discourse as an institutional type and briefly presents its characteristics. The key notion of media discourse is a media text, which today acquires new features and is interpreted more broadly, taking into account the development of online journalism. Discourse categories are implemented in media texts, one of them is «time», which is analysed on the example of the Belarusian online edition *sb.by*.

Key words: media discourse, institutional type, media text, discourse-categories, category «time», online edition *sb.by*.

Об авторах:

Луцинская Ольга Владимировна – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе

УДК 811.112.22

ZEITMETAPHER ALS MARKER DER ZEITAUFFASSUNG IM DEUTSCHEN

K.V. Manerova

Staatliche Universität St. Petersburg, St. Petersburg

Die Metapher bewirkt unser Denken, bildet die kognitive Verbindung von der körperlichen Erfahrung und Weltauffassung. Der interdisziplinäre Kontext der Metapheranwendung ermöglicht Interaktion zwischen unterschiedlichen Ansätzen und kann als Marker von der Zeitauffassung in der deutschen Kultur definiert werden. Die Zeit in Belegen wird im Vortrag durch diverse deutsche M-Modelle (Metaphermodelle) erfasst.

Schlüsselwörter: Zeitmetapher, M-Modelle, Zeitauffassung.

Das Konzept der Zeit ist im Deutschen inhomogen. Die Konstante Zeit erfährt ihre sprachliche Kodifizierung auf unterschiedlichen Sprachebenen: Tempus und Aspekt als grammatische Kategorien, Metaphern, Sätze, Einwort- und Mehrworteinheiten. Die variablen Ausdrucksmittel referieren aber semantisch gleich: Etwas verläuft gleichzeitig oder vor- bzw. nachzeitig, etwas ist vergangen, gegenwärtig oder zukünftig. Eine temporale Bedeutung findet sich auch bei Sachbezeichnungen [Арутюнова 1997, с. 9]. Dazu gehören Bezeichnungen für temporale Maßeinheiten (russ. «час», dt. «Stunde», engl. «hour», frz. «heure») oder Benennungen für zeitmessende Geräte (russ. «часы», dt. «Uhr», engl. «clock»/«watch», frz. «montre»/«horloge»/«pendula») [Моисеева, Ухналёва 2016б с. 159]. Die Uhr besitzt seit dem Beginn der Neuzeit eine hohe Symbolkraft und dient als Metapher (z.B. bei Leibniz) [Albus 2001:140].

Zeit eine sprachliche Universalie. Zeit wird durch physische Natur, sowie durch geistige, alltägliche, wissenschaftliche, verbale, subjektive Vorstellungen determiniert. Dabei ist Zeit weder eine materiale (äußere), noch ideale (innere) Substanz. Zeit ist eine universelle Dimension, die mit abstrakten Einheiten, aber nicht nur damit zu ermessen ist. Auf dem empirischen Weg hat die Menschheit gelernt, die Zeit nicht nur zu begreifen und zu messen, sondern auch zu bewerten und zu werten [Bock, Manerova 2019].

In Verbindung mit Inhomogenität unterscheidet Nadezhda K. Ryabtseva 4 Typen der Zeit [Рябцева 1997]. Ausgangszeit – physische (od. natürliche) – ist objektiv, empirisch und zyklisch, sie ist dem Menschen als ein ewiger natürlicher Mechanismus von der Natur vorgegeben. Die Zeit wird nicht passiv wahrgenommen: man nutzt die Zeit, um die Ereignisse auf der Zeitskala zu ordnen. Man fixiert Ereignisse – chronologisch, chronometrisch, chronografisch – und wandelt sie kraft der Daten in Fakten um: «Geburtsdatum d. 01. Juli 1984», «Erstaufführung am 18. Mai», «vormittags um elf Uhr», «Frühstück von 08:30 bis 10:30 Uhr». Mit der physischen Zeitbestimmung verleiht man diversen Ereignissen Bestimmtheit und Grenzen, vergleicht Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft.

Metaphysische (philosophische, verallgemeinerte) Zeit ist kategorial. Eine Dimension wie Raum, Bewegung, Materie, aber linear. Die metaphysische Zeit lässt uns Objekte segmentieren und verbinden: nachfolgen, heranrücken («im letzten Jahr», «in der Antike»), voraussagen («nach dem Weltuntergang»). Diese Zeit hat mit Epochen, Perioden, Geschwindigkeit zu tun. Hierdurch ist die metaphysische Zeit relativ, rational, kategorial, abstrakt und bedingt: das ist eine physische Zeit, die in die Logik der Dinge umgewandelt ist.

Der objektiven Vorstellung und der Metavorstellung steht die alltägliche Zeit gegenüber, die begrenzte Ressource, die sich durch die Lebenszeit messen lässt. Man verfügt über die Zeit, man kann sie metaphorisch verbringen, sparen, vergeuden, totschiagen. Die Zeit kann von Menschen nur begrenzt kontrolliert werden: «Wechsel der Jahreszeiten»; «Zeit zu leben, Zeit zu sterben»; «um die Zeit nicht zu verlieren»; «die Uhr zurückstellen». Die alltägliche Zeit ist psychologisch, subjektiv, praktisch, aktiv und interpersonal: «die Zeit fließt»; «in den Herbst des Lebens kommen». Zeit besitzt Macht über den Menschen: «Zeit drängt», «entscheidet», «arbeitet gegen uns», «spielt». Man verspürt sie und ihre Kraft, erfasst seine Ohnmacht gegen ihren Fluss.

Die geistige Zeit trennt Alltägliches vom Wertvollen und Unschätzbaren. Zeit ist absolut, transzendent *Stunde Null*. Die Zeit wird oft in Metaphern dargestellt, erlebt, neu bewertet und umgewandelt:

«Dreifach ist der **Schritt der Zeit**: Zögernd kommt **die Zukunft** angezogen, pfeilschnell ist **das Jetzt** entfliegen, ewig still steht **die Vergangenheit**» (Schiller).

Diverse Zeittypen lassen sich nicht gleich metaphorisieren: Alltägliche und geistige Zeit erfreuen sich einer breiten, reproduzierbaren Metapherbildung.

Wie auch jedes immaterielle Ding kommt die Zeit in kognitiven Metaphern zum Ausdruck. Zeit ist aus der Formulierung des Lebensmodells des Menschen nicht wegzudenken, sowie das Faktor des Menschen aus der

Modellierung der Zeit. N.D. Arutyunova [Арутюнова, Янко 1997] teilt die Modelle der Zeit im menschlichen Leben in zwei Gruppen: 1. Das Modell des Menschlichen Wegs beruht auf den Metaphern der Bewegung («gehen», «kommen», «aufholen») und des Platzes des Wanderers unter den anderen Reisenden in seiner Reihe («vorher», «hinter», «danach», «dichtauf»). Auf dem Weg gehen voran die Vorfahren, dann die Nachkommen; gehen die Vorreiter, ihnen folgen die Nachfolger. Im Modell ist die Vergangenheit dem Blick des Wanderers geöffnet, die Zukunft öffnet sich allmählich. Bei diesem Modell treten die Nachkommen den Vorfahren nach und schauen in der Vergangenheit. Bei der grafischen Darstellung des traditionellen Wegs findet die Zukunft rechts statt, und die Vergangenheit nimmt die linke Position. 2. Das Modell des Zeitflusses stimmt mit der Metapher des Flusses, des Zeitablaufes überein. Wenn man sagt «es sind schon viele Stunden herum», meint man nicht den Punkt auf dem Zifferblatt, aber die Dauer der Zeit und nimmt die gegenwärtige Zeit nicht als einen Punkt, aber als die Länge wahr.

Dementsprechend entwickelt Vladimir Plungjan fünf am meisten verwendete metaphorische Modelle des russischen Begriffes *Zeit*, welche auch für die deutsche Zeitauffassung angewendet werden [ПЛУНГЯН 1997, c. 158]:

1. Zeit ist Wanderer: etwas, was sich bewegt – «die Zeit läuft», «die Stunde rinnt», «im Laufe der Zeit», «die Zeit rennt», «Zeit rinnt durch die Finger», «Zeit geht stur weiter».

2. Zeit ist Angreifer: etwas, was zerstört – «die Zeit zerstört alles», «Zeit macht einem Beine», «Kampf gegen die Zeit», «im Wettlauf mit der Zeit», «in den Zeiten des Umbruchs»;

3. Zeit ist Substanz: etwas, was sich messen lässt – «die Zeit ist knapp bemessen», «kurze Zeit würde ihm zugemessen», «Zeit ist knapp», «heftige Zeit».

4. Zeit ist Behälter: etwas, was etwas in sich einschließt – «innerhalb der Dienstzeit», «im Jetzt», «außer Zeit».

5. Zeit ist Eigentum: etwas, worüber man verfügen kann – «Zeit aufwenden», «Zeit vergeuden», «keine Zeit haben», «Zeit ist (nicht) käuflich», «Zeit sparen», «Zeit brauchen», «Zeit zu geben», «Zeit auskosten», «Zeit schenken», «Zeit ist kostbar», «goldene Zeit», «Zeit-Millionäre», «Zeit ist Geld».

Die Personifizierung kann als ein konventionelles metaphorisches Modell im Deutschen eingestuft werden: «Zeit heilt», «Zeit verlässt», «Zeit bringt Rosen», «eine unruhige Zeit». Die Personifizierung ist eine Trope, die zur Bedeutungserweiterung und folglich zur Polysemie beiträgt. Als weitere Belege der diskursiven Praxis Personifizierung u.a. im politischen Diskurs lassen sich anführen: «die Zeit bemängelt» – «время осуждает»; «die Zeit organisiert» – «время организует»; «die Zeit ändert» – «время меняет»; «die

Zeit duldet keine Kompromisse» – «*время не терпит компромиссов*»; «die Zeit wird zeigen» – «*время покажет*».

Die kognitive Theorie der Metapher steht bis heute hoch im Kurs und entwickelt sich ständig. Eine der Richtungen in ihrer Entwicklung ist die deskriptive Theorie der Metapher in den sog. M-Modellen (metaphorische Modelle) von Anatoly Baranov. Nach A. Baranov sind M-Modelle systemhaft und für die Sprache (*langue*), nicht für die Rede (*parole*) typisch. Das M-Modell basiert auf der Zusammenwirkung von zwei Wissensdomänen, und zwar auf der kognitiven Struktur der Quelle (*source domain*) und auf der kognitiven Struktur des Zieles (*target domain*). In der Regel ist der Quellbereich konkreter als der Zielbereich.

Bei der Metapherbildung kommt es zum metaphorischen Mapping von Domänen der Quelle und des Zieles durch die sog. Deskriptoren (oder mit anderen Worten gleiche Sememe in der direkten Bedeutung des Wortes und in der metaphorischen) [Баранов 2013, с. 14]. Bei der Metapherisierung (engl. «*metaphorical mapping*») wird der Quellbereich dem Zielbereich kognitiv zugeordnet (engl. «*cognitive mapping*»), wobei der Quellbereich im Zielbereich noch teilweise erkennbar ist «*Mensch geht*» vs. «*Zeit geht*». Die Spuren des metaphorischen Mappings findet man in der Semantik des Satzes als metaphorische Folgen oder die sog. Profilierung, in dem Falle «*Zeit als Wanderer*». Für die Zeitmetaphern in diesem Sinne ist die Temporalität des Ausdrucks wichtig.

Hier seien einige M-Modelle der Temporalität in kognitiven Zeitmetaphern aufgelistet:

1. M-Modell «*Zeit als Lebendiges*» – Das Modell finden wir in folgenden Metaphern:

«*Der Geist einer Zeit*»; «*der Zahn der Zeit*» («*etwas Zerstörerisches*», «*разрушающая рука времени*»); «*das Zeichen der Zeit*»; «*der Zug einer Zeit*»; «*am Puls der Zeit*»; «*noch im Schoß der Zeit ruhen*» (geh.).

2. M-Modell «*Zeit als Organisches*»:

«*Die Zeit ist (nicht) reif für etwas*»; «*Blütezeit der Aufklärung*»; «*etwas ist im Keim vorhanden*»; «*das Werden und Vergehen in der Natur*»; «*den Samen für eine Entwicklung legen*»; «*Schimmel ansetzen*»; «*noch nicht ausgegoren sein*».

3. M-Modell «*Zeit ist Flüssiges*»:

«*Zeit fließt*»; «*Zeit verfließt*»; «*Zeit rinnt durch die Finger*»; «*bis dahin läuft / fließt noch viel Wasser den Berg/ die Donau/ den Rhein herunter*»; «*wieder noch in Fluß kommen*»; «*wieder flott werden, die neue Welle*»; «*Zeitwelle*».

In den Wendungen *vor oder nach einiger Zeit* geht es um räumliche Metaphorik, um ein weiteres M-Modell, wie auch in Belegen «*letzte*», «*vorige*», «*abgelaufene*», «*vorherige*» und «*zurückliegende*» Woche. Das sei mit Lakoffs und Johnsons These unterstützt, dass das räumliche Verständnis

von Zeit in manchen Sprachen vorhanden ist. Da man den Raum früher und fundamentaler als die Zeit zu erfassen gelernt hat, ist es bis heute leichter, die räumlichen Eigenschaften an die Zeit anzupassen.

Somit betrachten wir nach A. Baranov die konzeptualisierende Eigenschaft der Metapher als ihre Fähigkeit, die Unendlichkeit der Welt zu widerspiegeln [Баранов 2013]. Das Wort *Zeit* hat auch außerhalb dieser Modelle noch isolierte Bedeutungen, was uns nachweist, dass das Wort semantisch inhomogen ist. So ist das M-Modell «Zeit als Organisches» reich an Metaphern mit Bedeutungen «Anfang»; «Ende»; «falscher Zeitpunkt»:

«etwas ist im Keim vorhanden» (Anfang); «den Samen für eine Entwicklung legen» (Anfang); «das Werden und Vergehen in der Natur» (Anfang und Ende); «Schimmel ansetzen» (Ende); «noch nicht ausgegoren sein» (falscher Zeitpunkt); «Die Zeit ist (nicht) reif für etwas» (falscher, richtiger Zeitpunkt).

«Zeit» ist ein abstraktes Konzept. Die Zeit manifestiert sich aber in der Materialität der Welt. Die erwähnten Modelle der Zeitmetaphern bilden die Basis der Marker in der Zeitauffassung im Deutschen. Typen der Zeit werden ungleich in Metaphern erfasst, die Metaphern sind Mittel der figurativen Erfassung der alltäglichen und geistigen Zeit. Eine Dominante in dem Metaphernfeld bildet die kognitive Metapher mit diversen reproduzierbaren M-Modellen, wie «Zeit als Angreifer; Wanderer; Behälter; Eigentum; Substanz; Organisches; Lebendiges; Flüssiges; Raum».

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 352 С.
2. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Моисеева С.А., Ухналева Е.А. Лингвокультурологические особенности вербализации времени (на материале английского, французского и русского языков) // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С.156–164.
4. Плунгян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 158–170.
5. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 78–95.
6. Albus V. Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2001. 426 S.
7. Bock B., Manerova K. Reproduktion von Phrasemen im politischen Diskurs (am Beispiel von Zeitmetaphern während der Perestroika und in der deutschen Wendezeit) // «Немецкая филология в Санкт-

Петербургском Университете»; Выпуск IX: Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов. СПб: Издательство СПбГУ, 2019. S. 245–266.

8. *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 242 p.*

Источники

1. *Schemann H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1991. 864 S.*

2. *Schiller F. Sprüche des Confucius. Режим доступа: https://mumag.de/gedichte/sch_fv15.html (дата обращения: 11.04.23).*

TIME METAPHOR AS A MARKER OF THE CONCEPTION OF TIME IN GERMAN

K.V. Manerova

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Metaphor effects our thinking, forms the cognitive link from bodily experience and world view. The interdisciplinary context of metaphor use enables interaction between different approaches and can be defined as a marker of the conception of time in German. Time is captured in the lecture through the German M-models (metaphor models).

Key words: time metaphor, M-models, conception of time.

Об авторах:

Манёрова Кристина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: k.manerova@spbu.ru.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА «DIE TRAUMBUDE» (ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Е. В. Нарбут, В. В. Михалёва

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

В данной статье представлен результат сопоставительного анализа романа Э.М. Ремарка «Die Traumbude» и его переводов на русский язык, выполненных Г.А. Левиным в 1930 г. и Е.Е. Михелевич в 2000 г. Делается вывод о возможном темпоральном влиянии на переводческую стратегию и результат переводческой деятельности.

Ключевые слова: Э.М. Ремарк, перевод, лексика, сопоставительный анализ, темпоральность.

Эрих Мария Ремарк – один из наиболее читаемых и, пожалуй, наиболее любимых в России зарубежных писателей. Большинству читателей Ремарк известен своими романами о войне, об эмиграции.

Но первый роман Э.М. Ремарка «Die Traumbude», написанный в 1919 году, отличается от многих произведений, созданных им в дальнейшем. В нем нет ни ужасов войны, ни описания жизни потерянного поколения. Ремарк рассказывает в нем о событиях, произошедших в 1915–1917 годах, когда он вступил в так называемый «Traumbudekreis» («кружок мансарды грез», «мечты»), которым руководил оснабрюкский художник и поэт Фриц Херстемайер. Именно ему и его покойной возлюбленной Люсиль Дитрих и посвящает Ремарк свой первый роман.

Этот роман был издан в 1920 году в дрезденском издательстве «Die Schönheit». А в 1930 году в Риге появляются его первые переводы на иностранные языки – латышский и русский. На русском языке перевод вышел в издательстве «Граматы драугсъ» под полуанонимным указанием переводчика – Г.А. Л-ин, который озаглавил его «Мансарда снов». Как выяснил Ю.И. Абызов, фамилия переводчика – Левин [Абызов 2006, с. 230].

Следующий перевод этого романа был сделан Е.Е. Михелевич и выпущен в 2000 году издательством «Вагриус». В этом варианте роман называется «Приют грез».

Мнения литературоведов об этом романе весьма различны. Многие же авторы, пишущие о творчестве Ремарка, даже не упоминают этот роман.

Во введении к книге Т.С. Николаевой «Творчество Ремарка-антифашиста» этот роман упоминается лишь вскользь: «Ранние литературные опыты Ремарка прошли незамеченными, это были слабые и неоригинальные произведения с сильным налетом эстетизма и галантерейного изящества. Ремарк впоследствии говорил о романе «Die Traumbude»: «Если бы я позже не написал более ценного, эта книга могла бы послужить поводом к самоубийству» [Николаева 1983, с. 5].

В предисловии к переводу романа Э.М. Ремарка «Die Traumbude», выполненном Е.Е. Михелевич, редактор В.Т. Бабенко просит читателей «быть снисходительными к автору», написавшему роман, который потерпел «оглушительный провал» в Германии. Критики высмеивали роман за сентиментальность, «читающая публика кривилась от «душераздирающей» мелодраматичности», а самый приветливый эпитет был – «посредственный» [Бабенко 2005, с. 6].

Биограф Ремарка В. Штернбург называет героев романа «болтающими философами-любителями и весьма добрыми людьми из мира грез бульварного романа» [Sternburg 2000, с. 99]. «Die Traumbude», по мнению Штернбурга, – литературный продукт далекий от действительности, написанный в стиле, который был типичен для кайзеровской Германии, времен интеллектуального отказа от реальности [Sternburg 2000, с. 99, 101].

Мнение переводчика Е.Е. Михелевич о переведенном ею произведении, которое она высказала в интервью с Р.Р. Чайковским (ремарковед, доктор филологических наук), также отрицательное: «У Ремарка я перевела лишь его самую первую – юношескую, совершенно незрелую работу «Приют грез», в которой совсем еще не чувствуется сильное и острое перо. Мне она очень не нравилась [Чайковский, Венславович 2001, с. 58].

Автор предисловия 1930 года, характеризуя роман, вовсе не критикует его за излишнюю сентиментальность, а считает, что к нему надо относиться как к произведению, адресованному другому кругу читателей: не людям, побывавшим на войне, но людям «побывавшим на Фронте Любви и Дружбы, ибо и на этом фронте без перемен». Может быть, наивная примитивность романа и не удовлетворит кое-кого из читателей, но «Мансарда снов» так же, как и «На Западном фронте без перемен», менее всего претендует на занимательность. Это книга эмоционального обнажения. Если Ремарк «Западного фронта» –

это Ремарк тридцатилетних, то Ремарк «Мансарды снов» – это Ремарк двадцатилетних.

Для проведения предварительного анализа мы взяли два отрывка из первой и последней главы романа. Так как анализ отрывков построен на сопоставлении лексических единиц, мы составили лексические матрицы отрывков.

Проанализировав матрицу первого отрывка, мы выяснили, что в оригинале из 100 слов насчитывается: 33 глагола, 50 существительных, 17 прилагательных. Г.А. Левин использовал в своем переводе 29 глаголов, 42 существительных, 20 прилагательных. Е.Е. Михелевич использовала в своем переводе 28 глаголов, 49 существительных, 29 прилагательных, 1 наречие.

Подсчитав общее количество слов в переводах, мы можем констатировать, что Г.А. Левин употребил в своем переводе 91 слово, а Е.Е. Михелевич – 107 слов. В переводах полностью совпадают 6 глаголов, 17 существительных и 5 прилагательных, что составляет 28%. В переводе Г.А. Левина выявлено 8 добавлений и 19 опущений лексических единиц, а в переводе Е.Е. Михелевич – 8 опущений и 8 добавлений.

Анализ второго отрывка показывает, что в оригинале из 101 слова насчитывается: 49 глаголов, 36 существительных, 16 прилагательных

Г.А. Левин воспользовался в своем переводе 40 глаголами, 26 существительными и 6 прилагательными. В переводе Е.Е. Михелевич насчитывается 44 глагола, 44 существительных, 21 прилагательное.

Если суммировать общее количество слов, использованных в переводах, то Г.А. Левин в своем переводе употребил 70 слов, а Е.Е. Михелевич 109 слов. В переводе Г.А. Левина обнаружено 3 добавления и 34 опущения лексических единиц, а в переводе Е.Е. Михелевич – 9 опущений и 15 добавлений.

В 20 случаях переводчики используют одни и те же глаголы, в 13 – существительные, в 4 – прилагательные, что составляет 36,6% полного совпадения лексических единиц.

Оба переводчика применяли такие методы перевода как конкретизация, опущения, добавления. Однако было выявлено, что при переводе данных отрывков Г.А. Левин активно использовал прием опущения, а Е.Е. Михелевич чаще использовала добавления.

Г.А. Левин необоснованно, на наш взгляд, опускает не только отдельные слова, но и целые предложения. Возможно, это связано с тем, что издательство могло ограничить его количеством печатных листов.

Обращает на себя внимание следующий факт. Переводчик Е.Е. Михелевич в упомянутом уже нами интервью с Р.Р. Чайковским

сообщает, что при переводе она старалась по возможности убирать «невыносимые сопли и вопли» [Чайковский, Венславович 2001, с. 58]. Однако по результатам анализа мы видим в ее переводе большое количество необоснованных добавлений.

Для того, чтобы продемонстрировать разницу в подходах работы переводчиков, приведем примеры из романа и двух его переводов.

<i>Э.М. Ремарк</i>	<i>Г.А. Левин</i>	<i>Е.Е. Михелевич</i>
«Der Frühling, den Fritz noch erleben wollte, war mit aller Pracht gekommen. Die Buchfinken schmetterten, die Lerchen jauchzten, die Bäume rauschten, der Wind leuchtete Lenz» (Remarque 1999).	«Весна, дожить до которой хотел Фриц, пришла во всей своей красе. Приближалось лето» (Ремарк 1930).	«Весна, до которой так хотелось дожить Фрицу, наступила во всем своем великолепии. Зяблики заливались, жаворонки ликовали, деревья шумели кронами, ветер приносил весенние ароматы» (Ремарк 2005).
«Sie hatte eine süße, kleine Vogelstimme. Das Lied, das sie so sehr liebte, sangen Sie an jenem Abend, als ich Sie zum ersten Male sah: aus der Jugendzeit» (Remarque 1999).	«У нее был славный нежный голосок» (Ремарк 1930).	«У нее был небольшой, но приятный серебристый голосок. Песню, которую она так любила, вы пели в тот вечер, когда я впервые вас увидел: «Слышу до сих пор...» (Ремарк 2005).
«Eines Messers Schneide bringt durch Streichen dann in die Originalität des krausen Liniendurcheinanders die öde Gleichförmigkeit der Schablone des glattgestrichenen Butterbrotes. Darauf	«Потом, одно движение ножа распределит равномерно сироп по всему бутерброду. Далее, так как приходится бутерброд держать в равновесии и следить, чтобы сироп	«Затем лезвие ножа размазывает рисунок и приводит витиеватые завитки линий к скучному однообразию стандарта бутерброда. Сверху накладываются свеженарезанные

<p>werden frischgeschnittene Apfelscheiben gelegt. Auch das Essen ist reizvoll. Man muß dauernd aufpassen, daß einem das Rübenkraut nicht an einer Seite herunterläuft» (Remarque 1999).</p>	<p>не стекал и не капал с хлеба, все превращается в хорошее упражнение для развития терпения и чувства равновесия» (Ремарк 1930).</p>	<p>ломтики яблок. Само поглощение бутерброда тоже восхитительно. Необходимо все время следить, чтобы черная тягучая жидкость не потекла с какого-нибудь края» (Ремарк 2005).</p>
--	---	--

Эти два перевода, выполненные с разницей в 70 лет, принадлежащие разным эпохам и созданные разными поколениями, демонстрируют возможное темпоральное влияние на результат переводческой деятельности.

На наш взгляд, перевод Г.А. Левина предпочтительнее перевода Е.Е. Михелевич, потому что именно этот переводчик – современник Ремарка. Он знал не понаслышке о тех реалиях, о которых писал автор. Они говорили «на одном языке», их чувства соответствовали духу, понятиям и восприятию событий того времени.

Это нашло отражение в целом правильном переводческом подходе Г.А. Левина. А значительная темпоральная дистанция между оригиналом и переводом в случае с Е.Е. Михелевич, видимо, сказалась на переводческой эмпатии и, соответственно, на переводческой стратегии.

Библиографический список

1. *Абызов Ю.И.* А издавалось это в Риге 1918-1944. М.: Русский путь, 2006. 415 с.
2. *Бабенко В.Т.* Ремарк становится Ремарком // Станция на горизонте. М.: Вагриус, 2005. С. 5–8.
3. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 480 с.
3. *Николаева Т.С.* Творчество Ремарка-антифашиста. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. 134 с.
4. *Ремарк Э.М.* Мансарда снов [Предисловие к изданию 1930 г.] / Пер. с нем. Г.А. Левина. Рига: Грамату Драугсь, 1930. С. 7–9.
5. *Чайковский Р.Р., Венславович Т.И.* Переводчики Э.М. Ремарка о своем труде // Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем. яз.

Сев. междунар. ун-та. Вып. 2: Э.М. Ремарк / Гл. ред. Р.Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2001. С. 54–63.

5. *Sternburg W.* Als wäre alles das letzte Mal. Erich Maria Remarque. Eine Biographie. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2000. 512 S.

Источники

1. *Ремарк Э.М.* Мансарда снов. Рига: Грамату Драугс, 1930. 207 с.
2. *Ремарк Э.М.* Приют грез // Станция на горизонте. М.: Вагриус, 2005. С. 9–168.
3. *Remarque E.M.* Die Traumbude // Das unbekannte Werk. Frühe Romane. Band 1. Köln: Kiepenberg &Witsch, 1998. S. 19–173.

VERGLEICHENDE ANALYSE DER ÜBERSETZUNGEN DES ROMANS VON E.M. REMARQUE «DIE TRAUMBUDE» (ZEITLICHER ASPEKT)

E.V. Narbut, V.V. Mikhaleva

Nord-Östliche Staatliche Universität, Magadan

Dieser Artikel präsentiert das Ergebnis einer vergleichenden Analyse des Romans «Die Traumbude» von E. M. Remarque und seiner Übersetzungen ins Russische, die 1930 von G.A. Levin und 2000 von E.E. Mikhelevich angefertigt wurden. Es wird eine Schlussfolgerung über den möglichen zeitlichen Einfluss auf die Übersetzungsstrategie und das Ergebnis der Übersetzungstätigkeiten gezogen.

Schlüsselwörter: E.M. Remarque, Übersetzung, Wortschatz, vergleichende Analyse, Zeitlichkeit.

Об авторах:

Нарбут Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе, директор педагогического института Северо-Восточного государственного университета; e-mail: narbut@rambler.ru.

Михалёва Валентина Владимировна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета; e-mail: mikhaleva.vm@gmail.com.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭНИГМАТА «ZEIT» В СТРУКТУРЕ АВТОРСКОГО ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

К.А. Новикова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной работе освещаются результаты анализа корпуса немецкоязычных авторских энигматических текстов XVIII - начала XX вв. в аспекте исследования синонимичных загадок. В связи с этим рассматриваются особенности субъектной структуры энигматических текстов с общим энигматом «Zeit», а также способы экспликации данного энигмата.

Ключевые слова: энигматический текст, энигмат, энигматор, нарратор, наррататор, субъектная структура, синонимичные загадки

Изучение авторских стихотворных загадок немецкоязычных авторов XVIII – начала XX вв. предполагает обращение к термину «энигматический текст», который охватывает наряду с загадками в классическом понимании шарады, логогрифы, палиндромы, анаграммы, загадки с полисемичными и омонимичными отгадками [Денисова 2008; Селиванова 2014; Сендерович 2008; Струкова 2019]. Утвердившееся в современном языкознании понимание загадки как совокупности вопросной и ответной частей позволяет выделить два основных элемента в структуре энигматического текста: энигматор (текст, посредством которого осуществляется загадывание) и энигмат (загаданный объект действительности) [Денисова 2008, с. 16]. Сущность энигматического текста предполагает «присутствие» энигмата в энигматоре в закодированном виде: в энигматоре даётся характеристика признаков энигмата, сам энигмат при этом не называется или вербализуется заместительным объектом.

Анализ корпуса авторских немецкоязычных энигматических текстов показал, что один и тот же энигмат может кодироваться в разных энигматорах. Так, например, энигмат «Mond» («Луна») зашифрован в десяти энигматорах, энигмат «Spiegel» («Зеркало») – в девяти, энигмат «Auge» («Глаз») – в восьми, энигмат «Schatten» («Тень») является отгадкой пяти энигматических текстов. Следует подчеркнуть, что данное явление характерно не только для изучаемого корпуса. Наличие синонимичных загадок, то есть различных текстов, в которых

закодирован один энигмат, отмечается исследователями народных и авторских загадок в разных языках, а также рассматривается как проявление «внутрижанровых» интертекстуальных связей. Ученые обращают внимание на то, что организация кодирующей части загадок с общим энигматом демонстрирует как сходство (кодирование одного и того же признака энигмата, использование одного и того же образа чувств и эмоций), так и различия (кодирование различных признаков энигмата, привлечение различных метафор) [Ковшова 2019; Селиванова 2014; Семененко 2011; Солдаева 2018; Струкова 2017; Фролова 2013; Шестеркина 2018; Schittek 1991].

Для выявления особенностей организации энигматоров синонимичных загадок в изучаемом корпусе обратимся к девяти энигматическим текстам с общим энигматом «Zeit» («Время»). Анализ заместительных объектов энигмата в исследуемых текстах позволяет выделить три типа субъектной структуры энигматоров. В четырех текстах номинация энигмата осуществляется посредством личного местоимения первого лица ед. ч. «ich», то есть субъектом речи выступает сам энигмат. Эксплицитное присутствие адресата в роли объекта повествования выявляется в двух из этих текстов: «So lang ich bin, so kurz ist meine Dauer für euch» («Насколько я долгов, настолько короток мой срок для тебя») [здесь и далее перевод примеров наш] (Moser); «bin ferne dir und nah» («я далек от тебя и близок») (Kortum). Следующий тип субъектной структуры представляют три текста, в которых субъектом речи выступает эксплицитный нарратор, взаимодействующий с адресатом в роли отгадывающего лица и в роли объекта повествования. Для номинации энигмата в данном случае используются личное местоимение третьего лица ед. ч. «es», заместительные объекты «mein Wort» («мое слово») и «die Schwester» («сестра»)¹. Имплицитный нарратор является субъектом речи в двух загадках, в одной из которых вербализуется его взаимодействие с адресатом в роли объекта повествования: «Was sein wird, wenn auch du nicht mehr bist» («То, что останется, когда не будет и тебя») (Usener). Об энигмате сообщается в третьем лице с использованием местоимений «was» («что») и «es» («оно»). Таким образом, перечисленные средства номинации энигмата «Zeit» («Время») можно считать нейтральными, поскольку они не кодируют какие-либо характеристики энигмата.

¹ Выбор лексемы «die Schwester» («сестра») для номинации энигмата «Zeit» («время») обусловлен не какой-либо характеристикой энигмата, а описанием его как «сестры из пары близнецов».

С помощью семантического анализа определяется ряд закодированных признаков исследуемого энигмата, каждый из которых встречается в нескольких энигматорах:

1. Парадоксальность: «Ich komme und verschwinde, bin doch zugleich noch da» («Я прихожу и исчезаю, но в то же время я остаюсь») (Cortum); «Was ewig bleibt, und ewig entflieht» («То, что остается вечным, и вечно убегает») (Usener); «Es läuft und hat keine Beine, es gibt viele und doch nur eine» («Бежит без ног, их много и все же только одно») (Dehmel);

2. Всеобъемлемость: «Worinnen alles ist und geschieht» («То, внутри чего все существует и происходит») (Usener); «Reich an Bedeutung ist mein Wort, für Jedermann, an jedem Ort» («Мое слово имеет множество значений, для всех, в любом месте») (Wöbbe); «Gar nichts, was ist, wird ohne mich erzielt» («Ничто не достигается без меня») (Moser);

3. Многоликость, изменчивость в зависимости от взаимодействия с конкретной личностью: «Dem einen bin ich kürzer, dem andern bin ich länger» («Для одного я короче, для другого – длиннее») (Cortum); «Lang für den, der strebet, kurz für den, der fällt» («Долгое для того, кто стремится к цели, быстрое для того, кто сдается»); «Nichts dem, der im Schlummer öder Trägheit welkt. Himmlisch dem, der liebet» («Ничто для того, кто увядает в дремоте безделья. Божественно для того, кто любит») (Thiele); «Bald geht es langsam, bald schnell; mal ist es dunkel, mal hell» («Идет то медленно, то быстро; становится то темным, то светлым») (Dehmel);

4. Принадлежность каждому человеку: «Was jeder hat» («Что есть у каждого») (Usener); «Zwar jedem Menschen ist hienieden von meinem Wort ein Teil beschieden» («Хотя в этом мире каждому человеку дарована часть моего слова») (Wöbbe);

5. Невидимость «Was ... kein Sterblicher sieht» («То, что не видит ни один смертный») (Usener); «... bin nicht zu sehen» («... меня не видят») (Schulze); «Kein Auge kann sein Innerstes ergründen» («Ни одно око не в силах постичь его сущность») (Hammer);

6. Значительная сила: «Doch ordnet es die Welt mit seinem Walten; es mag mit Macht die Wirklichkeit entfalten» («Своей властью это управляет миром; своей силой организует действительность») (Hammer); «Was je entstand, muss ich zerstören» («Я должен разрушать то, что когда-либо возникло») (Schulze);

7. Бесконечность: «und sie kann nimmer enden!» («и она никогда не закончится») (Baggesen); «Maßlos für die Welt» («Безграничный для мира») (Thiele); «... ein Quell, der nie verrinnt» («родник, который никогда не иссякнет») (Schulze);

8. Подвижность: «es läuft beständig sie» («она постоянно бежит») (Baggesen); «Es läuft» («оно бежит») (Dehmel); «Und ird'sche Macht kann seinen Lauf nicht zwingen» («И никакая земная сила не в состоянии остановить его бег») (Hammer).

Некоторые характеристики энигмата представлены только в одном из исследуемых энигматоров:

1. Невозвратимость: «was ... nie zurück zu kaufen mehr ist» («то, что никогда уже не выкупишь») (Usener);

2. Высокая скорость: «Ich baue mich im allerschnellsten Fluge, wogegen, wenn das kleinste Maß ihn misst, der Flug des Lichts, der Geister langsam ist» («Я создаю себя в самом быстром полете, тогда как, если измерять его самой малой мерой измерения, скорость света и дýхов будет медленной») (Moser);

3. Беззвучность: «... bin ... nicht zu hören» («... меня не слышно») (Schulze);

4. Неизвестность происхождения: «Wo einst von ihm der Anfang war, das wird den Menschen nimmer klar» («Человек никогда не узнает, где лежит его начало») (Wöbbe);

5. Способность сохранять память о великом: «Was klein ist, mag ich gern zu Staub zernagen, was groß ist, mag ich durch die Welten tragen» («То, что мало, я охотно превращаю в пыль, то, что велико, я проносу сквозь миры») (Moser).

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о том, что среди энигматических текстов с энигматом «Zeit» («Время») невозможно выделить основной вариант, а другие определить как вариантные. Каждый текст представляет собой самостоятельное произведение, обладающее определенной субъектной структурой и содержащее определенные характеристики энигмата в закодированном виде. Общность энигмата и некоторая повторяемость его признаков, вербализируемых при этом различными языковыми средствами, мы рассматриваем в рамках референциальной интертекстуальности.

Библиографический список

1. Денисова Е.А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 226 с.

2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.

3. *Селиванова Е.А.* Энигматический дискурс: вербализация и когниция. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. 224 с.
4. *Семененко Н.Н.* Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ...д-ра. филол. наук. Белгород, 2011. 46 с.
5. *Сендерович С.Я.* Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
6. *Солдаева А.А.* Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект): дисс. ... к. филол. н. СПб: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2018. 224 с.
7. *Струкова Т.В.* Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дисс. ... док. филол. наук. Орел, 2019. 477с.
8. *Фролова О. Е.* Живое и неживое в жанре загадки // Русская речь. 2013. № 6. С. 82–89.
9. *Шестеркина Н.В.* Языческий субстрат как вербально-концептуальная константа мифорелигиозного сознания русского и немецкого языковых сообществ (на материале фольклорных текстов): дис. ...д-ра. филол. наук. Саранск, 2018. 576 с.
10. *Schittek C.* Die Sprach- und Erkenntnisformen der Rätsel. Stuttgart: M und P, Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1991. 189 S.

Источники

1. *Baggesen J.* Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/433.htm> (дата обращения 04.04.2023).
2. *Dehmel P.* Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/Dehmel.htm> (дата обращения 04.04.2023).
3. *Hammer J.* Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/566.htm> (дата обращения 04.04.2023).
4. *Kortum C.A.* Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/574.htm> (дата обращения 04.04.2023).
5. *Moser I.G.* [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/648.htm> (дата обращения 04.04.2023).
6. *Schulze F.E.* Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/010.htm> (дата обращения 04.04.2023).

7. Thiele J.G. Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/135.htm> (дата обращения 04.04.2023).

8. Usener W. Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/289.htm> (дата обращения 04.04.2023).

9. Wöbbe E. Rätselgedichte [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/325.htm> (дата обращения 04.04.2023).

DIE BESONDERHEITEN DER VERBALISIERUNG DES ENIGMATS «ZEIT» IN DER STRUKTUR EINES LITERARISCHEN ENIGMATISCHEN TEXTES

K.A. Novikova

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In dem vorliegenden Beitrag werden die Ergebnisse der Analyse der deutschsprachigen literarischen enigmatischen Texte des XVIII. Jh. bis frühen XX. Jh. unter dem Aspekt der Untersuchung synonymer Räseltexte dargestellt. Dabei werden die Besonderheiten der Subjekt-Adressat-Struktur der enigmatischen Texte mit dem gemeinsamen Enigmat «Zeit» und die Verbalisierungsmöglichkeiten dieses Enigmats betrachtet.

Schlüsselwörter: enigmatischer Text, Enigmat, Enigmator, Erzähler, fiktiver Adressat, Subjekt-Adressat- Struktur, synonymische Räseltexte.

Об авторах:

Новикова Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: _kristinanovikova2012@gmail.com.

ВАРИАТИВНОСТЬ МАРКЕРОВ ВРЕМЕНИ В «ПРАВИЛАХ ОРДЕНА БЕНЕДИКТА» IX-XX вв.

М.А. Олейник

Кубанский государственный университет, Краснодар

В центре исследования – лексические единицы, являющиеся маркерами выражения темпоральной семантики «immer» в корпусе текстов «Правила Ордена Бенедикта» с IX по XX вв. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет проследить развитие системы языковых средств со значением «immer» на материале различных немецкоязычных диалектов (алеманнский/швабский, баварский, восточнофранкский, рейнскофранкский, среднемозельскофранкский, нижненемецкий).

Ключевые слова: маркеры времени, религиозный текст, диахрония, синхрония, лексическая вариативность, диалект

В основе современной теории вариативности лежит в большой степени подход Э.Косериу. Разработанная им модель языковой вариативности состоит из трёх компонентов (диатопическая вариативность, диастратическая и диафазическая) и предоставляет исследователям возможность для рассмотрения вариативности в её различных проявлениях [Косериу 2001; Лукина 2014; Москвина 2018].

При исследовании вариативности в диахронии перспективным представляется использование параллельных текстов разных периодов. В нашей работе таким материалом явилась подборка отрывков из Устава Ордена Бенедикта, изданных в 1985 году Францем Зиммлером под названием «Aus Benediktinerregeln des 9. bis 20. Jahrhunderts: Quellen zur Geschichte e. Textsorte» (Simmler 1985). В публикацию вошли пролог и первые главы из Правил Ордена Бенедикта, написанные на разных диалектах в разные периоды. Первый перевод с латинского на алеманнский/швабский был сделан в IX веке. Ценность этого материала обусловлена тем, что в распоряжении исследователя находятся тексты, позволяющие проследить развитие того или иного языкового явления как в синхронии, так и в диахронии. Например, в диахронии на материале одного или разных диалектов (алеманнский/швабский (IX, XII, XIII, XV вв.), баварский (сер. XIII в., нач. XV в., сер./кон. XV в., 1670),

рейнскофранкский (нач. XIV в.), восточносредненемецкий (сер. XIV в.), среднемозельскофранкский (нач. XV в.), восточнофранкский (кон. XV/нач. XVI в.), нижненемецкий (кон. XV в.), текст XX в.), так и в синхронии на материале только одного или разных диалектов.

Следует отметить, что подборка текстов Ф. Зиммлера очень удобна для проведения фрагментарных исследований, поскольку мы имеем в распоряжении не полный текст (Устав Ордена Бенедикта состоит из 73 глав) и, если ограничиваться лишь этим материалом, можно говорить только о тенденциях в развитии. На это указывал и сам Ф. Зиммлер. Для проведения фундаментальных исследований в диахронии и синхронии для выявления системных взаимосвязей следует использовать «полные» тексты.

Текст «Правил Ордена Бенедикта» интересен ещё и тем, что это не только религиозный текст, в котором специфическим образом выражены категории «время» и «вечность»¹, но это и регламентирующий тип текста, предписывающий выполнение правил. Поэтому при анализе лексических средств экспликации семантики «immer» необходимо учитывать контекст, который призван конкретизировать те действия, которые соотносятся с их повторяемостью в системе координат «всегда».

Анализ материала позволил выявить в исследуемом тексте различные лексические единицы с темпоральным значением. Все они характеризуют время совершения того или иного действия («Sonnabend», «Sonntag», «Tag», «Nacht», «jetzt», «Frist», «Stunde» и т.д.), его частотность («täglich», «jeden Tag») или продолжительность («immer», «ewig», «stets» и пр.).

В рамках нашей статьи мы остановимся на языковых средствах передачи семантики «immer».

В алеманнском/швабском в IX веке в этом значении используется лексема «simblu», соответствующая латинской «semper». Следует

¹ Мы исходим из того, что религиозные тексты отдалённых от нас эпох представляют особый интерес в аспекте исследования категории/концепта времени, поскольку в этих текстах формируется представление о том, какое место занимает время в жизни христианина и как его поступки регулируются в системе координат «сейчас» - «всегда» - «никогда» - «ежедневно» - «вечно» и пр. Формируясь в религиозном представлении понятие о времени оказало влияние на его концептуализацию в языке, в культуре и по-разному проявилось и проявляется в типах и жанрах текстов. «Die Religion ist nicht nur ein beliebiger oder auch ein wichtiger von der Sprache zu bewältigender Bezirk, sondern ein zentraler, ursprünglich der zentrale, von dem aus die Gliederung der anderen Bereiche bestimmt oder mitbestimmt wurde» [Moser Hugo, 8 f. zit. nach: Burger: 7].

отметить, что «simblu» в исследуемом тексте является маркером времени только в древневерхненемецкий период, а с XII века ей на смену приходит *citi*, но всегда в сочетании с местоимением «all (e)». В тексте XIII века на баварском диалекте в значении «immer» используются словосочетания «zall zit» / «zaller zit» / «zall stund (e)». В текстах XV века частотными являются лексемы «albeg» / «alweg»¹. «Alweg» так же является маркером времени и в тексте конца XV/нач. XVI века на восточнофранкском диалекте.

Заслуживает внимания употребление в анализируемом материале лексемы «ana» («ana gedenchin») в тексте XIII века на алеманнском/швабском диалекте. Согласно словарю Р. Шюцайхеля «ana» – это предлог, который употреблялся с дативом и аккузативом в различных значениях («auf», «in», «an», «nach», «über» и т.д.), а в сочетании «alliz ana» реализуется значение «stets», «immer», «beständig»/ «всегда», «постоянно» [Schützeichel, S. 33]. В анализируемом нами фрагменте лексема «alliz» отсутствует, но мы склонны всё же считать, что «ana» употребляется в значении «всегда».

Сравним предложения:

/1/ XIII в. алем. /шваб.: «sundir er sol fvrsich **ana** gedenchin . daz ...» / «но он должен всегда помнить, что ...» (Simmler 1985);

/2/ XIII в. алем. / шваб.: «Dir abt sol **alzan** gedenchin was er ist ...» / «аббат должен всегда помнить, что он ...» (Simmler 1985).

Можно было бы предположить, что «**ana**» в примере /1/ не маркер времени, а дейктическое средство, которое указывает на придаточное предложение. Однако в этом же тексте (пример /2/) имеет место предложение со схожей синтаксической структурой, в которой при этом же глаголе «gedenchin» используется не дейктическое средство, а маркер времени «**alzan**».

В алеманском/швабском наряду с лексемой «**ana**» имеет место в ряде случаев в текстах XIII и XV вв. использование лексемы «**an**» как маркера времени:

/3/ XV в. алем. / шваб.: «sunder er sol fur sich **an** gedenken das ...» (Simmler 1985).

Если сопоставить фрагмент /3/ с текстом XX в.: *soll er stets daran denken*, можно предположить, что в форме *an* на ранних этапах в

¹ В словаре средневерхненемецкого языка Лексера зафиксирована словоформа «alle-wëc», «alwëc», «allewëge», «alwëge» [Lexner, S. 3]. Также указывается на частотность этой лексемы в карнавальнх пьесах XV в.: «allewegen», «alwegen», «alwegent», «allewent» в значении «überall», «auf allen wegen», «immer»/ «повсюду», «езде», «всегда».

алеманнском/швабском имеет место синкретизм, т. е. совмещение двух функций: выражение темпоральной семантики и дейктической функции.

Предложению /1/ в исследуемых текстах в этом же фрагменте на других диалектах всегда используется маркер времени в значении *immer*:

/4/ сер. XIII в. бавар.: «*sund gedenke **zall zit**. daz er enpfanget hat zeberihten di sel ...*» (Simmler 1985);

/5/ нач. XIV в. рейнскофр.: «*dan sie denke **vmer** wie sie die selen infange hat ...*» (Simmler 1985);

/6/ нач. XV в. среднемозельскофранк.: «*Me he denke **alle zijt** dat he dy sele entphange hat ...*» (Simmler 1985);

/7/ сер. /кон. XV в. бавар.: «*sunder er sol **alweg** gedencke das er entphange hab die sel an zurichten ...*» (Simmler 1985);

/8/ кон. XV/ нач. XVI востфранк.: «*sunder er sol **alweg** gedencken das er entphangen hab die sel antzurichten...*» (Simmler 1985).

Наряду с лексемой *simbulu* в алеманнском/швабском в IX веке для передачи семантики «*immer*» при переводе с латинского «*omni*» *tempore* используется существительное «*citi*» в сочетании с прилагательным *eosoueliheru*, которое в нашем материале в значении «во все времена» встречается только в тексте IX века. А уже в алеманнском/швабском в XII веке вытесняется конкурентной формой *all* в сочетании с предлогом «*zu*» («*zallir zitti*») и в XIII веке «*zu allen citen*» и под. Лексема «*eosoueliheru*» заслуживает нашего внимания. В словаре Р. Шюцайхеля зафиксирована лексема «*eogi(h)welich*» со значением «*jeder, jeglicher, ganz*» [Schützeichel, S. 17]. Согласно этому словарю «*eo*» является вариантом «*io*». Эта словоформа зафиксирована в его словаре как наречие со значением «*je, jemals, immer, stets, für immer*» [Schützeichel, S. 175]. «*io*» употребляется так же в древневерхненемецком как самостоятельная лексическая единица в словосочетаниях, например «*io gimalon*» – «*jederzeit*», «*io ze iogelihhemo male*» – «*jedesmal*», «*io in zitelih*» – «*immer, zu jeder Zeit*». «*Io*» может наличествовать в структуре лексем с темпоральным значением: «*ioana*» – «*im jetzigen Augenblick, jetzt, immer*». Таким образом можно предположить, что «*eo*» участвует в формировании семантики «*immer*» словосочетания «*eosoueliheru citi*».

При анализе функционирования маркеров времени с семантикой «*immer*» целесообразно учитывать так же их сочетаемость, с одной стороны, с глаголами ментального действия: «*gehorschen*», «*denken*», «*gedenken*», «*sich fürchten*», «*schweigen*» и т. д., а с другой стороны, с модальными глаголами «*sollen*» и «*müssen*». Поскольку

текст Устава содержит своего рода предписания, определяющие жизнь монашества, использование глагола *sollen* представляется совершенно закономерным. Маркеры времени с семантикой «*immer*» усиливают значение «необходимости совершения того или иного действия (постоянно, длительно, всю жизнь, день и ночь».

Например:

/9/ XIII бавар. – «*sol zaller zit bedenken*» (Simmler 1985);

/10/ XV алем. – «*sol gedencken allezit*» (Simmler 1985);

/11/ сер. / к. XV бавар. – «*sunder er sol alweg gedencke das er entphange hab die sel an zurichten*» (Simmler 1985).

В большинстве фрагментов реализуется модель «*sollen*» + глагол ментального действия + маркер времени с семантикой «*immer*».

Обращают на себя случаи отсутствия маркера времени при глаголе *müssen*. Например, в тексте 1670 г. на баварском диалекте:

/12/ «*sondern er muß gedenken*» / «*daß er Seelen zu regieren habe angenommen ...*» (Simmler 1985).

Можно предположить, что семантика глагола «*müssen*» в данном случае компенсирует отсутствие маркера времени.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ использования маркеров времени с семантикой «*immer*» в синхронии и диахронии на материале одного перевода одного и того же текста в разные периоды на различные диалекты позволил выявить следующие варианты:

«**simblu**» – «*eocouueliheru citi*» – «*ana*» – «*zall zit*» – «*allezeit*» – «*ummer*» – «*alweg*» – «*alle zyet*» – «*alle zeit*» – «*all zit*» – «*allezit*» – «*alzan*» – «*alle týd*» – «*alletyd*» – «*alleczeit*» – «*zall stund*» – «*albeg*» – «**immer**».

Использование вариантов в разных диалектах является примером диатопической вариативности, поскольку в текстах разной региональной принадлежности используются различные способы передачи одинаковых смыслов. Появление вариантов обусловлено динамическими языковыми процессами, когда на определенном этапе (в нашем материале – особенно ярко в XIII-XV вв.) появляются не только лексико-грамматические варианты, варианты сочетаемости лексических единиц, но и их графические варианты [Ср.: Schrott 2005; Лукина 2020].

Библиографический список

1. Лукина А.Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2014, том 11, № 1. С. 7-11.

2. Лукина А.Е. Диатопическая и диахроническая вариативность глагольных форм (на материале французских скрипт XIII-XIV вв.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. С. 130-137.

3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 204 с.

4. Москвина Т.Н. Лексическая и семантическая вариативность диалектной лексики: темпоральный компонент диалектной картины мира // Мир науки, культуры, образования. №6 (73) 2018. С.662-665.

5. Burger H. Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistigen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. 330 S.

6. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Stuttgart: Hirzel, 1992. 516 S.

7. Schrott A., Völker H. Historische Pragmatik und historische Varietätenlinguistik. Traditionen, Methoden und Modelle in der Romanistik / Universitätsverlag Göttingen, 2005. S.1-22.

8. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 6. Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. 444 S.

Источники

1. Simmler F. Aus Benediktinerregeln des 9. bis 20. Jahrhunderts: Quellen zur Geschichte e. Textsorte / [Benedictus de Nursia]. Heidelberg: Winter, 1985. 171 S.

VARIABILITÄT DER AUSDRUCKSMITTEL DER ZEITANGABEN IN «BENEDIKTINERREGELN» VOM 9. BIS 20. JAHRHUNDERT

M.A. Oleynik

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

Im Mittelpunkt der Forschung stehen die lexikalischen Einheiten, die im Textkorpus «Benediktinerregel» vom 9. bis zum 20. Jahrhundert Ausdrucksmittel der temporalen Semantik «immer» sind. Die vergleichende Analyse ermöglicht es, die Entwicklung des Systems sprachlicher Mittel mit der Bedeutung «immer» in verschiedenen deutschsprachigen Dialekten (Alemannisch/Schwäbisch, Bairisch, Ostfränkisch, Rheinfränkisch, Mittelmöselfränkisch, Niederdeutsch) zu verfolgen.

Schlüsselwörter: Ausdrucksmittel der temporalen Semantik, der religiöse Text, Diachronie, Synchronie, lexikalische Varietät, Dialekt.

Об авторах:

Олейник Марина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kubstunigerdep2@mail.ru.

УДК 821.111

ИСКАЖЕННАЯ ПРИРОДА ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ КАДЗУО ИСИГУРО

Т.С. Орлова

*Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Статья посвящена рассмотрению основных особенностей художественного времени в романах британского писателя Кадзуо Исигуро. Хронотоп в художественных текстах Исигуро репрезентирует влияние прошлого на настоящее, воспоминаний (часто искажённых) главного героя на его жизнь в настоящем. Временные границы в романах Исигуро представлены намеренно размыто для отражения концепции «жизни прошлым» и невозможности примирения прошлого героя с текущим моментом реальности.

Ключевые слова: Исигуро, британская литература, роман, поэтика, темпоральность, хронотоп.

Кадзуо Исигуро (р. 1954) – британский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (2017). Сложная пространственно-временная структура его романов способствует осмыслению писателем таких актуальных тем, как самоопределение, память, время, семья, человек в период крупных исторических событий и др. В художественных произведениях Кадзуо Исигуро обнаруживаются размышления на тему времени и влияния хода времени на человеческие отношения. Герои всех восьми романов Кадзуо Исигуро,

существующих на настоящий момент, часто погружаются в прошлое, так или иначе активизируют механизмы памяти: персонажи ностальгируют, рефлексируют о последствиях поступков, совершённых им и/или его окружением в прошлом. В каждом из романов Исигуро время – это инструмент, используемый для исследования сложных человеческих отношений и эмоций, которые они испытывают на фоне меняющегося мира.

В романах Исигуро время не представлено линейно. Вместо этого время изображается как сложный, постоянно меняющийся механизм, играющий неотъемлемую роль в повествовании. Сюжетные линии художественных текстов Исигуро часто начинаются в настоящем, но затем временные границы быстро приобретают зыбкие черты. Например, в романе «Не отпускай меня» (2005) воспоминания главной героини о детстве постоянно переплетаются с событиями настоящего, создавая запутанную паутину воспоминаний, формирующую её понимание мира, представленного на страницах её дневника. Подобный приём обращения с художественным временем позволяет Исигуро создать ощущение тайны и неоднозначности, т. к. читателю необходимо самостоятельно собрать воедино события прошлого героини как кусочки мозаики и решить, как они встраиваются в картину мира персонажа в настоящем и выяснить, как они влияют на её мысли и поступки.

Таким образом, использование Исигуро нелинейного времени позволяет писателю комплексно развивать образы персонажей, а также глубже исследовать универсальные темы мировой литературы. С помощью игры с художественным временем Исигуро создаёт повествование, одновременно эмоционально захватывающее и заставляющее задуматься. Сэр Кадзуо Исигуро получил Нобелевскую премию по литературе с формулировкой как писатель, «который в романах большой эмоциональной силы раскрыл бездну, скрывающуюся за нашим иллюзорным чувством связи с миром» («who, in novels of great emotional force, has uncovered the abyss beneath our illusory sense of connection with the world» [The Nobel Prize in Literature 2017, p. 1]).

Искажение времени – повторяющийся элемент в поэтике романов Кадзуо Исигуро, поскольку оно позволяет ему создавать атмосферу «зыбкого мира» (роман «Художник зыбкого мира», 1986) или сказочной нереальности (роман «Погребённый великан», 2015). Например, в романе «Безутешные» (1995) путешествие главного героя длится несколько дней, но оно представляется как бесконечная череда событий и встреч, стирающая границы между реальностью,

фантазиями и ностальгией. В романе «Остаток дня» (1989) главный герой Стивенс вынужден противостоять неумолимому течению собственной жизни, борясь в то же время с воспоминаниями о прошлом, которые он не может примирить со своим настоящим. Это напряжение между прошлым, настоящим и будущим является повторяющимся мотивом на протяжении всего романа, поскольку Стивенс медленно примиряется с выбором, который он сделал в прошлом, и возможностями, которые он упустил. В результате время в этом романе служит мощным символом сожаления и тоски, а также напоминанием о быстротечности жизни и невозможности вернуть прошлое.

В романах Исигуро искажённая природа времени создаётся нелинейностью повествования, хаотичным чередованием временных пластов, которые, по мнению читателей и критиков, оставляют от прочтения гнетущее ощущение. Исигуро неоднократно использует приём воспоминания, чтобы рассказать историю персонажа не в хронологическом порядке. Писатель ссылается на моменты из прошлого главного героя, чтобы отразить изменения персонажа в настоящем. Такой подход к организации художественного времени создаёт как у персонажей, так и у читателей, ощущение неопределённости и запутанности. Темпоральные сломы в романах Исигуро подчёркиваются мотивами утраты и отчуждённости, – темы, подлежащие репрезентации в рамках концепта «международной прозы, которая легко пересекает культурные и языковые границы» [Ishiguro 2017, p. 8]. Именно так охарактеризовал свой творческий метод лауреат Нобелевской премии Кадзуо Исигуро.

Таким образом, в контексте поэтики романов Исигуро время следует рассматривать как многомерную конструкцию, которая подвергается разнообразным изменениям. Эти моменты путаницы часто играют решающую роль в развитии сюжета и образов персонажей. Поэтому персонажи романов Кадзуо Исигуро часто переживают моменты временного замешательства, когда они не способны отличить прошлое, настоящее и будущее, что делает их не способными завершить процесс самоопределения.

Библиографический список

1. *Ishiguro K. My Twentieth Century Evening – and Other Small Breakthroughs // Nobel Lecture by Kazuo Ishiguro. 2017. P. 1–16.*

2. The Nobel Prize in Literature// Nobel Prize. 2017. 1 P. Режим доступа: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2017/summary/> (дата обращения: 10.04.2023).

DISTORTED TIME IN NOVELS OF KAZUO ISHIGURO

T.S. Orlova

*St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg
State University, St. Petersburg*

The article considers the main features of fiction time in the novels by the British writer Kazuo Ishiguro. The chronotope in the literary texts by Ishiguro represents the influence of the past and memories (often distorted) on his present life. Time boundaries in Ishiguro's novels are presented blurred to reflect the concept of "living in the past" and the impossibility of reconciling the protagonist's past with the current moment of reality.

Key words: Ishiguro, British literature, novel, poetics, temporality, chronotope.

Об авторах:

Орлова Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица; аспирант, преподаватель кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ots_prof@mail.ru.

УДК 81'373.7 (811.112.2+811.161.2)

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С МЕТРОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Н.В. Повторуха

Горловский институт иностранных языков, Горловка

В предлагаемой работе рассматриваются темпоральные фразеологические единицы с метрологическим компонентом в немецком и украинском языках. Установлен их компонентный состав,

а также проанализированы семантико-грамматические свойства исследуемых фразеологических единиц в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: фразеологизм, метрология, единицы измерения, семантико-грамматические свойства, сопоставительная лингвистика.

Фразеологизмы с метрологическим компонентом являются одной из многочисленных групп фразеологического фонда языка. Изучением фразеологических единиц (далее – ФЕ) занимались многие учёные В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, Ш. Балли, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, А.В. Кунин, Б.А. Ларин, А.И. Молотков, Л.И. Ройзензон, В.Н. Телия, А.М. Чепасова, Н.М. Шанский и др. На материале немецкого языка известны труды В. Айсманна, Г. Бургера, Д.О. Добровольского, И.И. Чернышевой, В. Фляйшера и др. Исследование А.Д. Райхштейна выполнено в сопоставительном аспекте на материале немецкого и русского языков. Вопросам фразеологии украинского языка посвящены работы Л. Г. Авксентьева, Н.Ф. Алефиренко, В.М. Белоноженко, И.С. Гнатюка, М.Т. Демского, Л.Г. Скрипник, А.С. Юрченко и др. Однако, несмотря на большое количество исследований в области фразеологии, известны лишь единичные научные разработки, рассматривающие фразеологические единицы с метрологическим компонентом (далее – ФЕМК). Так, работы З.И. Унук и З. Ястремской выполнены в сопоставительном аспекте на материале славянских языков (словацкого и украинского), а работа В.А. Бобкова – на материале английского языка. Отсутствие исследований ФЕМК, выполненных на материале немецкого и украинского языков, и обусловило актуальность данного исследования.

Цель состоит в проведении сравнительного анализа темпоральных фразеологических единиц с метрологическим компонентом (далее – ТФЕМК) в немецком и украинском языках. С этой целью необходимо решить следующие задачи: 1) установить корпус сопоставляемых ТФЕМК; 2) рассмотреть их компонентный состав; 3) определить семантико-грамматические разряды ТФЕМК немецкого и украинского языков.

Материалом служили 60 ТФЕМК, из них 40 – в немецком языке и 20 – в украинском, полученные с помощью сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей сопоставляемых языков (Бусел 2004; Белоноженко 1999; Schemann 1993; Drosdowski 2003; Wolf 1966).

Под ФЕ понимается устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением [Кунин 1972, с. 160]. В работе рассматриваются ТФЕМК в немецком и украинском языках типа: нем.

«*keine Sekunde verlieren*», – «не терять ни секунды», укр. «*як одна година*» («дуже швидко»).

Классификация ТФЕМК опирается на таксономию ФЕ, предложенную Л.Г. Скрипник [Скрипник 1973, с. 73]. В состав ТФЕМК входит разное количество компонентов в сопоставляемых языках.

Наивысшую продуктивность в сопоставляемых языках обнаруживают трёхчленные ТФЕМК (13 ТФЕМК = 32,5%) в немецком языке и (12 ТФЕМК = 60%) в украинском, ср.: нем. «*in letzter Minute*» («в последнюю минуту»), укр. «*у 24 години*» («за короткий час»). Количественное преобладание в обоих языках трёхчленных ТФЕМК можно объяснить, в частности, данными психолингвистики. Так, В.В. Красных в своей работе «Основы психолингвистики и теории коммуникации» приводит концепцию шведского лингвиста В. Ингве: «...человек может одновременно оперировать не более чем 7-ю символами (плюс-минус 2). На самом деле, 7 ± 2 – это верхний предел объёма оперативной памяти, а реальная глубина лежит в пределах 3-4» [Красных 2001, с. 107–108].

Двухчленные ТФЕМК в немецком языке занимают по продуктивности пятое место (2 ТФЕМК = 5%), а в украинском – второе (4 ТФЕМК = 20%), ср.: нем. «*eine Minute!*» («одну минуту!»), укр. «*як рік*» («дуже довго»).

Четырёхчленные ТФЕМК находятся в немецком языке на третьем месте (8 ТФЕМК = 20%), а в украинском – на четвёртом (1 ТФЕМК = 5%), ср.: нем. «*fünf Minuten vor zwölf*» («без пяти минут двенадцать, в последнюю минуту»), укр. «*без року три дні*» («зовсім недовго, дуже короткий час»).

Пятичленные ТФЕМК в немецком языке расположены на четвёртой ступени (4 ТФЕМК = 10 %) и их вдвое больше, чем в украинском, где они занимают третье место (2 ТФЕМК = 10 %), напр.: нем. «*ewig und drei Tage warten*» («ждать целую вечность»), укр. «*не по днях – по годинах*» («дуже швидко»).

Шестичленные ТФЕМК в немецком языке занимают второе место (9 ТФЕМК = 22,5%), а в украинском (наряду с четырёхчленными ТФЕМК) – четвёртое место (1 ТФЕМК = 5%), напр.: нем. «*der Tag hat nur vierundzwanzig Stunden*» («в сутках только двадцать четыре часа»), укр. «*як три дні хліба не їв*» («дуже повільно, мляво; тихо, неголосно»).

Семичленные ТФЕМК отмечены лишь в немецком языке, где они, как и пятичленные, также расположены на четвёртом месте (4 ТФЕМК = 10%), напр.: нем. «*von der ersten bis zur letzten Minute*» («с первой до последней минуты»).

В лингвистике существует ряд работ, посвящённых анализу основных семантико-грамматических разрядов ФЕ, а именно: субстантивных, глагольных, адverbиальных и адъективных [Кунин 1970, с. 270–341]. В своей классификации Л.Г. Скрипник называет их субстантивными, предикативными, атрибутивными и обстоятельственными [Скрипник 1973, с. 89]. Напротив, А.И. Молотков различает именные, глагольные, адъективные, адverbиальные, глагольно-пропозициональные и междометные лексико-грамматические разряды фразеологизмов [Молотков 1977, с. 126–149]. Взяв за основу принцип соотнесённости семантики фразеологизма со значением того или иного слова, фразеологи В.Д. Ужченко, Л.Г. Авксентьев выделяют именные, глагольные и наречные типы семантико-грамматических разрядов фразеологизмов [Ужченко, Авксентьев 1990, с. 35]. В.М. Белоноженко и И.С. Гнатюк выделяют следующие лексико-грамматические группы фразеологизмов: субстантивные, адъективные, глагольные, адverbиальные и междометные [Белоноженко, Гнатюк 1989, с. 59–69]. Базовой для предлагаемой работы является классификация М.Ф. Алефиренко, которая учитывает как наличие или отсутствие у лексических компонентов грамматических категорий и их морфологических парадигм, так и синтаксические функции фразеологизмов в предложении [Алефиренко 1987, с. 46]. Вслед за автором, в настоящей работе выделяются адъективные, глагольные, адverbиальные и интеръективные семантико-грамматические разряды ТФЕМК.

Глагольные ФЕ имеют значение процессуальности и им присущи грамматические категории вида, состояния, способа, лица, времени. В предложении данные ФЕ выполняют синтаксическую функцию сказуемого [Алефиренко 1987, с. 53]. Этот семантико-грамматический разряд ТФЕМК оказался наиболее продуктивным в немецком языке (22 ТФЕМК = 55%), в отличие от украинского (1 ТФЕМК = 5%), напр.: нем. «*alles bis auf die letzte Minute verschoben*» («откладывать всё до последней минуты»), укр. «*цілими днями працювати над чимось*» («долго работать над чимось»).

К адverbиальным относятся фразеологизмы количественно- или качественно-обстоятельственной семантики, которые характеризуются полным отсутствием морфологических парадигм и выполняют в предложении функцию обстоятельства [Алефиренко 1987, с. 62]. ТФЕМК адverbиального семантико-грамматического разряда в украинском языке являются одними из многочисленных (16 ТФЕМК = 80%) и доминируют над аналогичными ФЕ в немецком (12 ТФЕМК =

30%), напр.: нем. «*Tag für Tag*» («день за днём»), укр. «*доба за добою*» («поступово, неухильно»).

Адъективным ФЕ присуще категориальное значение атрибутивности, способность выражать статический признак предметов. В предложении они выполняют функции несогласованного определения или именной части составного сказуемого [Алефиренко 1987, с. 59]. Они представлены только в немецком языке (2 ТФЕМК = 5%), напр.: нем. «*das ist die Sache von drei Sekunden*» («это дело трёх секунд»).

К интеръективным относятся ФЕ, которые выражают различные чувства и не могут выполнять номинативную функцию [Алефиренко 1987, с. 67]. Особенность этих ТФЕМК заключается в том, что они являются формулами социального этикета. В сопоставляемых языках они характеризуются низкой продуктивностью (4 ТФЕМК = 10% в немецком языке и 3 ТФЕМК = 15% в украинском), напр. нем. «*eine Sekunde (bitte)!*» («одну секунду (пожалуйста)!»), укр. «*одну хвилину!*» («уживається для вираження прохання до кого-небудь спинитися і трохи зачекати»).

Компонентный состав ТФЕМК сопоставляемых языков представлен разным количеством элементов: от двух до семи – в немецком языке и от двух до шести – в украинском.

Глагольные семантико-грамматические разряды ТФЕМК являются наиболее продуктивными в немецком языке, а адвербиальные – в украинском. Малопродуктивными в сопоставляемых языках являются интеръективные разряды, а адъективные представлены только в немецком языке.

Библиографический список

1. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології. Харків: Вища школа, 1987. 133 с.
2. Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. К.: Наук. думка, 1989. 153 с.
3. Красных В.В. Основы психолінгвістики и теории коммуникации: Лекц. курс. М.: Гнозис: Кучково поле, 2001. 270 с.
4. Кунин А.В. Английская фразеология. К.: Наук. думка, 1970. 362 с.
5. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. Опыт системного описания. М.: Международные отношения, 1972. 215 с.

6. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
7. Скрипник Л.Г. Фразеологія української мови. К.: Наук. думка, 1973. 278 с.
8. Ужченко В.Д., Авксентьєв Л.Г. Українська фразеологія. Харків: Основа, 1990. 165 с.

Источники

1. Бусел В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. К.: Ірпінь: ВТФ Перун, 2004. 1425 с.
2. Білоноженко В.М., Винник В.О., Гнатюк І.С. Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. Кн. 1. К.: Наук. думка, 1999. 528 с.
3. Білоноженко В.М., Винник В.О., Гнатюк І.С. Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. Кн. 2. К.: Наук. думка, 1999. С. 529–980.
3. *Schemann H.* Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext. Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993. 1037 S.
4. *Drosdowski G.* Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2003. 1892 S.
5. *Wolf F.* Moderne deutsche Idiomatik. Systematisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. München: Max Hueber Verlag, 1966. 823 S.

TEMPORALE PHRASEOLOGISMEN MIT METROLOGISCHER KOMPONENTE IM DEUTSCHEN UND UKRAINISCHEN

N.W. Powtorukha

Gorlowkaer Institut für Fremdsprachen, Gorlowka

Im vorliegenden Beitrag werden temporale phraseologische Einheiten mit metrologischer Komponente im Deutschen und Ukrainischen behandelt. Es wurde ihr Komponentenbestand festgestellt, auch wurden semantisch-grammatische Eigenschaften der zu untersuchenden phraseologischen Einheiten in vergleichenden Sprachen analysiert.

Schlüsselwörter: Phraseologismus, Metrologie, Maßeinheiten, semantisch-grammatische Eigenschaften, kontrastive Linguistik.

Об авторах:

Повторуха Наталья Васильевна – преподаватель кафедры романо-германской филологии Горловского института иностранных языков; e-mail: natalpov@mail.ru.

УДК 81:39=34

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОД В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ КЕТОВ И ИХ ЯЗЫКА)

Г.Т. Поленова

*Ростовский-на-Дону государственный экономический университет,
филиал «Таганрогский институт имени А.П. Чехова», Таганрог*

В предлагаемой статье автор рассматривает представление древнейшей народности Сибири кетов о времени и отражение его в языке. Подчёркивается архаичность культуры и языка кетов как носителей мезолитической культуры первобытных охотников, рыболовов и собирателей. В доказательство приводятся данные кетского календаря и описываются древнейшие глаголы, формы которых образованы с помощью первичных дейктических частиц.

Ключевые слова: родоплеменной строй, изолированный язык, календарь, категория времени, дейктические частицы, настоящее время, прошедшее время, активный строй языка.

Кеты – малочисленная народность Сибири, проживающая в посёлках на берегах Енисея и его притоков в Красноярском крае. Кетский язык привлёк внимание языковедов своей уникальностью и архаичностью. Первопроходцем в изучении и исследовании кетского языка ещё в XIX веке был финский подданный Российской империи Александр Кастрен. XX век связан с именами А.П. Дульзона (Томск), Е.А. Крейновича (Ленинград) и Г.К. Вернера (ученика А.П. Дульзона) и их последователей.

Поскольку кетский язык не имел письменности, то язык познавался и изучался в многочисленных научных экспедициях в местах проживания кетов (автор в том числе). Материалы экспедиций хранятся в Томской лаборатории народов Сибири и в личных библиотеках кетологов.

Научный интерес к кетам вызван тем, что их язык образует «остров» среди окружающих его языков, а можно сказать и всех языков мира, т.е. это изолированный язык в строгом смысле этого слова.

Известно, что язык является отражением культуры и картины мира его носителей.

Кеты ещё до середины XIX века сохраняли родоплеменной строй. Во время экспедиции в места проживания курейских кетов (июль 1972 г.) автору удалось увидеть на берегу озера «Мадуйка» стойбище летних чумов кетов, сохранявших традиции предков проводить лето у воды, а зиму в тайге в зимних чумах.

В календаре кетов названия месяцев отражают состояние природы и хозяйственные заботы кетов в соответствующее время года. Так, «ноябрь» – «*tabeiŋ qɪp*» («месяц пешей охоты с собаками», «*tab* > *tap*» – «собаки», «*-eiŋ*» – «идти, ехать»); «январь» – «*qäqɪp*» («большой месяц», «*qä-*» – «большой») или «*qä-həl'aŋ-ekŋ-qɪp*», букв. «большой месяц коротких дней») и т.п. Особое внимание уделяется зимним месяцам, так как кеты проводили их в тайге на охоте, которая была связана с большими передвижениями, со сменой стоянок, с определёнными обрядами, ублажением «дорожной старухи», с соблюдением правил охоты на медведя, на соболя, на белку, на росомуху, на лося и т.п. Месяцы весны и лета связаны у кетов с водой. Например, май – «*qudebAl' qɪp*» – «месяц нереста щуки» («*qude*» – «щука», «*bAl'*» – корень слова «*bəl'aŋ*» «отдельный, обособленный, отличающийся»). В июне кеты устраивали плотины-ловушки для рыбы, ставили летние чумы на берегу Енисея или его притоков, проводили ярмарки, встречались с родственниками, посещали священные места своего клана, праздновали летнее солнцестояние. В августе собирали лесные фрукты, ягоды, грибы, лечебные травы и корни.

Таким образом, кеты являлись носителями мезолитической культуры первобытных охотников, рыболовов и собирателей.

В кетском языке категории вида и времени настолько переплетены, что некоторые кетологи совсем отрицают наличие категории времени, оставляя только категорию вида [см., например: Валл, Канакин 1988, с. 15]. Согласно нашим исследованиям, категория времени, отсутствующая в древнейших глаголах, находится в стадии формирования с переходом кетского языка от активной типологии к номинативной.

Рассмотрим простые глаголы, которые вместе с корневыми существительными и прилагательными восходят к древнейшему пласту лексики. В семантическом плане это глаголы, перечисленные

Г.А.Климовым при анализе языков активного строя [Климов 2009, с. 85–96]. Первую группу мы относим к классному строю, когда ещё нет частей речи, а лишь первичные дейктические частицы формируют определённые лексемы [см. Поленова 2012, с. 30–42].

1. Глагол «сказать, говорить», сопровождающий чужую речь (комментатив): 1-е л. «*nima*», 2-е л. «*kuma*», 3-е л. (он) «*bada*», 3-е л. (она) «*tana*». Этот глагол не имеет ни категории времени, ни наклонения.

2. Глагол «резнуть»:

Настоящее время: «*kaja*» – «резнет его»; «*kija*» – «резнет ее»; «*kaba*» – «резнет это»;

Прошедшее время: «*kona*» – «резнул его»; «*kitna*» – «резнул ее»; «*kotna*» – «резнул это».

3. Глагол «резать»:

«*ha:s'a*» – «режу, пилю, стригу»; «*hal'a*» – «пилил, резал, стриг (я, ты, он)».

4. Глагол «есть»:

Настоящее время: «*s'i*» – «я ем», «ты ешь», «он ест» – «*s'i:l'a*»;

Прошедшее время: «я / ты / он ел»; «*s'il'a!*» – «поешь!».

Оппозиция «настоящее/прошедшее» передана с помощью первичных дейктических частиц.

В начале активного строя происходит грамматическое оформление имени и глагола. Глагольные основы получают показатели вида, но не времени.

5. Глагол «лежать»:

Настоящее время: «*di (ku-, du-, da-) to:γot*» – «я-лежу», («ты-лежишь», «он-лежит», «она лежит»), «*ta:but*» – «это лежит»;

Прошедшее время: «*toluγut*» – «я / ты / он лежал».

Этот пример свидетельствует о том, что грамматическое (субъектное) оформление глагола сначала было осуществлено в формах настоящего времени.

6. Глагол «есть/кушать» (переходный):

Настоящее время: (класс вещей) «*di (ku-, du-, da-) ba*» – «это-ем (ешь, ест)»;

Прошедшее время: «*d-(u-, d-, da-) bil'(< bil'a)*» «это-ел (ела)»;

Императив: «*il'!*» – «ешь!».

Таким образом, в эту группу вошли глаголы, структура словоформ которых трудно объяснима с точки зрения синхронного состояния кетского языка. Первый глагол, комментатив, восходит, по всей вероятности, к классному строю по схеме Г.А. Климова [см. Климов 2009, с. 291]. Вторые компоненты в структуре глагола «*nima*» представляют собой первичные дейктические частицы широкого

плана, состоящие из классного показателя и дейксиса, получившие здесь значение предикативных показателей: «-*ma*», «-*da*», «-*na*». Рассматриваемый глагол, не имея категории времени, не имеет и специальной формы императива. Императив выражает форма «*guma*», идентичная с формой 2-го лица единственного числа «*kuma (g<k)*».

Варианты других классно-предикативных показателей дают остальные глаголы первой группы. Так, глаголы 'резать', 'резнуть' имеют предикативные аффиксы для настоящего времени «-*ja*», «-*s'a*»; для прошедшего времени «-*na*», «-*l'a*».

Последний суффикс оформляет и прошедшее время глагола «есть, кушать».

В целом в представленной группе глаголов выделяются классные предикативные показатели: «-*ma*», «-*da*», «-*na*», «-*ja*», «-*s'a*», «-*l'a*», «-*s'i/-s'e*», «-*ba*» и личные предикативные аффиксы: «-*di*», «-*ku*», «-*du*» (м. кл.), «-*da*» (ж. кл.).

Глагол женского класса исторически первым был представлен личной формой. Очевидно – это конец классного и начало активного строя, когда ведущая роль женщины в роду ещё не была утрачена.

Временной план представлен чередованием дейксисов «-*a-*» : «-*o-*» в 3-м лице единственного числа мужского (активного) класса. Именно это чередование представляется первым проявлением категории времени. Форманты «-*l-*» и «-*n-*» в формах прошедшего времени демонстрируют видовое значение. Последний формант выражает необратимость наступившего состояния, предел, а формант «-*l -*» – длительность и беспредельность.

Итак, анализ структуры простых глаголов приведенных групп глаголов показал, что их словоформы сохранили следы доминативного состояния енисейских языков.

Наиболее древней представляется группа супплетивных глаголов, что типологически оправдано.

Стативные глаголы (показатели группы *D*) получили субъектные показатели вначале только в настоящем времени. Прошедшее время представляло собой бессубъектную форму.

Признаки номинативной типологии приобретают глаголы движения. Глагол «идти», как и инхоатив, дает пример первичных показателей категории времени у бывших активных глаголов: «-*a-*» – настоящее-будущее время, «-*o-*» – прошедшее, ср. *boγat'n'* 'я пойду, иду' : *boγon'* 'я пошел, шел'. Не исключено, что чередование «-*a-*» : «-*o-*» представляет собой реликт версионности: «-*a-*» («здесь, сейчас»), «-*o-*» («там, тогда, не сейчас, не здесь») [Поленова 1987].

Глаголы, имеющие чередование «-*a-*» «-*j-*» : «-*o-*» «-*l'-*», с точки

зрения современного состояния дважды выражает категорию времени.

Таким образом, формальное выражение глагольной бинарной оппозиции «настоящее / прошедшее время» восходит к противопоставлениям действия состоянию, активного действия инактивному, длительного мгновенному, совершённого несовершённого. Грамматическая категория времени, характерная для номинативной типологии языка, находится в кетском языке в стадии формирования и характерна для сложных глагольных образований.

Библиографический список

1. Валл М.Н., Канакин И.А. Категории глагола в кетском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 68 с.

2. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

3. Поленова Г.Т. Вопросы генезиса некоторых формантов кетского глагола. // ВЯ. 1987. № 4. С. 74–82.

4. Поленова Г.Т. Грамматические время и аспект как исходная бинарная оппозиция // Вопросы диахронической типологии. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2012. С. 41–46.

TEMPORALER CODE IM DIAKRONISCHEN ASPEKT (AM BEISPIEL DER KETEN UND IHRER SPRACHE)

G.T. Polenowa

*Staatliche Wirtschaftsuniversität Rostov-am-Don,
Zweigstelle «A.P. Tschchow-Institut Taganrog», Taganrog*

In diesem Artikel untersucht der Autor den Begriff der Zeit und seine Widerspiegelung in der Sprache des alten sibirischen Volkes der Ketten. Der archaische Charakter der ketischen Kultur und Sprache als Träger der mesolithischen Kultur primitiver Jäger, Fischer und Sammler wird hervorgehoben. Als Beweis werden die Daten des Kettenkalenders angegeben und die ältesten Verben beschrieben, deren Formen mit Hilfe von primären deiktischen Partikeln gebildet werden.

Schlüsselwörter: Gentilgesellschaft, isolierte Sprache, Kalender, Zeitkategorie, deiktische Partikeln, Gegenwart, Vergangenheit, aktive Sprachstruktur.

Об авторах:

Поленова Галина Тихоновна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского-на-Дону государственного экономического университета (РИНХ); e-mail: polenova@mail.ru.

УДК 81'42:379.8

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ТУРИЗМ»

М.С. Радченко

Кубанский государственный университет, Краснодар

О.П. Карбина

*Филиал Южного федерального университета в г. Геленджик,
Геленджик*

В докладе предпринята попытка рассмотреть роль категории темпоральности в качестве содержательной (концептуальной) универсалии для текстов предметной области «Туризм», при построении которых следует учитывать, что правильная семантическая организация лингвистических (вербальных) и паралингвистических (иконических) средств определяет их темпоральную структуру.

Ключевые слова: текстовая категория, концепт, туристический текст, темпоральность, паралингвистические средства.

Речевые произведения, отражая коммуникативные и когнитивные возможности человека, наиболее «близко» по сравнению с единицами языка подходят к раскрытию тайн человеческой природы, что является одной из причин несомненной актуальности текста как объекта изучения. Вслед за И.Р. Гальпериным, следует признать, что «нельзя говорить о каком-либо объекте исследования, в данном случае о тексте, не назвав его категорий» [Гальперин 1981, с. 4].

Единая точка зрения относительно понимания текстообразующих категорий текста, а также их систематизации пока составляет перспективу лингвистических исследований. Различные научные школы и исследователи выдвигают и описывают разные

категории текста, сходятся во мнении, что категории текста не совпадают с категориями предложения и возникают вместе с текстом как системой высшего ранга. Исследование категорий текста предполагает выявление названных составляющих, поскольку в современных работах по теории языка подчеркивается, что «категориальное – это наиболее обобщенное значение, которое нельзя подвести под другое» [Алефиренко 2012, с. 317].

Как известно, целесообразным считается деление категорий текста на две основные группы, структурные и содержательные. Первые представляют собой признаки его структуры, второй вид текстов, характеризующий особенности содержательной стороны, называют также концептуальными. Раскрытие концептуальной информации текста и проникновение в его глубинную структуру и есть, по нашему мнению, познание текста и его адекватное понимание.

Туризм – ёмкий концепт. Широкий диапазон разнообразных форм и видов человеческой деятельности, связанных с посещением достопримечательностей, путешествиями, определенными физическими, эмоциональными и познавательными нагрузками, характеризует это объективно существующее явление. Языковая концептуализация сущности туризма, определение его значения как лингвокультурной и социальной практики на современном этапе, должны отражаться в текстах, соответствующих этому феномену.

Тексты предметной области «Туризм» на русском и немецком языках – *объект* нашего исследования – относятся к нехудожественным текстам, обладающим определенной спецификой текстовой структуры, организацией языковых единиц и связей между ними, а также присущими им категориями. Следует отметить, что категория темпоральности, наряду с категориями локативности и модальности, считается одной из самых важных для данного вида текстов. К тому же, текстообразующие категории являются универсалиями в том плане, что представлены в связном тексте независимо от языка, на котором создан текст, а также независимо от его жанра и вида [Таюпова, Жаббарова 2013, с. 100].

Обладая жанровым многообразием, тексты туристической сферы, по сути своей, паралингвистически активны. Паралингвистические средства, представленные в них в виде иллюстраций, приобретают особую значимость, так как образуют вертикальный контекст, который по мнению О.С. Ахмановой, И.В. Гюббенет, включает в себя изучение фонового знания, то есть, социально-культурного фона, характеризующего воспринимаемую

информацию. Использование данных средств становится важным типообразующим признаком этих текстов [Ахманова, Гюббенет 2004].

Особую группу паралингвистически активных текстов составляют креолизованные тексты, состоящие из двух негомогенных частей, а именно: вербальной части, передающей информацию при помощи языковых знаков и невербальной, представляющей парасемиотические феномены, например, иконические средства, в виде схем, фотографий, а также средств других семиотических кодов (цвет, шрифт и т.д.).

Рассмотрение текстов, относящихся к сфере туризма, в качестве креолизованных, определение их «темпорального ключа» происходит на основе восприятия информации, заключённой в вербальных и невербальных знаках, познающей их личность. В данном случае иллюстрация, с присущей ей художественной и документальной фотографичностью, является неотъемлемой частью текстов этой предметной области. Но в большинстве случаев, паралингвистические средства, применяемые при создании туристических текстов, в силу своей многозначности, избыточности семантики по сравнению с вербальными, лингвистическими средствами, нуждаются в дополнительном знании, то есть, в конечном счете, в помощи слова.

Рассмотрим подробнее рекламный проспект «Führungen in Berlin und Potsdam» («Экскурсии по Берлину и Потсдаму»), где в результате детализации пространственных измерений особую роль приобретают лексемы с темпоральными значениями. К ним относятся наречия времени, существительные с предлогами и без предлогов, количественно-именные сочетания, причастные и инфинитивные обороты, придаточные предложения.

Например: «Reichstagskuppel und Quadriga - haben Sie das Logo erkannt? Sie sind die Wahrzeichen des neuen und des alten Berlin, der radikalen Moderne und der Verbindung zum Geist der griechischen Klassik. Reichstag und Brandenburger Tor, die Gebäude, die sie tragen, waren bis 1989 durch die Mauer getrennt. Über Jahrzehnte symbolisierten sie die Teilung Deutschlands und Europas. Nach dem Fall der Mauer und der Wiedervereinigung Deutschlands wurde Berlin zur größten Baustelle Europas» («Вам, конечно, знакомы купол Рейхстага и колесница на Бранденбургских воротах? Они символизируют новый и старый Берлин, с его архитектурой в стиле модерн и связью с духом, с Греческой классической архитектурой. Рейхстаг и Бранденбургские ворота, сооружения в духе этих архитектурных стилей до 1989 года, были разделены стеной. В течение десятилетий они символизировали разделение Германии и Европы. После падения стены и воссоединения

Германии Берлин становится одной из грандиознейших строительных площадок Европы»).

В данном случае вполне естественно, что такие указатели времени, как «bis 1989», «über Jahrzehnte», «nach dem Fall der Mauer und der Wiedervereinigung Deutschlands» являются своеобразными ориентирами в процессах поиска важных сведений и информации, представленных автором. Обычно после них следуют слова, несущие основную информацию. Следовательно, слова с темпоральным значением служат своеобразными организаторами логико-смыслового единства предложений, связывают эти предложения с основным смыслом текста. Например, фраза «nach dem Fall der Mauer und der Wiedervereinigung Deutschlands» является обстоятельством времени и готовит читающего к восприятию и пониманию основной мысли фрагмента о будущем современного Берлина.

В туристических текстах, созданных для сбыта определённого «туристического продукта», применение языковых средств, определяющих их темпоральную структуру, часто вызвано стремлением рекламодателя убедить потребителя в надёжности своей фирмы (отеля, турагентства) в высоком качестве предлагаемых ею услуг. Паралингвистические средства, обладающие темпоральной окраской, используются для того, чтобы сообщить, что фирма существует давно и имеет прочные традиции. Как правило, с этой целью тексты туристической сферы включает в себя изображение предметов старины, напоминающих о времени возникновения фирмы.

Так, Доринт-отель в г. Хильдесхайм (Нижняя Саксония) представляет всегда в качестве визитной карточки фотографию гостиницы, разместившейся в старинном здании бывшего монастыря, с современной мебелью и сантехникой внутри и средневековой кирпичной готикой снаружи. Вербальная характеристика «современный сити-отель в историческом сердце города» вмещает в себя, кроме характеристики современных ресторанов, конференц-залов, упоминание о том, что отель находится под защитой ЮНЕСКО как памятник старины.

На временной оси «прошлое-настоящее-будущее» иконические знаки в данном креолизованном тексте сферы туризма соотносятся с планами настоящего и прошлого, что обусловлено особенностями визуальной коммуникации, передающей в чувственных зрительных образах информацию о предметах, процессах, явлениях, уже материализованных в объективной действительности. Здесь необходимо упомянуть о таких темпоральных текстовых категориях,

как ретроспекция и проспекция, впервые введённых И.Р. Гальпериным [Гальперин 1981].

Вслед за Гальпериным более широкое толкование этих категорий предлагает Г. Вайнрих, который во временной перспективе текста выделяет нейтральную перспективу («Neutralperspektive») и различительную перспективу («Differenz-perspektive»), включающую в себя ретроспекцию («Rückperspektive») и проспекцию («Vorausperspektive»). В то время, как нейтральная перспектива отражает линейный ход событий, различительная перспектива сигнализирует о нарушении хронологического порядка событий, их сдвиге в сторону более ранних событий, обращённости в прошлое (при ретроспекции) или обращённости в будущее (при проспекции). В качестве доминирующих грамматических маркеров ретроспекции выступает плюсквамперфект (предпрошедшее время) и перфект (прошедшее завершённое), при проспекции доминирует футурум [Weinrich 1976].

Многие исследователи считают, что паралингвистические средства участвуют в создании проспективного плана текста значительно реже, чем в создании ретроспективного [Анисимова 2003]. Но по отношению к объекту нашего исследования, текстам туристической сферы, наблюдается обратное явление, так как такие тексты часто посвящены ещё нереализованным проектам. Здесь с помощью паралингвистических средств в наглядной форме проецируются действия, ожидаемые от адресата в будущем.

Приведём в качестве примера рекламу каталога известной немецкой турфирмы: «“Неккерман” сделает это возможным». Далее речь идёт о преимуществах предварительного резервирования туристических маршрутов через “Неккерман”. Футуральный план, выраженный вербальными средствами, поддерживается в тексте иконическими знаками – изображением современного самолёта с надписью 'Кондор', летящего по направлению к яркому треугольнику внизу, напоминающему приоткрытое окно, в котором видны пальма, манящая синева океана, далёкий загадочный берег.

Туристическая фирма «АИДА», рекламирующая морские путешествия, начинает свой рекламный проспект словами: «Полная мечта – заранее. Лето впечатлений с фактором счастья», «27 маршрутов, 60 целей и счастье сто раз». Здесь также вербальные средства текстов туристической сферы, служащие для создания его проспективного плана, соединяются с паралингвистическими средствами, поддерживающими темпоральную структуру текста. Это и красная палуба корабля, уносящего к далёким синим берегам

влюблённую пару, и зонтики от солнца на нижней палубе, выдержанные в жёлто-белой цветовой гамме. Краски будущего лета, корабль-символ путешествия в будущее «вписываются» во временной план вербальной части текста и поддерживают его.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что текст предметной области «Туризм», как и всякий другой текст, представляет собой более или менее сложное высказывание о действительности, в основе которого лежит суждение о предметах и явлениях действительности, о тех или иных фактах и ситуациях. Это означает, что все слова в тексте, все предложения, входящие в него, как и текст в целом, актуализированы, ориентированы в пространстве и соотнесены с обозначенным там временем.

При создании туристических текстов нужно учитывать, что темпоральная информация в них должна отвечать требованиям конкретности, точнее познавательности, наглядности, и увлекательности, чему служат как лингвистические (вербальные), так и паралингвистические (иконические) средства, образующие при правильной организации смысловое единство текста.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Теория языка. Вводный курс. М.: Изд.центр «Академия», 2012. 384 с.
2. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурной коммуникации (на материале креолизованных текстов). М.: Изд. центр «Академия», 2003. 128 с.
3. *Ахманова О.С. Гюббенет И.В.* Вертикальный контекст Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
5. *Таюпова О.И., Жаббарова Ф.У.* Категории текста как лингвистические универсалии// Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). Филология. Искусствоведение. Вып. 79. С. 98–100.
6. *Weinrich H.* Sprache in Texten. Stuttgart: Ernst Klett Verlag GmbH, 1976. 356 S.

ZEITLICHKEIT ALS KONZEPTUELLE KATEGORIE FÜR TEXTE DES FACHBEREICHES «TOURISMUS»

M.S. Radtschenko

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

O.P. Karebina

Zweigstelle der Südlichen Föderalen Universität in Gelendzhik

Im Beitrag wird ein Versuch vorgenommen, die Rolle der Zeitlichkeitskategorie als inhaltsreiche (konzeptuelle) Universalie für Texte des Fachbereiches «Tourismus» zu betrachten, bei deren Konstruktion zu berücksichtigen ist, dass die korrekte semantische Gestaltung der sprachlichen (verbalen) und paralinguistischen (ikonischen) Mittel die zeitliche Textstruktur bestimmt.

Schlüsselwörter: Textkategorie, Konzept, touristischer Text, Zeitlichkeit, paralinguistische Mittel.

Об авторах:

Радченко Мария Сергеевна – преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: maria-karebina@ya.ru.

Карбина Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры естественных и гуманитарных наук филиала Южного федерального университета в г. Геленджик; e-mail: karebina@yandex.ru.

УДК 821.112.2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» И ЕГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ)

Н.В. Скляр

Луганский государственный педагогический университет, Луганск

Тезисы представляют рассмотрение концепта «Время» в контексте его реализации в художественно-документальном

произведении. Автобиографическое произведение является специфическим материалом, который широко раскрывает внутренний мир автора, его мировоззрение. Концепт «Время» как единица языковой картины мира передает личностные и культурные особенности языка писателя.

Ключевые слова: концепт, автобиография, языковая картина мира, культурная специфика, языковая реализация.

Национально-культурная сторона реализации концепта, бесспорно, является интересной сферой для научного поиска, для выявления специфики той или иной лингвокультуры. Понятие времени обладает особой спецификой, так как находит свою особую реализацию в языке, в литературе и в культуре, потому представляет исследовательский интерес для лингвокультурологии, концептологии, литературоведения. Изображение времени в литературе открывает широкие возможности его представления через реализацию категории художественного времени, которая выступает важным композиционным компонентом любого художественного произведения.

Культура того или иного народа зависит от внешних природных и иных факторов и с давних времен формирует определенное восприятие феномена времени. В различных лингвокультурах отношение человека ко времени – это часть картины мира.

Целью прецедентной работы выступает выявление языковых средств репрезентации Времени в немецкоязычной картине мира сквозь призму его реализации в автобиографическом произведении. Такой подход несет высокую степень актуальности в развитие научной мысли в современной концептологии и лингвокультурологии. Специфика автобиографического письма как зеркало истории становления определенной личности на фоне развития исторических событий позволяет с высокой степенью вероятности показать личностно-авторское и историческое восприятие Времени, так как именно оно отражает реальные события, различно сочетает будущее, прошлое и настоящее, отражая реалии социокультурной действительности, при этом передавая авторское сознание, его картину мира.

Феномен времени связан с явлением темпорального (временного) кода культуры. «Временной код культуры – это совокупность представлений, связанных с членением временной оси на отрезки и с отношением человека ко времени» [БФСРЯ 2006]. Такие явления находят свою реализацию, прежде всего, в языковой картине мира. По

мнению В.А. Масловой и М.В. Пименовой, в основе «концептуальной модели времени, которая является базовой когнитивной структурой и отражается в языке» [Маслова 2018], лежит концептуальная метафора, рассмотрение которой с точки зрения их универсальности и специфичности позволяет выявить общие механизмы репрезентации концептов в языковых картинах внутреннего мира [Маслова 2018].

В общепринятом понимании время не стоит на месте, а проходит независимо от человека и меняет внешний и внутренний облик всего человечества. Время – это второе название жизни, и язык подтверждает это, называя при помощи отрезков времени духовные сущности [Савченко 2016]. В автобиографическом произведении такое восприятие времени будет только усиливаться, так как само повествование выстраивается по оси времени и пространства, ведь в нем можно говорить о языковой и композиционной важности времени.

Говоря о роли времени в художественном произведении, Д.С. Лихачев отмечает, что авторское представление художественного времени в произведении может быть связано с историческим временем или находиться в отрыве от исторических событий и быть замкнутым [Лихачев 2017]. В случае художественно-документальной литературы, одной из главной жанровой особенностью которой является достоверность и апеллирование к исторически точным событиям и фактам, Время уже как таковое будет Историей, которая творится на глазах автора.

Принимая во внимание именно такую трактовку, концепт «время» и был рассмотрен в автобиографии С. Цвейга «Вчерашний мир». Исходя из мнения о том, что «концепт отражается в продуктах творчества личности, а именно, текстах. Отражение мировоззрения этноса – это одна из «способностей» и одновременно задач концепта. Концепт касается этнической и языковой картин мира народа, что делает его составной частью человеческого бытия» [Ленец 2022]. Рассмотрим, с помощью каких лексем представленный концепт выражается в автобиографии.

Уже в эпиграфе австрийский писатель говорит о Времени словами Шекспира «*Begegnen wir der Zeit, wie sie uns sucht. Shakespeare. Cymbeline*» («Таковыми время встретим мы, какими нас оно застигнет. Шекспир. Цимбелин»), и далее в тексте в качестве вербальной реализации концепта «Время» наиболее частотной выступает лексема «*die Zeit*». Она не только содержит прямую коннотацию, ядро концепта – «время – общность истекающих секунд, минут, часов, дней, месяцев, лет; понятие, которое обозначает длительность и взаимное следование материальных процессов» (Цвейг 2023). Семантические свойства

концепта в произведении С. Цвейга позволяют говорить также о его символической сущности:

- время – калейдоскоп картин («die Zeit gibt die Bilder, ich spreche nur die Worte dazu» – «время само создает картины, я лишь подбираю к ним слова»);

- время – свидетель событий («Wider meinen Willen bin ich Zeuge geworden der furchtbarsten Niederlage der Vernunft und des wildesten Triumphes der Brutalität innerhalb der Chronik der Zeiten» – «Против своей воли я стал свидетелем ужасающего поражения разума и дичайшего триумфа жестокости за всю хронику времен»).

Проведенные примеры краткого концептуального анализа позволяют выстроить концептуально-метафорическую схему: ВРЕМЯ → ИСТОРИЯ, которая транслирует специфическое восприятие автором времени. Концепт «время» передает особый художественный мир автора. Выделенный концепт раскрывает главные идеи автора и символично передает специфическое понимание авторского мира.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В.Н. Телия. Москва: Аст-Пресс Книга, 2006. 784 с.

2. *Ленец А.В., Худавердиева Ю.В.* Когнитивнокультурологический аспект репрезентации концепта НЕИМАТ в литературе российских немцев // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022, № 2, С. 25–47.

3. *Лихачев Д.С.* Литература – реальность – литература. М.: АСТ, 2017. 320 с.

4. *Маслова В.А., Пименова М.В.* Коды лингвокультуры: учеб. пос., 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 180 с.

5. *Савченко Л.В.* Экспликация темпорального кода культуры во фразеологии // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2016. № 11(33). Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3933> (дата обращения: 10.04.2023).

6. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Zeit> (дата обращения: 10.04.2023).

Источники

1. *Zweig St.* Die Welt von Gestern. Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-welt-von-gestern-6858/2> (дата обращения: 10.04.2023).

DIE VERBALISIERUNG DES KONZEPTE «ZEIT» UND SEINE NATIONAL-KULTURELLEN BESONDERHEITEN (AUF DEM MATERIAL EINES DEUTSCHSPRACHIGEN AUTOBIOGRAFISCHEN WERKES)

N.V. Skljär

Lugansker Staatliche Pädagogische Universität, Lugansk

Die Thesen stellen eine Betrachtung des Konzeptes «Zeit» im Kontext seiner Realisierung in einem künstlerisch-dokumentarischen Werk dar. Ein autobiografisches Werk ist ein spezifisches Material, das die innere Welt des Autors, seine Weltanschauung, weit verbreitet. Das Konzept «Zeit» vermittelt als Einheit des Sprachbildes der Welt die persönlichen und kulturellen Besonderheiten der Sprache des Schriftstellers.

Schlüsselwörter: Konzept, Autobiographie, Sprachbild der Welt, kulturelle Besonderheiten, Sprachrealisierung.

Об авторах:

Скляр Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Луганского государственного педагогического университета; e-mail:natalieskljar@mail.ru.

УДК 81'42

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена неконвенциональным средствам передачи времени (НСПВ) в художественном тексте. Обоснована необходимость

введения понятия НСВП, рассмотрены примеры из художественных произведений различных авторов, сделан вывод о характерологической функции НСПВ в художественном тексте. На примере персонажа У. Фолкнера рассмотрено фенологическое время как один из важных способов создания и характеристики персонажей.

Ключевые слова: неконвенциональные способы передачи времени, художественный текст, фенологическое время, создание и характеристика персонажей, У. Фолкнер.

В диссертационном исследовании 1988 года [Спачиль 1988] мы предлагали разделить все средства выражения времени в художественном тексте на конвенциональные и неконвенциональные. К первым мы отнесли способы, зафиксированные в этой функции в языке – морфологические, лексические и синтаксические. Ко второй – способы передачи временной информации, которые возможны только в тексте и в этой функции в языке не зафиксированы. Чаще всего – это время, переданное через названия предметов, находящихся в жизненном пространстве героев, что характерно для эпических повествований и фольклора (снашивание сапог, сглаживание железной просфоры и т.п.), на что в свое время обратил внимание В.Б. Шкловский и назвал такое время «временем условным» или «временем предметным» [Шкловский 1969, с. 155–116]. Позже И.Р. Гальперин предложил свой термин «неустановленные единицы измерения» времени [Гальперин 2006, с. 90]. Как показало наше исследование, термин «неконвенциональные способы передачи времени» (НСВП) гораздо точнее передает суть явления, о котором пойдет речь. Во-первых, эти средства зависят от предметного мира, окружающего героев, поэтому они всегда индивидуализированы, зависят от характера героя и окказиональны, т.е. могут меняться в связи с обстоятельствами, в которые автор поместил героя, они не зафиксированы в этой функции в языке, непосредственно не относятся к общепринятым, т.е. конвенциональным или «установленным» [Гальперин 2006, с. 90] лексико-грамматическим и синтаксическим средствам, а приращение временного смысла возможно только благодаря микро- или макроконтексту художественного произведения.

Указание на время посредством НСПВ можно найти во многих произведениях литературы, независимо от жанра и времени их написания. Рассмотрим несколько примеров, намеренно взятых из разных по времени создания и национально-культурной принадлежности авторов произведений.

В первой сцене трагедии «Гамлет» есть следующий пассаж, где описано время появления призрака отца Гамлета: «Some say that ever 'gainst that season comes / Wherein our Savior's birth is celebrated, / The bird of dawning singeth all night long; / And then, they say, no spirit dares walk abroad, / The nights are wholesome, then no planets strike, / No fairy takes, nor witch has power to charm, / So hallowed and so gracious is the time» (The Oxford Shakespeare 2008, p. 153). В тексте отсутствует слово «Рождество», но дано описание этого времени: это – время, когда родился Спаситель, когда петухи поют всю ночь, время настолько святое и здоровое, что никакой нечистый дух, ведьма или колдун, появиться не могут. Для человека христианской культуры время года и точные дни появления призрака очевидны, но у современных студентов, воспитанных вне христианской культуры, возникают трудности с пониманием, в какое именно время появляется призрак. Описанные признаки рождественских праздничных дней не всегда могут опереться на фоновые знания и иногда остаются нераспознанными. Для автора описание этого промежутка времени как особенно священного важно, поскольку тем самым подчеркивается чрезвычайность появления призрака в такие дни как имеющего какой-то скрытый и важный смысл. Сакральность времени появления призрака подчеркнута набором признаков.

Следующий пример: «Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры...» (Чехов 1978, с. 43). В этой реплике Тригорина из пьесы А.П. Чехова «Чайка» время в дороге представлено чередованием привычных для поездки на поезде ситуаций – неспешных дорожных разговоров, остановок на станциях, посещений буфетов, из чего следует, что путь будет долгим и, главное, что время будет наполнено довольно пустыми и однообразными занятиями. Сам Тригорин уезжать из имения Сорина не хочет, здесь ему гораздо интереснее, поскольку он взволнован перспективой более близкого знакомства с Ниной Заречной. Передача времени через перечисление привычных для дороги занятий характеризует отношение персонажа к этой поездке, сосредотачивает внимание не на длительности, а на наполненности времени.

Часто предметом, находящимся в пространстве героев, являются сигареты. Промежуток времени, необходимый для остывания сигареты (сигары – в случае Фолкнера) или для очередной затяжки, довольно часто используется как маркер времени: «He smoked half a cigarette before he spoke» (Warren 1964, p. 149). Герой заговорил после того, как половина сигареты была уже выкурена. «Two long blasts with dissolving echoes, two short following ones, but before it came in sight his

cigar was cold again and he sat holding it in his fingers and watch the locomotive drag its string of yellow windows up the valley...» (Faulkner 1964, p. 50). Персонаж Фолкнера слышит свистки паровоза, но прежде, чем он увидел сам железнодорожный состав, его сигара уже успела остыть. Герои Уоррена и Фолкнера – простые южане, населяющие аграрный Юг США, у них нет часов, и они замечают течение времени по изменению сигар в их руках.

Следующий пример возьмем из произведения С. Довлатова. «Час назад Арчил Пирадзе вышел из дома. – Арчил, – заявила ему старуха Кеке Пирадзе, – я жду. Я переживаю, когда тебя нет. Вот смотри, я плюю на крыльцо. Пока оно сохнет, ты должен вернуться» (Довлатов 2014, с. 49). В этой цитате из рассказа «Блюз для Нателлы» промежуток времени, данного Арчилу, должен уложиться во время, необходимое для высыхания плевка. Указание на течение времени косвенно, мы понимаем, что есть некая длительность – «я жду». Действие рассказа развёртывается летом, поэтому ясно, что у Арчила несколько мгновений, но он отсутствует уже час. Способ, которым старуха указывает на это время, характеризует прежде всего саму Кеке Пирадзе, и ее взаимоотношения с Арчилом, которому безразличны ограничения, которые она на него пытается наложить.

Почти во всех примерах есть лексико-грамматическая поддержка изображения отрезка прошедшего времени. Наречия «опять», «пока», «before», «then» противостоят хаосу, организуют временной континуум, делают его упорядоченным. А НСПВ индивидуализируют восприятие времени, служат важным дополнительным средством характеристики персонажей.

Рассмотрим еще одну группу примеров использования НСПВ, которую мы назвали временем фенологическим из-за его непосредственной связи с природными процессами, чаще всего цветением каких-либо растений, созреванием плодов и т.п. Этот термин заимствован нами у Л.Н. Гумилева [Гумилев 1970, с. 146]. Изучая этногенез, ученый предлагал считать отношение народа ко времени одним из основных критериев этнической систематики [Гумилев 1970, с. 146]. Фенологический счет времени служит элементарным потребностям земледельца, скотовода, охотника. Он свойственен людям, самым тесным образом связанным с природой.

Первый пример взят из романа-эпопеи «Столица в огне» современного японского писателя Кага Отохико: «Когда я пришел в католический собор в Канде, в саду цвели сакуры» (Кага 2020, с. 181). Цвет сакуры – многозначный символ в культуре Японии, метафора возрождения, красоты, но и быстротечности человеческой жизни.

Цветение вишни обычно длится около 10 дней. Читателю понятно, что приход в христианский храм героя романа в эти дни означал, кроме того, что это была календарная весна, начало нового этапа в его жизни.

В романе У. Фолкнера «Сарторис» (1929) образ Нарциссы (обратим внимание на имя!) Бенбоу, одной из главных героинь, создан через ряд художественных сравнений и метафор, устанавливающих ассоциативную связь между Нарциссой и цветами: ее глаза цвета фиалок, лицо выражает спокойствие лилий, ее присутствие напоминает аромат жасмина. Время не в силах затянуть Нарциссу в свой бешеный поток, в ее доме бьют часы, но Нарцисса остается вне времени, текущего мутным потоком где-то рядом: «...and she had lost account of time other than as a dark unhurrying stream into which she gazed until the mesmerism of water conjured the water itself» (Faulkner 1964, p. 205). В тех местах повествования, где использована пространственно-временная либо психологическая точка зрения Нарциссы, отсутствуют традиционные (конвенциональные) указания на время суток, день, месяц, год. Смена времен года и месяцев отмечается по изменениям, происходящим в окружающей природе, в особенности по переменам в жизни цветов. О наступлении середины июня возвещает разносящийся по дому аромат жасмина, а ранние весенние цветы уже отцвели. Весна дает о себе знать теплом и ежегодной работой на клумбах: «Miss Jenny's and Isome's annual vernal altercation began, pursued its violent but harmless course in the garden beneath the window» (Faulkner, p. 286). Нарцисса принимает участие в посадке тюльпанов, вскопке клумб, освобождении роз от зимнего утепления, посылает брату первые жонкилии, а затем – первые нарциссы. Когда зацвели гладиолусы, нарцисса уже почти не выходит из дома, покидая его лишь для вечерних прогулок в саду. Позднее лето и начало осени отмечены запоздалым цветением одной единственной розы, плодоношением виргинской хурмы, изменением цвета листьев на ниссе, клёне и гикори.

Такие НСПВ, как «gladioli waiting in turn to bloom», «already the thick cables along the veranda eaves would be budding into small match-points», «When the gladioli bloomed» (Faulkner 1964, p. 281–286) и им подобные, характеризуют фенологическое восприятие времени. В романе Фолкнера фенологическое время, в котором живет Нарцисса, еще раз подчеркивает нерасторжимую связь героини с миром живой природы. Нарцисса – естественное продолжение всего, что растёт, цветёт, живёт вокруг неё, не случайно именно у нее рождается ребенок. Нарцисса – часть вечности, поэтому время для неё, если и существует, то в виде цикла, вечного круговорота.

Категория времени принадлежит к числу наиболее универсальных категорий культуры и характеризует ее сущность. В текстовых категориях времени и пространства отражается весь комплекс проблем, связанных с порождением и функционированием художественного текста. Вербализация категории времени, кроме традиционных, может также иметь неконвенциональные формы. НСПВ появляются в художественных текстах, независимо от времени их написания или национальной принадлежности автора. Их изучение не имеет пока обширной библиографии [Савина 2009], но оно, безусловно, важно и перспективно.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

2. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады Географического общества СССР. Ленинград, 1970. Вып. 15. С. 143–157. Режим доступа: https://royallib.com/book/gumilev_lev/etnos_i_kategoriya_vremeni.html (дата обращения 03.03.2023).

3. Савина А.А. О неконвенциональных способах выражения художественного времени и пространства (на материале английского регионального романа) // Вестник ЧелГУ. 2009. №17. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekonventsionalnyh-sposobah-vyrazheniya-hudozhestvennogo-vremeni-i-prostranstva-na-materiale-angliyskogo-regionalnogo-romana> (дата обращения: 02.03.2023).

4. Спачиль О.В. Художественное время в композиционно-речевой структуре южного романа США: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Одесса: Одесский гос. ун-т, 1988. 17 с.

5. Шкловский В.Б. Конвенция времени // Вопросы литературы. 1969. № 3. С. 115–127.

Источники

1. Довлатов С. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 464 с.

2. Кага О. Столица в огне. Роман-эпопея: в 3 т. Т. 3. СПб.: ИД «Гиперион», 2020. 608 с.

2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 13. М.: Наука, 1978. 520 с.

3. Faulkner W. Sartoris. New York: New American Library, 1964. 316 p.

4. The Oxford Shakespeare. Hamlet. New York: Oxford University Press, 2008. 406 p.

5. Warren R.P. Flood. A Romance of Our Time. New York: Random House, 1964. 440 p.

UNCONVENTIONAL WAYS OF REFERRING TO TIME IN LITERARY TEXTS

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to unconventional means of referring to time (UMRT) in literary texts. The paper supports the necessity of introducing the concept of UMRT, examples from literary texts, belonging to different writers explicitly show the phenomenon of UMRT. In conclusion the paper considers the characterological function of UMRT in a literary text. With one of W. Faulkner's characters phenological time is considered as one of the important ways of creating and characterizing characters.

Key words: unconventional ways of referring to time, literary text, phenological time, creation and characterization of characters, W. Faulkner.

Об авторах:

Спачиль Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: spachil.olga0@gmail.com

УДК 94:811.112.2:33

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В КНИГАХ ЖАНРА HAUSVÄTERLITERATUR XVII В. НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Г. Сулова

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург*

В статье представлены результаты исследования средств выражения значения времени, используемых в немецкоязычных руководствах по ведению домашнего и сельского хозяйства. Материалом исследования послужил календарь сельскохозяйственных

работ. В докладе рассматриваются языковые средства, отвечающие за актуализацию плана прошедшего, настоящего и будущего.

Ключевые слова: история немецкого языка, первые учебники по экономике, категория времени.

Книги, причисляемые к жанру *Hausväterliteratur*, активно издавались в Германии с середины XVI в. и до конца XVIII в. В них содержались наставления и рекомендации по ведению сельского и домашнего хозяйства, адресованные хозяевам поместий, крупным и мелким землевладельцам, и их управляющим [Lemmer 1991, S. 184]. Авторы руководств следовали античной традиции и трактовали экономику как «учение о доме», «науку о ведении домашнего хозяйства», когда хозяин, его супруга и дети, прислуга и работники жили и трудились под одной крышей, «одним домом» [Gray 2000, p. 93].

После Тридцатилетней войны торговля и товарно-денежные отношения подчинили себе хозяйственную деятельность владельцев поместий. Руководства по ведению домашнего и сельского хозяйства, проповедующие христианские этические основы хозяйственной деятельности, однако порицали стяжательство (производство ради прибыли). В них главе дома вменялось в обязанность продолжить дело предков, следуя заведенному порядку, и передать поместье своим детям. В руководствах отражалось стремление оформить и упорядочить хозяйственную деятельность человека, заключив ее в цикл сельскохозяйственного календаря, членищего временной континуум на прошлое, настоящее и будущее. Включаемые в руководства календари не являлись оригинальными и зачастую копировались авторами из ранних авторитетных руководств, из которых заимствовались текст (описание сельскохозяйственных работ по месяцам) и иллюстрации (заставки).

Классическим образцом руководства по ведению домашнего и сельского хозяйства является книга «*Fleissiges Herren-Auge, Oder Wohl-Ab- und Angeführter Haus-Halter*», первая и вторая части которой были изданы в 1690 г. и 1696 г. Ее автор иезуит Кристоф Фишер, управлявший земельными владениями Пражского университета, как и другие авторы, включил в свою книгу календарь сельскохозяйственных работ, предваряемый кратким введением, в котором рассказывается история календарей, обосновывается выбор календаря, продолжительность года в неделях, днях как период, за который Солнце проходит через двенадцать знаков Зодиака. Категория времени реализуется во введении через формы глагола, актуализирующих в повествовании план прошедшего (перфект) и настоящего

(атемпоральный презенс): «Die Juden haben ihr Jahr im Frühling angefangen...» (Fischer, 1696, S. 30); «Der Tag wird genennet und hebet sich an / von der Sonnen Aufgang / die Nacht und vom Unter- oder Niederaufgang / machen zusammen 24 Stunden...» (Fischer 1696, S. 31).

Календарь состоит из двенадцати разделов, в которых расписываются сельскохозяйственные работы по месяцам. В начале каждого раздела помещена гравюра с антропоморфным изображением месяца на фоне сельского пейзажа с работниками, занятыми тем или иным видом деятельности. Сюжеты гравюр не случайны. Изображенные на них виды работ так или иначе описываются в разделе. Вместе с тем, как показало сравнение гравюр из календаря в «*Fleissiges Herren-Auge...*» с заставками в других руководствах, за каждым месяцем закреплён канонический сюжет (катание с горы для января, карнавал для февраля, подготовка пашни для марта, прогулки на лодке для мая), который позволял узнать месяц даже при отсутствии заголовка. Гравюры-заставки имели то же значение и выполняли ту же функцию, что и имена месяцев (на латыни и немецком языке) в заголовках.

Содержание руководств составлялось путем компиляции цитат и выдержек из трудов древнегреческих и древнеримских философов Ксенофонта, Аристотеля, Катона и христианского, по большей части протестантского, учения о семье, обрамлявших производственную часть руководств, в которой содержались сведения по хлебопашеству, плодоводству, виноделию, садоводству, скотоводству, коневодству, содержанию домашней птицы, рыболовству и т.д.

Каждый раздел календаря в руководстве «*Fleissiges Herren-Auge...*» содержит экскурс в историю появления названия месяца у древних греков, римлян и германцев, оформленный с помощью глагольных форм прошедшего времени, а именно перфекта: «*Kaiser Karl der Grosse hat diesen Monat den Lenzen genennet <...> Die Cimbri, und alte Teutschen haben ihn von dem Mehren oder Vermehren genennet*» (Fischer 1696, S. 60). Подобные экскурсии представляли собой дань традиции и служили образовательным целям руководств как учебников, а также должны были развлечь читателя.

Единичные вкрапления перфектных форм являлись единственным средством, актуализирующим план прошедшего. В календаре, как и в остальных частях руководства, доминировали грамматические, лексические и синтаксические средства со значением настоящего. Превалирование настоящего времени в руководствах объясняется их принадлежностью к учебно-научному подстилю речи. Для описания сельскохозяйственных работ использовался презенс с

атемпоральной семантикой: «Gersten säet man in Weizen- oder Dinkel-Weisch / und müssen solche Aecker zuvor im Herbst umgestossen werden. Die Saat geschiehet um den Tag der Verkündigung Maria / und Palm-Tag / oder auch wohl später» (Fischer 1696, S. 62). В структуре таких фрагментов используются наречия с временными значениями, выражающими предшествование, следование и одновременность, а также наречия, усиливающие значение атемпоральности (allezeit и др.). Именно для выражения настоящего используются в руководствах придаточные предложения времени (с союзами wenn, sobald).

Для актуализации плана будущего в руководствах используются формы будущего времени: «... wozu es aber auch der allerfleißigste und erfahrenste Haushalter bringen wird» (Fischer 1696, S. 60). Также будущее время выражается модальными глаголами, в частности sollen, и придаточными с союзом damit, глаголы-сказуемые в которых оформляются формами сослагательного наклонения.

Библиографический список

1. Gray M.W. Productive Men, Reproductive Women // The Agrarian Household and the Emergence of Separate Spheres During the German Enlightenment. – New York, Oxford: Berghahn Books, 2000. Pp. 51-59.

2. Lemmer M. Haushalt und Familie aus der Sicht der Hausväterliteratur // Haushalt und Familie in Mittelalter und früher Neuzeit: Vorträge eines interdisziplinären Symposions vom 6. – 9. Juni 1990 an der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. Sigmaringen, 1991. S. 184.

Источники

1. Fischer Ch. Fleissiges Herren-Auge, Oder Wohl-Ab- und Angeführter Haus-Halter. Zweiter Theil des Land-Lebens und Wirthschafft. Nürnberg, 1696. 339 S.

REALIZATION OF THE CATEGORY OF TIME IN BOOKS OF THE HAUSVÄTERLITERATUR GENRE OF THE 17TH CENTURY IN GERMAN

E.G. Suslova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

The article includes the results of a study of the means of expressing the meaning of time used in German-language manuals for housekeeping and agriculture. The material of the study was the calendar of agricultural work. The report discusses the linguistic means responsible for updating the plan of the past, present and future.

Key words: history of the German language, the first textbooks on economics, the category of time.

Об авторах:

Суслова Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: eksuslova@yandex.ru.

УДК 811.112.2'04:929.713

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ

Е.С. Тихонова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

Статья посвящена изучению обстоятельств времени в составе устойчивых словосочетаний на материале Старшей Ливонской рифмованной хроники – источника, созданного как подражание куртуазному эпосу и использующего его стилистические средства. Рассматривается ряд устойчивых словосочетаний, учитывается вариативность их компонентов, а также функционирование обстоятельств времени.

Ключевые слова: темпоральность, обстоятельства времени, восточносредненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, историческая прагматика, устойчивые словосочетания, вариативность.

Представления о времени являются одними из основополагающих для менталитета и культуры народа. В языке они находят своё выражение в категории темпоральности, которая реализуется преимущественно в грамматических формах времени, но также может быть реализована и посредством лексических средств, таких как обстоятельства времени, которые позволяют конкретизировать указание на время [Бондарко 2001, с. 80].

Настоящий доклад посвящён изучению обстоятельств времени в составе устойчивых словосочетаний на материале Старшей Ливонской рифмованной хроники (Meyer 1973) – анонимного стихотворного источника конца XIII века, составленного на восточносредненемецком диалекте и повествующего о деятельности Немецкого ордена в ходе Балтийского крестового похода в 1143–1290 годы. Хроника существует в двух рукописях: рижской (середина XIV в.) и гейдельбергской (XV в.) и состоит из 12017 строк [Arnold 2010, S. 855].

Большинством исследователей признаётся, что данный стихотворный памятник испытал сильное влияние куртуазного эпоса [Helm, Ziesemer 1951, Fischer 1991, Arnold 2010 и др.]. При этом неоднократно отмечалось, что автор Хроники был «слабым поэтом» или даже «знатоком-начётчиком» немецкой эпической поэзии XII–XIII вв.: он перенял художественные средства эпоса, но не сумел ими воспользоваться в силу отсутствия таланта, «а применял их как готовые языковые штампы», механически нанизывая их друг на друга [Бегунов и др. 1966, с. 201]. Именно это и делает данный источник особенно интересным для изучения, поскольку позволяет проследить работу автора и увидеть, как «сделан» текст, как выстроена его поэтика: в частности, автор регулярно повторяет несколько устойчивых словосочетаний «в одинаковых метрических условиях» [Лорд 1994, с. 42] подряд или же использует одинаковые рифмы.

Устойчивые словосочетания являются, таким образом, одним из признаков стиля «Хроники». Далее будут рассматриваться такие из них, которые содержат лексические темпоральные показатели, а именно, обстоятельства времени, выраженные группой существительного или наречием:

1. Обстоятельства времени входят в достаточно частотные устойчивые словосочетания типа «*nicht lange sumete man dar nâch*» («после этого недолго бездействовали») и «*nicht lenger wart (von in)*

gebitten» («они дольше не ждали»), маркирующих быструю смену действия и переход к следующему эпизоду:

«*der bischof wart der mère vrô; // zû Rîge an den meister dô // quam er vrôlich geriten. // dô wart lenger nicht gebiten, // sie hûben sich ûf die vart // kegen Littowen wart*» (Meyer 1973, Z. 3551–56). – «Епископ был рад этим известиям. Тогда он радостно отправился в Ригу к магистру. Тогда не ждали дольше, они отправились в поход против литовцев».

2. Ещё одним близким по смыслу устойчивым словосочетанием, практически целиком состоящим из темпоральных показателей, является «*dar nach nicht lange ez geschach*» («вскоре после этого произошло то»):

«*dô er daz allez wol besach, // dar nâch unlange iz geschach, // dô wart im wol bekant, // daz dannoch in Kûrlant // die lûte waren heiden*» (Meyer 1973, Z. 2347–51). – «Когда он всё это как следует осмотрел, вскоре после этого произошло вот что: тогда ему стало известно, что в Курляндии люди всё ещё были язычниками».

Подобного рода устойчивые словосочетания, занимающие, как правило, целую строку, фактически, по своей функции сближаются с коннекторами – «неизменяемыми словами, основная функция которых состоит в связи предложений друг с другом» [Wolf 1978, S. 28], одним из которых является коннектор «*dô*» («тогда»), также играющий существенную роль в художественной организации текста «Хроники».

3. Для устойчивого словосочетания типа «*als ich (ez) ê/itzunt/vor las/habe vernomen*» («как я сейчас/прежде прочитал/услышал») характерны союз «*als*» и глагол-сказуемое в претерите или перфекте, причём глагол «*lessen*» («читать») чаще употребляется в претерите, а глагол «*vernemen*» («слышать») – почти исключительно в перфекте. Структурно такие устойчивые словосочетания выполняют одну и ту же функцию – ссылку на предшествующий текст либо акт говорения или восприятия:

«*daz her gentzlîchen quam // bie den hagen, der dâ was // gewinnen, als ich itzunt las*» (Meyer 1973, Z. 6240–42). – «Всё войско пришло к укреплению, которое было захвачено, как я только что прочитал».

4. Придаточное подлежащее предложение, вводимое союзом «*als*» («как») и представляющее собой авторский комментарий о готовности продолжать повествование: «*als ich (ûch) nû sagen sol*» («как я вам теперь должен рассказать»). В качестве глаголов-сказуемых подобных предложений выступают модальные глаголы «*soln*» («быть должным»), редко – «*weln*» или «*mûgen*» «хотеть» с инфинитивом глагола говорения «*sagen*»:

«*daz wart in gewert sider // mit gotes hulfe vil wol, // als ich ûch nû sagen sol*» (Meyer 1973, Z. 11830–32). – Это было им с тех пор с Божьей помощью предоставлено, как я сейчас вам должен сказать.

Таким образом, устойчивые словосочетания, содержащие лексические показатели времени, принадлежат к одним из частотных стилистических средств «Хроники». Представленные в них обстоятельства времени нередко десемантизированы, а сами устойчивые словосочетания являются своего рода маркерами, переключающими эпизоды, или же вставными авторскими комментариями. Обстоятельства времени в подобных примерах уточняют время действия или указывают на следование одного действия другому.

Кроме того, рассматриваемые устойчивые словосочетания обладают достаточно высокой степенью вариативности своего лексического наполнения: варьироваться в них могут практически все элементы, с лёгкостью заменяясь контекстуальными синонимами. Обилие устойчивых словосочетаний, как и взаимозаменяемость их компонентов, являются одними из характерных признаков поэтики «Хроники»: выбор многих языковых средств зависит не от их семантики, а, во многом, от рифмы и размера этого произведения.

Библиографический список

1. Бегунов Ю.К. Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л.: Наука, 1966. С. 169–240.
2. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 256 с.
3. Лорд А.Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М.: Восточная литература, 1994. 368 с.
4. Arnold U. Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. W. Stammler et al. Band 5. Berlin/New York: De Gruyter, 2010. Sp. 855–862.
5. Fischer M. «Di Himels Rote»: The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 525). Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 255 S.
6. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens (Gießener Beiträge zur deutschen Philologie 94). Gießen: Wilhelm Schmitz, 1951. 202 S.

7. Wolf N.R. Textanknüpfung und Textartenkonstitution in hochmittelalterlicher Epik (zugleich ein Beitrag zum «System» mhd. Partikeln) // *Medium Aevum deutsch: Beiträge zur deutschen Literatur des hohen und späten Mittelalters; Fs. für Kurt Ruh zum 65.Geburtstag.* Hrsg. von D. Huschenbett u.a. Tübingen, 1979. S.429–445.

Источники

1. Meyer L. Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973. 417 S.

TIME ADVERBIALS IN FIXED COLLOCATIONS IN THE LIVONIAN RHYMED CHRONICLE

E.S. Tikhonova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI», St. Petersburg

The paper considers time adverbials in fixed collocations in the Livonian Rhymed Chronicle – a text created as an imitation of chivalric epic and using its stylistic means. A number of fixed collocations is taken into account as well as variability of their components and the functioning of time adverbials.

Key words: temporality, time adverbials, East Middle German, Livonian Rhymed Chronicle, historical pragmalinguistics, fixed collocations, variability

Об авторах:

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); e-mail: e_tikhonova@yahoo.de.

THE CONCEPT OF HAPPINESS THROUGH THE LENS OF LANGUAGE AND TIME: A CROSS-LINGUISTIC CASE STUDY IN ENGLISH AND GERMAN

A.O. Toropko

Université Paris Cité, Paris

The paper deals with the concept of happiness and its linguistic implementation in English and German. The purpose of this study is to find out whether the terms «happy» and «glücklich» are putative counterparts and to identify the frequency of their use in English and German within the period from 1946 to 2015.

Key words: happiness, concept, corpus, parallel concordance, historical corpora.

It may be observed that language is often seen as a repository of culture and an instrument of expression, and culture, in its turn, as a system of values and concepts which are akin to a nation. Therefore, a concept – a mental formation that has a linguistic implementation, may be considered one of the key elements when comprehending a culture, for it also possesses both universal and national-specific features.

The concept of happiness, which gives the feeling of being fundamental and universal, in our opinion may also be an interesting tool of «deciphering» a cultural code, detecting and understanding specificities of a nation's consciousness, analysing it through language. Contrasting the concept between two lingua-cultures and looking at it in the scope of time can reveal not only national differences in its comprehension, interpretation, and translation, but also help to trace the dynamics, to find out if the concept has been apt to any changes in both cultures as time went by.

Speaking about definitions of a concept, a British linguist V. Evans depicts it as a field that possesses certain features: a sensual image, informational content, and interpretative field [Evans 2009]. Another researcher believes a concept to be a circle that consists of «the kernel» and «the periphery», with the latter being everything added by «culture, traditions and people's personal experiences» [Nemickienė 2011]. Other scholars define a concept as a special phenomenon that includes an intra- and extra-zone, as well as the additional ones – quasi-intra-zone and a quasi-extra-zone [Nerozniak 1997]. Some researchers also point out that a concept

is often associated with such terms as idea, frame, Gestalt [Croft, Cruse 2004].

Therefore, the definitions and structure of the term «concept» vary notably. Yet despite the differences in interpretation, we are still able to notice that it implies a general axiomatic category expressed verbally and intuitively understood by representatives of certain groups of people.

A researcher A. Wierzbicka, for instance, explores the concept of happiness in English, German, French and Russian, and notices, that in the course of time English happiness acquired a broader meaning and is less restricted in use nowadays [Wierzbicka 2004]. According to her, the semantic shift is explained by the fact, that the English «happy» is no longer associated with exceptional emotional state: unlike «*heureux*», «*счастливыи*», and «*glücklich*», «happy» now is seen as referring to states within everyone's reach «...» This is why one can be «*quite happy*», «*reasonably happy*», «*pretty happy*», «*not at all happy*» and so on. The author also emphasizes the translation differences, indicating that bilingual dictionaries recommend their users «not to translate happy, as for instance, “*счастливыи*”, or but to use some weaker word instead».

Our endeavour consists in conducting a similar research. We will try to answer these questions using the method of computer-based parallel and historical corpus analysis of the lexemes «happy», «glücklich», as well as their synonyms. We consider important to take variation in account, since the concept is not defined by a single term. For our research we chose such corpus tools as Sketch Engine, Google Ngram Viewer and DWDS-Zeitungskorpus.

Using the corpus tool Sketch Engine, we first conduct the parallel concordance search for the word «happy» in English and German. The 62 results show us that the term is often translated as «zufrieden» (30 hits), «glücklich» (19 hits), «froh» (13 hits). We already notice the tendency to use «zufrieden» as an appropriate translation.

Then, with the help of DWDS-Zeitungskorpus we can attempt to search the received translation options in order to trace the frequency of their use between 1946 to 2015 (Fig. 1).

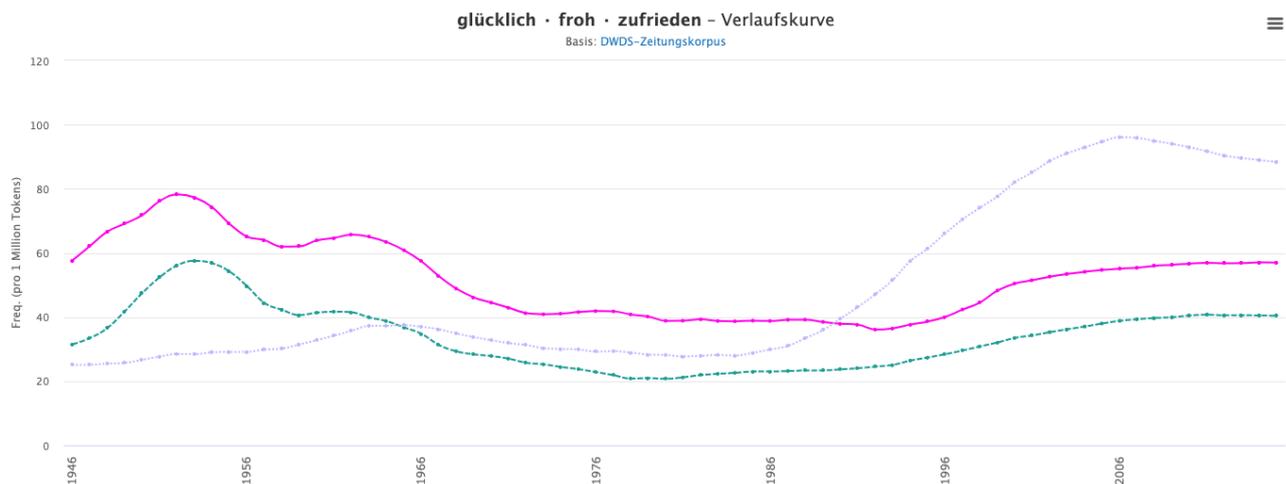

Figure 1 – Frequency of terms «zufrieden», «glücklich», «froh» in German from 1946 to 2015

We can see on the graph, that the notions «glücklich» and «froh» have similar trajectories, and their usage has been relatively stable over time, with slight increases at the end of the 20th and the start of the 21st century. It also suggests that «zufrieden» is used a lot more frequently in written German than the first two terms starting from 1990.

Now let us apply the same algorithm to complete a reverse search in a different corpus. Searching the German «glücklich» in the parallel concordances with English we are faced with the significant 20,414 results and the following translations: «happy» (20,246 hits), «fortunate» (113 hits), «joyful» (46), «gleeful» (9). As the next step, we shall check the frequency of these words on a wider time-span scale, using the Google Ngram Viewer. The results are demonstrated on the right (Fig. 2):

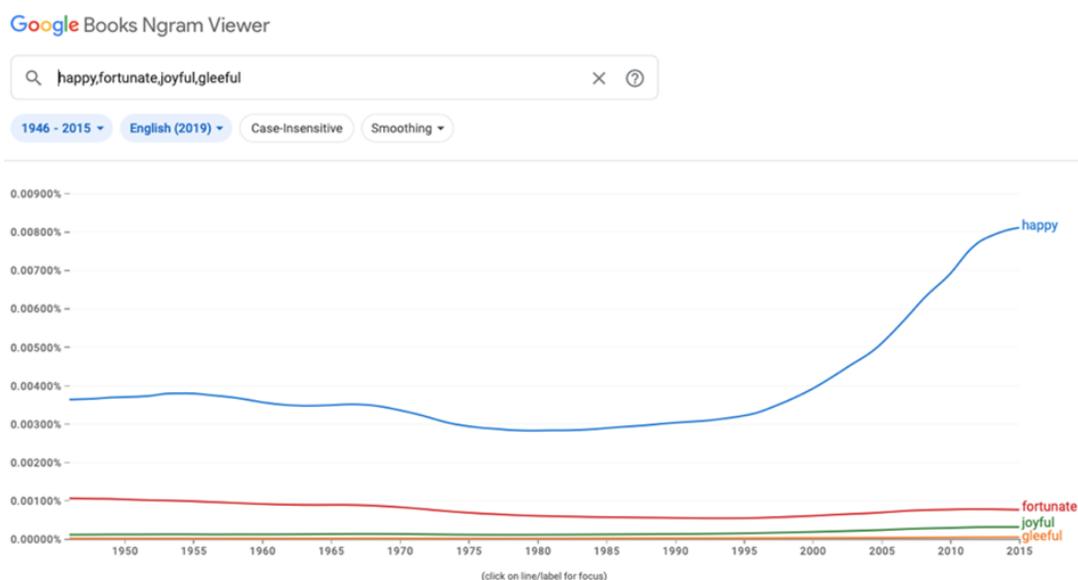

Figure 2 – Frequency Picture 1. Frequency of terms «happy», «fortunate», «joyful», «gleeful» in English from 1946 to 2015

The term «happy» proves to be more popular than «fortunate», «joyful» and «gleeful», showing a stable upward trend and being more in demand during the whole selected time period.

Therefore, we may conclude that the terms «happy» and «glücklich» are indeed not always presented as equivalents in parallel corpora. The comparison of meanings requires additional context and metalanguage, which leads to alterations in translation and usage of the terms, related to the described emotion. We may also state that the English term «happy» has less restricted meaning and could be applicable in a big range of situations. We thus believe that the vast field of fundamental human concepts is a great environment to make linguistic discoveries and understand cultures that live so closely in today's world.

Bibliography

1. *Croft W., Alan D.* Cognitive Linguistics. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
2. *Evans V.* Cognitive linguistics. Edinburgh: WIREs Cogn Sci, 2007. 234 p.
3. *Nemickiene Z.* «Concept» in Modern Linguistics: the Component of the Concept «Good». Kaunas College. 2011. p. 1-11.
4. *Nerozniak V.P.* From concept to word: to the problem of philological conceptualism // Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages. Omsk. 1998. p. 80-85.
5. *Wierzbicka A.* Happiness in cross-linguistic & cross-cultural perspective. Daedalus: Massachusetts Institute of Technology Press, 2004. p. 34-43.

Sources

1. *Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V.* The Sketch Engine: ten years on // Lexicography. 2014. p. 7-36.
2. *DWDS-Wortverlaufskurve* für «glücklich», «froh», «zufrieden», erstellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (abgerufen am 28.04.2023).
3. *Google Ngram Viewer.* URL: <http://books.google.com/ngrams/datasets> (abgerufen am 28.04.2023).

КОНЦЕПТ СЧАСТЬЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И ВРЕМЕНИ: КРОСС-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ

А.О. Торопко

Университет Париж-Сите, Париж

В статье рассматривается концепт счастья и его лингвистическая реализация в английском и немецком языках. Цель исследования – выяснить, являются ли термины «happy» и «glücklich» предполагаемыми аналогами, и выявить частоту их употребления в английском и немецком языках в период с 1946 по 2015 год.

Об авторах:

Торопко Анастасия Олеговна – аспирант лаборатории CLILLAC-ARP университета Париж Сите; e-mail: anastasiatoropko1997@gmail.com.

УДК 811.112.2

DAS DIDAKTISCHE POTENTIAL DER SERIENREIHE «DIE DEUTSCHEN» IM DAF-UNTERRICHT

D.M. Kholmogorova, L.F. Birr-Tsurkan

Staatliche Universität Sankt Petersburg, Sankt Petersburg

Im Artikel wird die Serienreihe «Die Deutschen» aus unterrichtspraktischer Sicht betrachtet. Die authentischen filmischen Materialien bieten zahlreiche Impulse für die Gestaltung des geschichtsbezogenen DaF-Unterrichts. Es werden filmspezifische Aufgabenformen vorgestellt, die für die Serienreihe «Die Deutschen» erarbeitet werden können. Die Vorschläge zur Filmdidaktisierung sollen die Lehrkräfte dabei unterstützen und ermutigen, Dokumentarfilme im DaF-Unterricht einzusetzen.

Schlüsselwörter: DaF, Lehrmedium Film, filmspezifische Übungsformen, Filmdidaktik, interkulturelles Lernen, Hör-Seh-Verstehen, Vermittlung der Geschichtskennntnisse.

«Die Deutschen» ist eine aus zwanzig Folgen bestehende Dokumentationsreihe, deren Produktion vom Zweiten Deutschen Fernsehen (ZDF) beauftragt wurde. Die Serienreihe thematisiert Schlüsselfragen aus der deutschen Geschichte und stellt verschiedene Epochen dar, die szenisch rekonstruiert werden. Im Zentrum jeder Folge steht eine hervorragende Persönlichkeit, der eine große Rolle in der deutschen Geschichte beigemessen wird. Die aufwendigen Spielszenen ermöglichen es, die historischen Ereignisse spannend darzustellen und somit die Wahrnehmung von faktischen Informationen unterhaltsam zu machen (das Konzept des Edutainments). Die Serienreihe «Die Deutschen» wurde für die SchülerInnen in Bildungseinrichtungen Deutschlands für den Geschichtsunterricht konzipiert. Der Verband der Geschichtslehrer Deutschlands bietet zu allen Folgen Arbeitsblätter für den Geschichtsunterricht in deutschen Schulen an. Diese Materialien eignen sich aber überhaupt nicht für die DaF-Lerner, die sich im Rahmen der Landeskunde mit der deutschen Geschichte befassen. Dennoch erweist sich die Serienreihe als eine gute authentische Quelle für Didaktisierung und Einsatz im DaF-Unterricht.

Die Serienreihe «Die Deutschen» ähnelt einem Dokumentarfilm mit Elementen eines Spielfilmes (allgemeinbildendes Doku-Drama) [Borries 2006, S. 49]. Dieser Filmtyp vermittelt Kenntnisse möglichst wissenschaftlich. Dennoch ist der Dokumentarfilm eine Interpretation des Vergangenen, keine Abbildung von Realität [Sperl, Öhl 2012, S.83]. Die Serienreihe gewährleistet den Blick in die Geschichte des deutschsprachigen Raums auf erklärende Art. Die Redeanteile der Experten-Historiker in Form eines geschichtlichen Hintergrundes sind geplant und fixiert, sie strukturieren die dargestellten Inhalte in einer wissenschaftlichen, mit Fachtermini geladenen Sprache. Die Geschichtsdarstellung im Film wirkt glaubwürdig und authentisch, weil das als Ergebnis einer wissenschaftlichen historischen Recherche dargelegt wird.

Nach Selektionskriterien für Hör-Seh-Texte aus der Perspektive DaF, die von Thaler entwickelt werden [Thaler 2007, S. 15], stellt der Film höhere Anforderungen an den Lernenden. Im Hör-Sehtext des Films werden viele Informationen in kurzer Zeit übermittelt, d.h. der Hör-Sehtext ist dicht genug. Dadurch wird eine höhere kognitive Belastung erzeugt. Obwohl der Film keine alltäglichen Themen berührt und die Lernenden höchstwahrscheinlich über geringes Vorwissen verfügen, kann er bei den Lernenden Interesse wecken. Es gibt keine dramatischen Widersprüche zwischen Bild und Wort, die zu einer Überforderung führen könnten. Jede Sequenz wird durch visuelle Stützung des Gesprochenen begleitet. Da es

kein didaktisches, sondern authentisches Videomaterial ist, kann die sprachliche Artikulation Schwierigkeiten hervorrufen.

Es werden mögliche Aufgaben und Ansätze für Unterrichtsphasen konzipiert, die als Model für die Didaktisierung und als Inspiration für den Einsatz der Dokumentarfilme im DaF-Unterricht zur Vermittlung von kulturhistorischem Wissen genutzt werden können. Die DaF-Lerner tauchen in die deutsche Geschichte und entwickeln anhand historischer Unterlagen ihre Sprachkenntnisse und Fertigkeiten. Die Aufgaben sind universell und können zur jeweiligen Serie angepasst werden, indem das Prinzip der Erstellung und der Ablauf der Aufgabenerfüllung bleiben.

Der Fokus der Aufgaben liegt verstärkt auf der Schulung des Hör-Seh-Verstehens – es ist eine «auf den Einsatz von Filmen und audiovisuellen Dokumenten ausgerichtete Variante des Hörverstehens» [Michler, Reimann 2016, S. 21]. Die Übungstypen führen schrittweise von rezeptiven über reproduktive und teilproduktive zu den produktiven Aufgaben, deswegen soll man sie chronologisch nacheinander erarbeiten, damit sich ein erfolgreicher Erwerb der Hörseh- und Sprechfertigkeiten vollzieht.

Damit der Prozess des Erwerbs von Hör-Sehfähigkeiten erfolgreich abläuft und die Lernenden bei der Auseinandersetzung mit historischen Ereignissen unterstützt werden, ist die Arbeit mit dem Film in drei Schritte einzuteilen: vor/bei/nach dem Anschauen, bei denen die Lernenden das Verstandene reproduzieren, die Inhalte analysieren und ihre Interpretationen wiedergeben [Saas 2007, S. 9]. Die Aufteilung in drei Aufgabenbereiche ermöglicht es, den Lernenden im schrittweisen Aufbau des Filmverständnisses Hilfe zu leisten, weil jeder Aufgabenkomplex ausführliche Erarbeitung nicht nur von sprachlichen Aspekten, sondern auch von historischen Inhalten gewährleistet.

Die Aufgaben vor dem Anschauen zielen darauf, Erwartungen der Lernenden zu wecken und eigene Hypothesen über den Verlauf des Films entwerfen zu lassen. Dieser Arbeitsschritt gewährleistet die Einstimmung auf den Film, die Einführung in seinen Inhalt, filmästhetische Vorentlastung und sprachliche Vorbereitung. Die Übungen sollen die anschließende Begegnung mit dem Hör-Seh-Text erleichtern. Vor der Bearbeitung des Videomaterials sollte das Vorwissen aufgebaut, aktiviert, spezifische Fragen sollten formuliert werden. Zur Vorentlastung der Aufnahme von Hör-Seh-Text können Assoziogramme oder Mind-Maps erstellt werden. Visuelle Reize wie Filmplakate, Titel, Standbilder, Aushangfoto, audiale Reize wie Soundtracks, Hintergrundgeräusche und audiovisuelle Reize wie Trailer gelten als Auslöser der Verarbeitungsdenkprozesse. Ausgehend davon können die Lernenden die Filmhandlung antizipieren. Die Rezipienten

werden vor dem Anschauen zum aktiven Hör-Sehen aufgefordert, um einer passiven Filmrezeption zu entgehen [Meißner 2014, S. 49].

Die Aufgaben während des Anschauens fokussieren die Aufmerksamkeit auf Handlungsablauf des Filmes und tragen zur Verständnissicherung bei. Während des Anschauens werden die vor dem Hör-Sehen angestellten Hypothesen überprüft. Beim Anschauen können Notizen zu Hauptfiguren/Handlungen/Dialogen gemacht werden, die weiter zur Bearbeitung der Inhalte behilflich sind. Auf diesem Schritt verdient besondere Beachtung die Erschließung von allen Informationslücken in Abhängigkeit von Hör-Seh-Absicht (global, selektiv, detailliert) [Thaler 2007, S. 14]. Zu den Aktivitäten mit verschiedenen Hör-Seh-Absichten beim Anschauen gehören alle Verständnisübungen, wie Richtig/Falsch Aussagen, Multiple-Choice, offene Fragen zum Inhalt. Außerdem kann von der Lehrkraft vorgeschlagen werden, verschiedene Beobachtungsaufgaben zu bearbeiten (z.B. die Wirkung der filmästhetischen Mittel zu rezipieren und bewerten), Filmprotokoll zu erstellen (eine Filmszene in groben Zügen tabellarisch zu dokumentieren), Filmende zu antizipieren (den Film am Wendepunkt zu stoppen und eine mögliche Weiterentwicklung der Geschichte zu fantasieren), Filmhandlung zu restaurieren (nach dem Anschauen von einer Filmsequenz sollte die Lehrkraft das Ende des Filmes zeigen und in der Gruppe wird besprochen, wie es zum dargestellten Ergebnis kommen könnte), Untertitelung zu überprüfen (Untertitel mit der gesprochenen Rede zu vergleichen und präzise Wiedergabe des Gesagten zu erstellen) [Anders, Staiger 2019, S. 42].

Die abschließenden Aufgaben nach dem Anschauen ermöglichen eine gründliche Erarbeitung des Wortschatzes und beinhalten produktive sprachliche Aktivitäten zum Gesehenen und Gehörten, die die Lernenden auf Kommunikationssituationen bezüglich Geschichte vorbereiten. Nach dem Anschauen der Filme geht es um das Wiedergeben und Strukturieren der wahrgenommenen Informationen, um das Beantworten der Leitfragen, um eine Diskussion von Inhalten und Machart, um Rollenspiel oder Eigenproduktion. Dabei realisiert sich Integration und Festigung des erworbenen Wissens, Entwicklung von rezeptiven und produktiven Sprachfertigkeiten [Chudak 2012, S. 97]. Dazu gehören Wortschatzübung, Erstellung von mündlichen Minidialogen zu Szenen des Filmes (mündliche Rekonstruktion mit sprachlichen Hilfen, z. B. mit Wortschatzlisten und keinen vollständigen Sätzen, die abgelesen werden), Nacherzählung der Filmhandlung, Rollenspiele, Diskussion mit Argumentation und Begründung, Perspektivenwechsel, Verfassen einer Zeitungsmeldung/eines Blogs/ Briefs, Erstellung einer Filmrezension, eines Leserbriefs zum Film, Verfassen von einer Vorgeschichte oder Biografie

einer Figur, Stellungnahme zu zentralen Aussagen des Filmes oder zu doppeldeutigen/irritierenden Szenen. Die Übungen können auch wie folgt gestaltet werden: Filmausschnitte sortieren (Standbilder oder Filmclips in die richtige Reihenfolge bringen), Hauptrollen mit Hilfe von Charakterprofilen inszenieren, Filmhandlung adaptieren, Filmplakat anfertigen, Trailer/Filmszene vertonen/drehen.

Die Serienreihe «Die Deutschen» eignet sich für den Einsatz in DaF-Landeskundeunterricht, um historische Inhalte einzuleiten, zu vertiefen und darauf basierend Hör-Sehfähigkeiten zu entwickeln. Der grundlegende Verlauf der Handlung, die Beziehungen zwischen den Hauptfiguren und der Konflikt des Filmes sind grundsätzlich problemlos nachzuvollziehen. Das Zusammenspiel von visueller und auditiver Ebene macht den Film für den Lernprozess attraktiv. Der Film ist aus didaktisch-methodischer Sicht beachtenswert, weil er viele prägnante interkulturelle Aspekte enthält, die im Unterricht vermittelt werden können.

Literaturverzeichnis

1. *Anders P., Staiger M.* Einführung in die Filmdidaktik: Kino, Fernsehen, Video, Internet. Berlin: Metzler, 2019, 293 S.

2. *Borries B.* Arbeit mit «Dokumentarfilmen» als Erwerb «Historischer Kompetenz» // Geschichte im Film. Beiträge zur Förderung historischer Kompetenz. Neuried, 2006, S. 46–62.

3. *Chudak S.* Lernstrategien im Umgang mit Hör-Seh-Texten. Versuch einer Übersicht // Glottodidactica 39 (2), 2012, S. 87–101.

4. *Meißner F.-J.* Hör- und Hörsehverstehen fördern, messen, prüfen // Hör- und Hörsehverstehen fördern und prüfen, Akten des GMF-Sprachentages. Aachen, 2014, S. 16–62.

5. *Michler C., Reimann D.* Sehverstehen in Fremdsprachenunterricht. Romanistische Fremdsprachenforschung und Unterrichtsentwicklung Band 3. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016, 446 S.

6. *Saas A.* Filme im Unterricht – Sehend(d) lernen // Fremdsprache Deutsch. Sehen(d) lernen. Heft 36, München: Hueber, 2007, S. 5–13.

7. *Sperl A., Öhl F.* Geschichtsdarstellung im Film – ein Beitrag zur Mediendidaktik // Fachdidaktik Geschichte, Sozialkunde und Politische Bildung: Modelle, Texte, Beispiele. Wien: new academic press, 2012, S. 82–89.

8. *Thaler E.* Schulung des Hör-Seh-Verstehens, Praxis Fremdsprachenunterricht 4, Marburg: Informationszentrum für Fremdsprachenforschung, 2007, S.12–17.

Quellen

1. ZDF-Mediathek (o.J.). Serien- und Filmangebot des öffentlich-rechtlichen Zweiten Deutschen Fernsehens. URL: www.zdf.de. (20.02.2023).

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕРИАЛА «DIE DEUTSCHEN» НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Д.М. Холмогорова, Л.Ф. Бирр-Цуркан

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

В статье рассматривается дидактический потенциал сериала «Die Deutschen». Аутентичные материалы фильма дают множество импульсов для разработки уроков по немецкому языку как иностранному с опорой на историю. Представлены специфические формы заданий, которые могут быть разработаны для сериала «Die Deutschen». Предложения по дидактизации фильмов призваны поддержать и стимулировать учителей к использованию документальных фильмов на уроках немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: немецкий язык как иностранный, фильм как средство обучения, дидактизация фильмов, межкультурное обучение, аудиально-визуальное восприятие, передача знаний по истории.

Об авторах:

Холмогорова Дарья Максимовна – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: kholmogorova.dasha.98@gmail.com.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru.

БЫСТРОТЕЧНОЕ И ВЕЧНОЕ В ДРАМЕ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «ГЛУПЕЦ И СМЕРТЬ»

Ю.Л. Цветков

Ивановский государственный университет, Иваново

В драме начинающего австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофмансталя (1874–1929) «Глупец и Смерть» (1893) понятия быстротечного и вечного возникают в процессе суда аллегорического образа Смерти над эстетскими ценностями молодого человека Клаудио, прошедшего мимо жизни. Свободно распоряжаясь временем, «дионисийская» Смерть «воскрешает» его утраченные чувства любви и дружбы, представляя глупца мудрецом.

Ключевые слова: венский модерн, символизм, дионисийское начало, быстротечное и вечное, Гуго фон Гофмансталь, драма «Глупец и Смерть».

Символистская драма молодого Гофмансталя «Глупец и Смерть» создавалась с использованием барочных традиций австрийского театра, в котором присутствие образа Смерти (скелет со скрипкой и смычком в руках) в роли вершителя судеб персонажей и эпизоды «воскрешения прошлого» на глазах у зрителей свидетельствуют о христианской трактовке смерти: «Смерть как средоточие негации поселяется *вне*, за пределами Ойкумены (в чертогах смерти – Аиде), и одновременно смерть (не в *собственном* смысле, а в *теологически-снятом* виде) поселяется *внутри* человека, как зерно, дающее всходы (и взыскующее обязательной жертвенной жатвы)» [Гагарин 1999, с. 368].

Образ Смерти в драме Гофмансталя имеет «смысл неизбежной расплаты за уход Клаудио от жизни в поисках нового, особенного и утончённого наслаждения. Сознательно пренебрегая жизнью, главный герой в своём ослеплении заглядывает в царство Смерти, и она вершит свой праведный суд над ним, указывая на пагубность эстетизма и отдалённости от жизни» [Цветков 2003, с. 331]. Интересно, каким образом Смерть в драме воздействует на глупца Клаудио, ведущего эстетский образ жизни:

<p>«DER TOD: Ich bin nicht schauerlich, bin kein Gerippe! Aus des Dionysos, der Venus Sippe, Ein großer Gott der Seele steht vor dir. Wenn in der lauen Sommerabendfeier Durch goldne Luft ein Blatt herabgeschwebt, Hat dich mein Wehen angeschauert, Das traumhaft um die reifen Dinge webt; Wenn Überschwellen der Gefühle Mit warmer Flut die Seele zitternd füllte, Wenn sich im plötzlichen Durchzucken Das Ungeheure als verwandt enthüllte, Und du, hingebend dich im großen Reigen, Die Welt empfindest als dein eigen: In jeder wahrhaft großen Stunde, Die schauen deine Erdenform gemacht, Hab ich dich angerührt im Seelengrunde Mit heiliger, geheimnisvoller Macht» (Hofmansthal 1986, S. 288–289).</p>	<p>«СМЕРТЬ: Я не скелет, как мыслят суеверы. Знай – пред тобою божество души, Великий родич Вакха и Венеры. Я реял вокруг тебя, когда порханьем Опавшего листка ты был прельщён: Так овеивается моим дыханьем Всё, что созрело, всё, чей путь свершён. И если чувств безудержным порывом Захлёстывал тебя сердечный шквал, И если ты в прозрении счастливым В обыденном безмерность постигал И, слившись с хороводом бытия, Вдруг понимал, что вся земля – твоя, Во всякий час великий, роковой, Когда не сладить с бьющей тело дрожью, – Знай: властною, незримою рукой Я душу вечную твою тревожу» (Гофмансталь 1995, с. 75–76).</p>
--	--

В словах Смерти необходимо выделить два важных аспекта. Во-первых, Смерть приносит традиционное известие об окончании жизни персонажа: она в роли «жнеца» собирает свой «урожай». Застигнутый Смертью молодой Клаудио ощущает «страх» и «дрожь», поскольку завершается его земное существование. Во-вторых, Смерть лишает Клаудио не только земной жизни, но одновременно делает его причастным ко всему, что происходит в ней. Под воздействием Смерти Клаудио познаёт своё родство с «великим хороводом» жизни. Поэтому

Смерть является одновременно посланником того пространства, которое Клаудио называет жизнью. В финале драмы Клаудио произнесёт: «И стань мне жизнью, Смерть, коль жизнь была мертва!» (Гофмансталь 1995, с. 85). То пространство, в которое уводит Смерть Клаудио, становится «потусторонним».

В самохарактеристике Смерти можно увидеть указание на философское утверждение, что Смерть принадлежит к «роду Вакха» (Диониса) и «Венеры» (Афродиты). Учитывая, какую важную роль сыграла философия Ф. Ницше в молодые годы Гофмансталя, можно предположить, что «дионисийское начало» возникает в философской прозе Ницше, в «Рождении трагедии из духа музыки» (1872). С этой книгой венский поэт был хорошо знаком: «Чары Диониса не только обновляют союз человека с человеком, но и зовут природу, отчуждённую, враждебную или порабощённую, на праздник примирения с людьми, своими блудными сыновьями» [Ницше 1993, с. 139]. В дионисийском начале Ницше подчёркивает *жизнелюбие* как главное качество человека, поскольку суть дионисийства – опьянение, свойственное всем народам, когда «под мощным влиянием наступающей весны дионисийские порывы пробуждаются, крепнут и оттесняют все личные чувства, доводя их до полного самоуничтожения» [Там же].

Ницше приводит далее пример из книги Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1819) о том, что человек может потерять «доверие ко всем формам познания явлений» [Там же]. При этом человека охватывает «чудовищный ужас», поскольку он не стоит в потоке жизни. Точно в такой же ситуации оказывается Клаудио, а «дионисийская» по своему духу Смерть доказывает ему истинные ценности, «воскрешая» на сцене образы умерших людей: Матери, Возлюбленной и Друга. Смерть явилась к эстету Клаудио вершить суд над его нарциссической изоляцией от мира, в котором для него не было близких и родных людей. Из «воскрешённых сцен» становится ясно, что Мать умерла по причине ухода Клаудио из дома. Возлюбленная покончила с собой, потому что Клаудио бросил её. Друга юности Клаудио убил на дуэли. Традиционных социальных и нравственных качеств Клаудио был лишен. В начальном монологе Клаудио рассказывает о своём одиночестве при создании поэтических экфрасисов – переводе «красоты» пластики и художественных полотен в словесную ткань, что представлялось ему единственной целью в жизни. Он был действительно лишён взаимопонимания, чувства любви и дружбы и прозван глупцом. Появление Смерти перед Клаудио

приводит его к открытию преходящих и вечных жизненных ценностей и смыслов.

Кроме того, жизнь Клаудио проходила в социальном «вакууме», поскольку человеческие отношения не имели для него смысла. В минуты озарения перед образом Смерти этот вакуум заполняется мистическим чувством *всеобщего родства всего со всем* в реальном «хороводе бытия» и чувством *общности со своими предками*. Возвращение Клаудио в реальный жизненный космос и осознание смены поколений возможны только после того, как он под воздействием Смерти впервые «пережил» чувства любви и дружбы к «воскрешённым персонажам». При этом важен *временной аспект*: Клаудио обретает наивность, утраченную в искусственном мире эстета. Он обретает настоящее время и избавляется от власти прошлого. Клаудио осознает себя на границе прошлого и будущего, разрушая универсальные категории красоты. Он впервые понимает *быстротечность* жизни и *вечную* силу человеческих чувств любви и верности, оставшиеся нереализованными в прошлом.

Гофмансталь писал в одном из писем: в драме «Глупец и Смерть» речь шла о разрешении «двух антиномий: скоротечности и длительности, одиночества и общительности. Без веры в вечность невозможна действительная жизнь» [Hofmannsthal-Redlich 1971, S. 228]. Образ Смерти в драме наделён магической способностью распоряжаться временем, ускоряя его или замедляя до вечности. Хронотоп пьесы подвижен в зависимости от условий *игры со временем*, которую демонстрирует Смерть. С одной стороны, она внушает Клаудио недостающий аспект его «мёртвой жизни» – *быстротечность* в пространстве его бытия. С другой, чувственная глухота глупца Клаудио трансформируется Смертью в познание *вечных* истин в его общении с близкими людьми в момент ухода из земной жизни. Его разумное стремление к познанию «непрожитой жизни» выдаёт в нём настоящего *искателя истины*, и Смерть наделяет глупца Клаудио другим важным качеством – мудростью: «В смертный час Клаудио вновь «прожил» жизнь в воспоминании, прозрев сознанием и чувствами «настоящую» жизнь. *Жизнь в смерти* – это особый драматический приём, способствующий преодолению дистанции между главным героем и жизнью» [Цветков 2003, с. 333].

В оценке эстетской жизни Клаудио ясно звучит *авторская ирония*: отсутствие какой-либо высокой идеи, эгоизм, саморефлексия и культ абсолютной красоты. Однако, как и в ранней новелле Томаса Манна «Тонио Крёгер» (1903), у Клаудио присутствует тоска по простым радостям жизни, недоступным в полной мере поэту-эстету. Приобщить

Клаудио к ним и призвана «дионисийская» Смерть, появляющаяся под звуки скрипки на сцене. Она становится символом пробуждения главного героя к жизни, символом двоемирия и символом мудрости. Свободно распоряжаясь *временем преходящим и вечным*, образ Смерти поднимает пьесу на высокую ступень философского обобщения и абстракции. Клаудио в концовке драмы умирает: «*Падает мёртвым к ногам Смерти*» (Гофмансталь 1995, с. 85).

«СМЕРТЬ (*медленно отступает, качая головой*):

Как непонятны эти существа,
Что облачают несказанное в слова,
Распутывают вязь противоречий,
В непостижимом уловляют суть
И в бесконечной тьме находят верный путь!» (Там же).

В последней ремарке драмы зритель видит, как Клаудио пересекает границу мира реального и потустороннего. Клаудио раздваивается на два персонажа: земного Клаудио и его призрачную фигуру: «*В комнате тишина. Видно, как за окном проходит Смерть, играя на скрипке; следом – Мать, Девушка, а затем фигура, чем-то напоминающая Клаудио*» (Там же). Финал драмы оставляет впечатление загадочности, свидетельствующей о начитанности юного драматурга, прежде всего в «малых драмах» бельгийского драматурга-символиста Мориса Метерлинка, драму которого «Слепые» (1890) юный Гофмансталь перевёл с французского языка для частной постановки в Вене (1892). Невидимая Смерть у Метерлинка получила у Гофмансталя конкретные очертания и магическую силу власти над временем.

Библиографический список

1. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх: от античности до Нового времени. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 372 с.
2. Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза / пер. с нем. СПб.: Художественная литература, 1993. 672 с.
3. Цветков Ю.Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. 432 с.
4. Hofmannstal H. von. – Redlich J. Briefwechsel. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1971. 260 S.

Источники

1. *Hofmannsthal H. von. Der Tor und der Tod // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I. 1891–1898. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 279–298.*

2. *Гофмансталь Г. фон. Глупец и Смерть // Гофмансталь Г. фон. Избранное: драмы, проза, стихотворения / пер. с нем Е. Баевской. М.: Искусство, 1995. С. 65–85.*

VERGÄNGLICHKEIT UND EWIGKEIT IN HUGO VON HOFMANNSTHALS DRAMA «DER TOR UND DER TOD»

Ju. L. Tsvetkov

Staatliche Ivanovo-Universität, Ivanovo

Im Drama des jungen österreichischen Dichters und Dramatikers Hugo von Hofmannsthal (1874–1929) «Der Tor und der Tod» (1893) entstehen die Begriffe der Vergänglichkeit und Ewigkeit im Gerichtsprozess der allegorischen Figur des Todes über die ästhetischen Werte des jungen Mannes Claudio, der am Leben vorbeigegangen ist. Der «dionysische» Tod, der frei über die Zeit verfügt, «belebt» seine verlorenen Gefühle von Liebe und Freundschaft, indem er den Toren als Weisen darstellt.

Schlüsselwörter: die Wiener Moderne, Symbolismus, dionysische Kraft, Vergänglichkeit und Ewigkeit, Hugo von Hofmannsthal, Drama «Der Tor und der Tod».

Об авторах:

Цветков Юрий Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета; e-mail: jzvetkow@mail.ru.

DIE KATEGORIE DER ZEIT IN DEN WERKEN VON ISHAK MASCHBASCH

Z.I. Chale

Staatliche Kuban-Universität, Krasnodar

In diesem Artikel wird die Kategorie der Zeit in den Werken des adygischen Schriftstellers Ishak Maschbasch analysiert, der in seinen Romanen geschickt die historische Zeit mit der gegenwärtigen Zeit verbindet. Die Untrennbarkeit von Epochen und Generationen sowie die Einheit der von Generation zu Generation weitergegebenen Werte sind in seinen Büchern untrennbar präsent.

Schlüsselwörter: die Zeit, die Geschichte, die Natur, der Krieg, die Zukunft.

Die Zeit verwandelt uns
nicht, sie entfaltet uns nur.

Max Frisch

Die Zeit spielt in unserem Leben eine der wichtigsten Rollen. Die Zeit ist allgegenwärtig. Sie gibt uns Möglichkeit, alles zu beschreiben und zu verdeutlichen: die Geschichte, die Vergangenheit, die Zukunft, die Lebenszeit, die innere Leere, verschiedene Abläufe, die Langeweile usw. Alle diese Ereignisse und Zustände lassen sich mit der «Zeit» beschreiben und messen. So kann behauptet werden, dass sogar die größten Themen des Lebens von der Kategorie der Zeit umfasst werden.

In der zeitgenössischen Literatur hilft die Kategorie der Zeit, zeitlose Themen wie das Verständnis der Vergangenheit, der Gegenwart und der Zukunft zu beschreiben.

Ishak Maschbasch ist einer der Schriftsteller, die in ihren Werken versuchen, eine Zeitlinie zu schaffen, die verschiedene Epochen miteinander verbindet. Der Schriftsteller verbindet stets das nationale Element mit der Moderne und zeigt so die Untrennbarkeit von Vergangenheit und Zukunft.

Im Werk «Donner im Gebirge» porträtiert Maschbasch Dorfbewohner, die sich traditionelle Lebensweisen und Charaktereigenschaften bewahrt haben, die von Generation zu Generation weitergegeben wurden: Geistesstärke, Stolz, Ehrlichkeit... Erstaunlicherweise ist all dies untrennbar

mit der Psychologie des 20. Jahrhunderts verbunden. Die Helden des Werks sind stark im Geist und ihren Wurzeln treu. Der Krieg bringt Elend, Trauer und Tränen in die Heimat jedes von ihnen, aber die Hoffnung auf die Zukunft ist in diesen starken Menschen unerschütterlich. Sie lassen nicht zu, dass der Krieg ihre Seelen verwüstet, und sie hören auch nicht auf, an die Zukunft zu glauben. Dabei helfen ihnen die moralischen Qualitäten, die sie im Laufe der Jahrhunderte entwickelt haben, indem sie die Eigenheiten der verschiedenen Epochen aufnehmen, aber die wichtigsten Tugenden ihrer Vorfahren bewahren [Панеш 1990]. Ishak Maschbasch demonstriert die Untrennbarkeit der Zeit, verbindet geschickt Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft in jeder Figur und macht sie zur Ewigkeit.

Aber nicht nur durch die Helden des Werks wird die Kontinuität der Zeit vermittelt, sondern auch durch die Phänomene der Natur. Maschbasch verwendet in seinem Gedicht phantasievolle Naturmetaphern, die den Hauptgedanken des gesamten Werkes vermitteln. Der durchschlagende Donner am Ende des Werks lässt den Blick auf die Natur richten und das wahrnehmen, was vorher für das Auge unsichtbar war.

«Ein gleißender Blitz und ein fernes Donnern rollten über das Land. In einer Pause der düsteren Wolken erschien für einen Moment die Sonne mit einem wolkenverhangenen Gesicht» (Блеснула ослепительная молния, над землей прокатился отдаленный рокот грома. В разрыве мрачных туч на миг появилось какое-то мутнолицее солнце) (Машбаш 2001).

Der Donner symbolisiert den Beginn von etwas Neuem, macht es aber auch unmöglich, die Vergangenheit zu vergessen – das durch den Krieg verursachte Leid. Es ist ein Leid, das in der Erinnerung aller Vorfahren noch Jahrhunderte weiterleben und nie vergessen werden wird.

Die Kategorie der Zeit und des Menschen, der sich verändert und gleichzeitig in seinen moralischen Grundsätzen und Überzeugungen unverändert bleibt, beschreibt Maschbasch auch in seinem großen Roman «Der Mühlstein». In diesem Roman entwirft der Autor ein ganzes Bild der Geschichte des Volkes, seiner Lebensphilosophie und seines schweren Schicksals. Die Tragödie des adygischen Volkes, das in den grausamen Mühlsteinen der Geschichte und Zeit gefangen ist und durch den Willen des Schicksals über die ganze Welt verstreut wurde, wird zutiefst enthüllt [Цей 2009].

Der Subkontext der Natur wird erneut zum Hintergrund, mit dem es dem Autor gelingt, das Ewige und das Moderne darzustellen. Die historische Zeit, vor deren Hintergrund sich die Ereignisse abspielen, ist der Kaukasische Krieg. Dieser Hintergrund umfasst andere, zeitlich und geografisch begrenztere Ereignisse, die die Schicksale der Protagonisten

zum gegebenen Zeitpunkt und am gegebenen Ort darstellen [Шаззо 2007]. Diese beiden Zeitlinien, die nebeneinander bestehen und auch getrennt voneinander existieren, überschneiden sich ständig und bestimmen sich gegenseitig. Die Abfolge der Ereignisse im Roman wird von einer ständigen Beschreibung der wechselnden Jahreszeiten begleitet. Maschbasch verbindet die Linie der Natur und die Linie der Geschichte miteinander. Nach Т.М. Stepanova «...ist die Darstellung der Natur untrennbar mit der Handlung der Ereignisse verbunden» [Степанова 2012].

In diesen und anderen Werken von Ishak Maschbasch wird die Zeitkategorie immer in kritischen Momenten dargestellt, wenn die historisch etablierte Zeit in eine «neue Zeit» mit neuen Konzepten übergeht, die Werte und die moralischen Ideale der Menschen jedoch unverändert bleiben, wodurch die untrennbare Verbindung zwischen den Generationen demonstriert wird.

Библиографический список

1. Панеш У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп: Адыгея, 1990. 279 с.

2. Степанова Т.М., Зухба С.Л., Лихачев Д.С. о фольклорной модели мира в древнерусской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 97–103.

3. Цей Б.А. Художественное осмысление нравственно-философских проблем в адыгской исторической прозе последнего десятилетия XX века (И. Машбаш «Жернова», М. Кандур «Кавказ»): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 149 с.

4. Шаззо К.Г., Шаззо-Ергук Ш.Е. В художественном мире Исхака Машбаша. Майкоп, 2007. 487 с.

Источники

1. Машбаш И.Ш. Жернова: роман. Майкоп: Адыгея, 1993. 635 с.
2. Машбаш И.Ш. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2001. 704 с.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСХАКА МАШБАША

З.И. Чале

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье анализируется категория времени в произведениях адыгского писателя Исхака Машбаша, который в своих трудах умело соединяет всегда время историческое с временем настоящим. Связь времен и поколений, единство передаваемых из поколения в поколение ценностей представлены в произведениях автора в неразрывном тендеме.

Ключевые слова: время, история, природа, война, будущее.

Об авторах:

Чале Зарема Инверовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: zarema_ch_555@mail.ru.

УДК 81'42

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ РЭП-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Е.С. Червякова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данные тезисы посвящены исследованию в области темпорального кода культуры и его реализации в текстах американских и отечественных рэп-музыкантов. Путем сплошной выборки отбираются рэп-тексты, содержащие компонент «время»/«time» и отслеживается изменение его коннотации и функциональное применение в рамках определенной субкультуры.

Ключевые слова: рэп-текст, субкультура, концепт, хип-хоп, жанры.

В лингвокультурологии как и в этнолингвистике восприятие культуры происходит через понятие кода/кодификации. Так можно выделить среди концептуальных темпоральный, представляющий

образы, посредством обозначения времени. При этом временный код культуры можно рассматривать как совокупность представлений, связанных с членением временной оси на отрезки и отношение человека ко времени. Категория времени воспринимается в западной и отечественной культуре согласно делению по объемности: большие промежутки времени, такие как годы, месяцы; небольшие отрезки времени, к примеру, час и минута. Рассматривая культурные коды, мы можем говорить о тех, которые воспринимаются как базовые: пространственные, временные, предметные [Красных 2001]. Все коды культуры взаимодействуют и влияют друг на друга. В сознании человека время и пространство неразрывно связаны, что отражается в языковой реализации. В частности время может отражаться в языке как нечто цикличное или как нечто линейное, а может выступать в качестве ценной вещи или объекта измерения.

В современных текстах русских исполнителей мы можем наблюдать выражения с отрицательной коннотацией, например, как «последний час», «время на исходе», «последнее время». Однако, не менее часто можно встретить и позитивное отношение к данной категории культурного кода. В частности, в песне Василия Вакуленко ака Баста «Мое время в пути» мы можем видеть такие строчки, как «... время успехов, время самой высокой волны. Время тяжёлых побед...». Рассматривая творчество данного исполнителя, мы можем заметить, что категория времени чаще всего ассоциируется с чем-то негативным.

«Время догонит нас, время догонит нас

Время догонит нас, время догонит нас

Выключит свет, заберет мой час

Мой последний час, мой последний час...» (Баста).

В данном произведении «Время догонит нас» можно увидеть, что концепт «время» имеет специфическое наполнение и значение, поскольку он отражает не только тему социального характера, но и выражает философское осмысление современной жизни и времени.

Различные показатели времени у отечественных исполнителей чаще всего используются с глаголами «*тратить*», «*терять*» и могут встречаться в выражениях: «*время от времени*», «*до поры до времени*», а может существовать непосредственно как единица измерения: «*год*», «*час*», «*минута*», «*вечность*».

Зачастую исполнители апеллируют к вневременному миру, миру, имеющему атрибут вечности. Так в песне Алексея Долматова ака Гуф «Сегодня – завтра» мы слышим строчки «... Наступит то самое бесконечное одиночество... Ведь сегодня – завтра будет вчера, а еще вчера-сегодня было завтра...» (Гуф). При этом сам компонент в данном

контексте используется не как единица времени. Само слово может восприниматься нейтрально, в отличие от вечности, носящее аксиологический характер, зачастую воспринимаемое как нечто отрицательное.

При этом в творчестве американских исполнителей мы видим такой компонент как «time» или «times» в значении «эпоха». Анализируя тексты западных артистов, мы можем вычленим как положительное, так отрицательное отношение к концепту «время». К первым относятся тексты Gucci Mane и Snoop Dogg. В песне Рэдрика Дэвиса aka Gucci Mane «Right on time» и Келвина Бродуса aka Snoop Dogg «On time» мы видим использование приема повтора и эпифоры для усиления эмоциональной окраски и акцентирования внимания на фразе, пронизывающей всю песню, которая подчеркивает, что рэпер делает все точно вовремя. Согласно дефиниции в Кембриджском словаре, данное выражение значит «used to describe something that arrives, happens, or is done when it should and is not late» (Cambridge Dictionary).

Для вторых мы можем привести пример рэп-текстов Public Enemy и French Montana. У американской хип-хоп группы из Лонг-Айленда в песне «Race Against Time» повторяется выражение «running outta time». Само название уже несет отрицательную коннотацию и может переводиться как «гонка со временем», которую человек заведомо проигрывает, поскольку он «running outta time» – лишен этого ресурса. Согласно дефиниции из словаря Мерриам Вебстер данное выражение значит «to have no more time to do or complete something» (Merriam Webster Dictionary). В песне Карима Харбуша aka French Montana «Don't waste my time» также можно наблюдать прием повтора фразы «waste time», несущей отрицательную оценку, «a bad use of time» (Merriam Webster Dictionary). Таким образом, достигается усиление смысловой и эмоциональной составляющей текста, а поскольку рэп считается поэтическим текстом, то также используется для экспрессивности и заметности для слушателя.

Концептуальное деление рэп-текстов является унифицированным как для русской, так и для западной лингвокультур, однако вербализация культурного кода времени имеет свою специфику. И поскольку на сегодняшний день не существует единого определения концепта «время», дать точную характеристику невозможно в связи с природой базового понятия. Однако, подобное проблемное поле способно коррелировать с различными семантическими группами, через которые оно и получает характеристику. Зачастую данные группы связаны со сферами

деятельности человека: политической, духовной, социальной и именно последняя является ключевой в предметном образном ассоциативном ряду рэп-лирики.

Библиографический список

1. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19. Режим доступа: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_01krasnych.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

Источники

1. *Баста*. Время догонит нас [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teksty-pesenok.ru/rus-basta/tekst-pesni-vremya-dogonit-nas-ft-moscow-gospel-/6808069/> (дата обращения: 05.05.2023).

2. *Гуф*. Сегодня-завтра [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://genius.com/Guf-today-tomorrow-lyrics> (дата обращения: 05.05.2023).

3. *Cambridge Dictionary* [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 05.05.2023).

4. *Merriam Webster Dictionary* [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 05.05.2023).

METHODS OF REALIZING THE TEMPORARY CULTURAL CODE IN THE TEXTS OF RUSSIAN AND WESTERN RAP ARTIST

E.S. Chervyakova

Kuban State University, Krasnodar

These theses are devoted to research in the field of the temporal code of culture and its realization in the texts of American and national rap singers. Through the method of continuous sampling, rap texts containing the «time» component are selected and the change in its connotation and functional application within a certain subculture is monitored.

Key words: rap text, subculture, concept, hip-hop, genres.

Об авторах:

Червякова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lenkin_666@mail.ru.

УДК 811.112.2

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ О МИГРАЦИИ)

Г.М. Чопсиева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Данная статья посвящена анализу лексических средств выражения темпоральности в немецкоязычном медиадискурсе. Анализ немецкоязычных публикаций позволил выявить сложные существительные с временным значением, относящимся к миграционной терминологии. В статье описаны примеры, демонстрирующие выражение темпоральности посредством существительных, наречий и прилагательных с временным значением.

Ключевые слова: лексические средства, темпоральность, время, медиадискурс, миграция, мигрант.

Европейский миграционный кризис 2015 года является одним из важных событий в истории Европы, в частности Германии. Прибытие большого количества мигрантов из Ближнего Востока способствовало росту социальной напряженности и увеличению количества публикаций СМИ, освещающих тему миграции и интеграции мигрантов в немецкое общество. Данные факторы способствовали появлению нового самостоятельного «миграционного дискурса», который представляет собой социальную практику коммуникации участников социального и политического феномена – миграции [Шустова, 2018, с. 120]. Детальный анализ публикаций СМИ предполагает выделение «миграционного медиадискурса», под которым понимается совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в массовой коммуникации, направленных на освещение и трансляцию обществу актуальных вопросов миграции. В процессе текстового анализа учёными исследуется временной контекст описываемого события, т.е. в каком временном контексте

рассматриваются события и почему, имеет ли освещаемая тема отношение к текущему времени или к прошедшим событиям [Лущинская 2021, с. 475]. В связи с вышесказанным следует сделать вывод об *актуальности изучения* категории темпоральности. Несмотря на то, что грамматическими средствами категории времени в немецком языке являются временные формы глаголов, описать временную соотнесенность момента порождения высказывания и времени протекания события позволяют именно лексические средства [Габдракипова, 2009, с. 826].

Цель настоящего исследования заключается в анализе лексических средств выражения темпоральности в немецкоязычном медиадискурсе.

Материалом исследования послужили примеры, выбранные из публикаций немецкоязычных газет и журналов «*Süddeutsche Zeitung*», «*Der Spiegel*», «*Die Zeit*», представленных в газетном корпусе IDS-Korpora.

В ходе анализа статей онлайн-газет и журналов Германии из газетного корпуса IDS-Korpora были обнаружены следующие лексические средства выражения темпоральности в немецкоязычном миграционном дискурсе: существительные с временным значением, определяющим фазовые интервалы миграции («*Zeit*», «*Jahr*», «*Monat*», «*Woche*», «*Tag*», «*Samstag*», «*November*» и т.д.) и наречия, уточняющие временную характеристику события («*heute*», «*damals*», «*zugleich*», «*immer*», «*oft*» и т.д.). В настоящей статье представлены примеры употребления данных лексических средств.

Проведённый анализ позволил выявить ряд сложных существительных с временным значением.

– «*Migrationszeit*» обозначает период миграции и не имеет временных границ:

«*Schulschwierigkeiten ausländischer Kinder während der Migrationszeit und nach der Rückkehr in die Heimat*» (IDS-Korpora: *Süddeutsche Zeitung* 2016).

– «*Migrationswoche*» обозначает проводимую в некоторых городах Германии неделю мероприятий, которая посвящена обсуждению проблем миграции и мигрантов:

«*Das Quartiersprojekt Hamm der Caritas im Norden plant im Rahmen der Migrationswoche eine Podiumsdiskussion zum Thema Soziale Teilhabe von Neuhamburger:innen*» (IDS-Korpora: *Der Spiegel* 2021).

– «*Flüchtlingstag*»; «*Migrantentag*», «*Migrationstag*». Данный ряд лексических единиц означает определенный день в году, посвященный мигрантам и беженцам, и отражает важность проблем мигрантов:

«Zum **Migrationstag** kamen Menschen aus vielen verschiedenen Nationen ins Leichlinger Bürgerhaus» (IDS-Korpora: Süddeutsche Zeitung 2016).

В следующих примерах посредством существительных с временным значением, содержащих временные уточнители, происходит относительная конкретизация действия во времени. Использование существительных «Jahr», «Monat» и причастия прошедшего времени «*vergangen*» привлекает внимание читателей к прошедшим событиям, требующим внимания и анализа.

«Einige Städte (Flüchtlinge) haben Angst. **Im vergangenen Jahr** gab es 3500 Anschläge auf Flüchtlinge» (IDS-Korpora: Der Spiegel 2017).

В примере ниже отмечается абсолютная конкретизация времени в будущем с помощью указания точной даты планируемого мероприятия:

«Flüchtlinge in Wolfratshausen wollen der Stadt etwas zurückgeben: Unter dem Motto “Asylbewerber helfen” laden sie **am Samstag, 26. November**, ins Integrationszentrum am Obermarkt 7 ein» (IDS-Korpora: Süddeutsche Zeitung 2017).

В группу лексических средств выражения темпоральности входят также наречия, уточняющие временную характеристику события («*heute*», «*damals*», «*derweil*», «*wochenlang*», «*immer*», «*oft*» и др.). Наречие «*heute*» в комплексе с глаголом в настоящем времени иллюстрирует актуальность проблемы миграции на момент публикации статьи.

«Die illegale Migration ist **heute** ein extrem wichtiges Thema» (IDS-Korpora: Die Zeit 2018).

Наречие «*damals*» в сочетании с существительным «*Sommer*» и указанием года 2015 даёт отсылку на событие двухлетней давности, описывая позитивные качества мигранта с целью формирования положительного образа мигранта.

«Der syrische Arzt, das war das Idealbild des Flüchtlings, **damals im Sommer 2015**» (IDS-Korpora: Die Zeit 2017).

В следующем примере с помощью наречия «*derweil*» очерчивается временная локализация события, указывающая на значимость проблем мигрантов на момент публикации статьи:

«Andere, besonders schutzbedürftige Menschen bleiben **derweil** in Gefahr und Not zurück» (IDS-Korpora: Die Zeit 2021).

Наречие «*wochenlang*», указывающее на временную протяженность, отражает уровень волнений в обществе, в связи преступностью мигрантов.

«In Chemnitz wird ein Mann erstochen. Als Täter werden zwei Flüchtlinge ausgemacht. Die Tat hält die deutsche Öffentlichkeit **wochenlang** in Aufruhr» (IDS-Korpora: Die Zeit 2020).

Указание на актуальность и повторяемость событий или проблем, освещаемых в СМИ, осуществляется в немецкоязычном медиадискурсе с помощью наречий «oft» и «immer». Частица «schon» в следующем примере усиливает значение наречия *immer*, подчеркивая продолжительность обсуждаемой темы беженцев в обществе:

«*Flüchtlinge gelten als Bedrohung – überall und immer schon sagt der Historiker Andreas Kossert*» (IDS-Korpora: Der Spiegel 2020).

«*Die Frage, ob Flüchtlinge krimineller seien als Deutsche, wird oft diskutiert*» (IDS-Korpora: Die Zeit 2019).

Категория темпоральности в немецкоязычном медиадискурсе связана с описываемым контекстным временем, как настоящим, так и прошедшим. В немецких медиатекстах распространена миграционная терминология с компонентом, имеющим временное значение («*Migrationszeit*», «*Migrationswoche*», «*Flüchtlingstag*», «*Migrantentag*», «*Migrationstag*»). Категория темпоральности представлена такими лексическими средствами как существительные с временным значением («*Zeit*», «*Jahr*», «*Monat*», «*Sommer*» и др.) и наречия с уточняющим временным значением. Группа наречий с временным значением подразделяется на следующие группы: наречия, уточняющие временную локализацию события, указывают на важность событий, связанных с миграцией, на момент публикации статьи («*heute*», «*damals*», «*derweil*»); наречия, описывающие временную протяженность события («*wochenlang*»), акцентируют внимание на длительности последствий миграции; наречия, выражающие кратность события («*immer*», «*oft*»), отражают актуальность и повторяемость событий, связанных с миграцией.

Библиографический список

1. Габдракипова Р.З. Темпоральность и таксис в немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 824–827.

2. Луцинская О.В. Репрезентация дискурс-категории «время» в американском медийном дискурсе (на примере материалов сайта «USA Today») // Журналістыка 2021: стан, праблемы і перспектывы. 2021. С. 474–479.

3. Шустова С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 2. С. 114–125

Источники

1. IDS-Korpora. Leibniz Institut für deutsche Sprache (IDS). Режим доступа: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (дата обращения: 28.03.2023).

ÜBER LEXIKALISCHE AUSDRUCKSMITTEL DER TEMPORALITÄT IM MEDIENDISKURS (BASIEREND AUF DEUTSCHSPRACHIGEN MEDIENPUBLIKATIONEN ÜBER MIGRATION)

G.M. Tschopssiewa

Südliche Föderale Universität, Rostow am Don

Dieser Artikel ist der Analyse lexikalischer Ausdrucksmittel der Temporalität im deutschen Mediendiskurs gewidmet. Die Analyse von deutschen Artikeln ermöglichte es, eine Reihe von Komposita mit temporaler Bedeutung zu bestimmen, die zur Migrationsterminologie gehören. Im Artikel werden die Beispiele beschrieben, die den Ausdruck der Temporalität durch Substantive, Adverbien und Adjektive mit temporaler Bedeutung demonstrieren.

Schlüsselwörter: lexikalische Mittel, Temporalität, Zeit, Mediendiskurs, Migration, Migrant.

Об авторах:

Чопсиева Гюльсум Мамед кызы – аспирант кафедры немецкой филологии Южного федерального университета; e-mail: chopsieva@sfnu.ru.

УДК 811.812

КРИТЕРИЙ ВРЕМЕНИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕОЛОГИЗМОВ

Х.А. Шайхутдинова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара

В статье рассматривается критерий времени, актуальный для неологизмов. Дается анализ подходов разных исследователей к

феномену критерия времени и связанного с ним критерия новизны – наиболее актуальных для признания статуса нового слова как неологизма. Критерий времени проявляется при исследовании неологизма в момент его появления, становления и функционирования.

Ключевые слова: неологизм, критерий времени, критерий новизны, лексикографическая фиксация, словари неологизмов.

1990-е годы характеризуются активным появлением новых слов в немецком языке. Среди самых распространенных способов номинации следует отметить заимствование, словосложение и семантическую деривацию.

Наиболее важными критериями отграничения неологизмов от устоявшегося пласта лексики являются: 1) критерий времени, 2) критерий новизны, 3) критерий вхождения в язык, или узуальность, 4) критерий лексикографической фиксации неологизма в толковых словарях.

Наиболее релевантным из всех критериев является критерий времени, который тесно связан с критерием новизны. Новизна слова обязательно должна ощущаться носителями языка. Поэтому вопрос о критерии времени является, по мнению Е.В. Розен, самым существенным [Розен 1976] и представляется довольно проблематичным для всех исследующих неологизмы лингвистов [Herberg 1988; Teubert 1998 и др.]. Но насколько новым должно быть новое значение, чтобы считаться неологизмом? Когда оно утрачивает свою новизну? Через 10, 20, 50 лет? Как точно установить время появления и распространения нового слова или значения?

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «понятие неологизма исторично и относительно» [Головин 1973, с. 90], и вслед за Н.З. Котеловой считаем, что неологизмы представляют собой «новые слова какого-либо периода по отношению к какому-нибудь из предшествующих периодов, т.е. такие слова какого-либо периода, которых не было в предшествующий период» [Котелова 1978, с.14]. Исходя из этого подхода, в русском языке инвентаризация неологизмов и время их появления исчислялась десятилетиями. Соответственно формировались картотеки новых слов 60-х, 70-х, 80-х годов и т.д. В 6-томном «Словаре современного немецкого языка» под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейниц («Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache») были представлены в качестве неологизмов все слова, появившиеся в восточной Германии после 1945 года [WdG. 1961–1977].

В современном электронном словаре неологизмов немецкого языка, размещённом на портале OWID в 2004 г. при участии IDS (IDS – Институт немецкого языка в Мангейме), критерий времени также представлен десятилетиями, а именно: 90-er – 90-е годы, Nuller – «нулевые», Zehner – «десятые». Заметим, что в электронном словаре неологизмов OWID содержится 1882 словарных статьи с полным лексикографическим описанием, из которых: 1022 – неологизмы 1990-х гг., 688 – начала 2000-х и 172 – 2010-х гг. [Иванова, Григорьева, 2020].

Следует также отметить, что одним из методов установления новизны и времени появления слова в языке может служить сравнительный анализ разных изданий одного и того же словаря, например, словаря Дуден (*Duden. Deutsches Universalwörterbuch A – Z*). Отсутствие слова или нового значения слова в предыдущем издании и его обнаружение в последующих изданиях может сигнализировать о появлении неологизма или нового значения слова за истекший период после очередного издания словаря. Однако этот метод требует дальнейшей проверки, поскольку отсутствие слова в каком-либо издании может быть вызвано технической ошибкой.

В некоторых случаях можно совершенно точно назвать, когда слово стало употребляться в языке. Например, новое слово «Elchtest» – «тест на безопасность новой марки автомобиля при маневрировании на большой скорости без применения тормозов с целью избежать столкновения с внезапно появившимся на дороге объектом» – впервые было употреблено 21 октября 1997 г. и стало известно уже через несколько дней во всей Германии благодаря СМИ. Этот термин впервые был употреблен при испытании технических данных новой малогабаритной марки автомобиля Mercedes-Benz на шведском аэродроме, при котором этот автомобиль при резком повороте на большой скорости опрокинулся и, соответственно, не выдержал тест на устойчивость. В беседе журналистов с водителем-испытателем Робертом Коллинзом было упомянуто в связи с этим фактом слово «Elchtest» (поскольку часто на дорогах в Скандинавии внезапно появляются именно лоси). Это новое слово распространилось с мгновенной скоростью: «*Vor drei Tagen wußte Deutschland noch nicht, was ein Elchtest ist*» (*Berliner Zeitung*, 01.11.1997). Появились выражения «*etwas hat den Elchtest bestanden*» / «*etwas hat den Elchtest nicht bestanden*». Быстрому распространению слова способствовала, с одной стороны, образная сила слова, с другой стороны, то обстоятельство, что этот тест стал обязательной частью испытания любой новой марки автомобиля и входит в описание его технической характеристики (международный стандарт ISO 3888-2).

Новизна экстралингвистически обусловленных неологизмов всегда безошибочно распознается носителями языка. Однако не всегда можно точно определить время появления неологизма. Но следует отметить, что с момента создания электронного словаря оперативная фиксация употреблений новых слов в разных источниках облегчает возможность отслеживания времени «рождения» того или иного нового слова.

Критерий времени может своеобразно проявляться у так называемых «функциональных неологизмов», под которыми В.Г. Гак понимает слова, существовавшие в языке ранее и ожившие в наши дни в своем прежнем значении [Гак 1983, с. 17]. В качестве примера приведём слово «Frustration», известное ранее как термин в психологии, а сегодня широко употребляемое в общеупотребительном языке в значении «*Ärger, Enttäuschung, schlechte Laune*» и развившее целое гнездо родственных слов: «Frust», «frustrieren», «frustrierend», «frustriert», «frustrant»: «*Wenn ich nur daran denke, packt mich der Frust. Nach dem Streit bin ich total gefrustet*». В данном случае критерий времени и новизны имеет относительный характер и делает возможным «оживление» слова лишь за счет расширения функциональной сферы его употребления.

Известно, что классификация неологизмов в электронном словаре представлена двумя классами: неолексемы и новые значения слов, или неосемантизмы. Если новизну и время появления неолексем в языке возможно так или иначе проследить, то у семантических неологизмов, являющихся самой малочисленной группой (около 8% от всех неологизмов), эта задача представляется сложной.

Под семантическими неологизмами понимают такие новые значения уже функционирующих в языке слов, которые стали узуальными и нашли отражение в одноязычных толковых словарях. Заметить появление нового значения у слова сложнее, чем появление неолексем, поскольку первые в отличие от новых слов имеют только новое значение, а форматив остается прежним.

В этом случае плодотворным окажется диахронный анализ, включающий в себя изучение всех значений в его семантической структуре вплоть до его этимологического значения. Как правило, этимологическое значение слова не хранится в языковой памяти носителей языка, а обнаруживается при его исследовании с помощью этимологических словарей. В то же время, знание этимологического значения играет огромную роль в выяснении мотивированности нового значения. При появлении нового значения у слова исследователь всегда пытается понять, каким образом стало возможно

его развитие в рамках исследуемого слова и какие скрытые ресурсы в семантике слова явились «ростками» для формирования нового значения и его оформления в отдельный лексико-семантический вариант. Ибо известно, что новое значение не появляется спонтанно на пустом месте. Скрытые в семантической структуре слова потенции становятся благодатной почвой для словотворчества и создания новых значений благодаря помещению слова в новый контекст употребления.

Ретроспективный анализ этимологического значения производящего слова и исследование семантики новых значений некоторых слов латинского происхождения привели автора к выводу, что новое значение слова представляет собой не что иное, как «ожившее» этимологическое значение. Подобное «оживление» особенно ярко проявляется в словах латинского происхождения («*der Primus*», «*der Inkubator*»). Анализ употребления латинских слов в новых значениях и в новых контекстах свидетельствует о том, что развитие словарного состава языка происходит по спирали: некогда забытое этимологическое значение «оживает» благодаря актуализации скрытого этимологического значения в новом контексте, как правило, при метафорическом употреблении слова, и раскрывает новые грани слова. В данном случае одновременно действуют два языковых механизма: с одной стороны, образное переосмысление исходного производящего значения, и, с другой стороны, – актуализация потенциального семантического признака, скрытого в структуре этимологического значения.

Таким образом, критерий времени и связанный с ним критерий новизны при исследовании неологизмов следует рассматривать с разных перспектив, и в некоторых случаях не только в синхронном, но и диахронном аспекте.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. С. 15–29.
2. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1973. 320 с.
3. Иванова Т.К., Григорьева Л. И. Немецкая лексикография: между классикой и цифрой // Современная германистика и западноевропейская литература. Коллективная монография. Выпуск 2. Отв. Редактор А.В. Иванов. Москва. Флинта, 2020. С. 196–215.

4. *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5–26.

5. *Розен Е.В.* Лексика немецкого языка сегодня. М.: Высшая школа, 1976. 127 с.

6. *Herberg D.* Neologismen – lexikologisch und lexikographisch betrachtet // Sprachpflege, 1988. 8. S. 109–112.

7. *Teubert W.* Korpus und Neologie // Tübingen: Günter Narr Verlag, 1998. S. 129–169.

8. *WdG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: In 6 Bänden / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz.* Berlin: Akademie-Verlag, 1961–1977.

Источники

1. Berliner Zeitung vom 01.11.1997. Режим доступа: <https://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/list/title/zdb/26120215/> (дата обращения: 06.05.2023).

DAS KRITERIUM DER ZEIT BEI DER NEOLOGISMENFORSCHUNG

H.A. Shaikhutdinova

*Samaraer Filiale der Moskauer Städtischen Pädagogischen Universität,
Samara*

Der Artikel betrachtet das für Neologismen relevante Kriterium der Zeit. Analysiert werden die Herangehensweisen verschiedener Forscher an das Phänomen des Zeitkriteriums und das damit verbundene Neuheitskriterium – die relevantesten Kriterien für die Anerkennung des Status eines neuen Wortes als Neologismus. Das Kriterium der Zeit manifestiert sich bei der Erforschung des Neologismus zum Zeitpunkt seiner Entstehung, seines Werdegangs und Funktionierens in der Sprache auf unterschiedliche Weise und kann aus verschiedenen Perspektiven betrachtet werden.

Schlüsselwörter: Neologismus, Zeitkriterium, Neuheitskriterium, lexikographische Fixierung, Wörterbücher der Neologismen.

Об авторах:

Шайхутдинова Халида Абдрахмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков

Самарского филиала Московского городского педагогического университета, e-mail: lida_sch@mail.ru.

УДК 82-31:811:115

МИКРОСИСТЕМА «ВРЕМЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РОМАНА Г. БЁЛЛЯ «ГЛАЗАМИ КЛОУНА»

О.Ю. Щибря

Кубанский государственный университет, Краснодар

Современная лингвистика текста представляет собой сложное исследовательское поле, в рамках которого применяются различные подходы по выявлению и интерпретации релевантных параметров художественного текста как особого ментально-вербального конструкта.

Ключевые слова: художественный текст, когниция, когнитивный подход, авторское сознание, языковая личность, время.

Проблема исследования времени и пространства в условиях формирования модели современной лингвокогнитивистики не теряет актуальности. Полагаем, что к числу приоритетных вопросов, рассматриваемых в данной лингвистической парадигме, относится выбор исследовательских методик, которые необходимы для когнитивного анализа вербальной картины мира индивида. Роль времени в формировании картины мира трудно переоценить, будь то культурно-языковое (В.И. Карасик, И.А. Стернин, Д.С. Лихачев) или логическое (Е.С. Кубрякова и др.) направление лингвокогнитивистики, в рамках которого изучается картина мира. Часто время в гуманитарных науках определяется исключительно продуктом деятельности сознания, необходимым человеку для организации процесса постижения когниции [Гуссерль 1995, с. 14].

Художественный текст неотделим от своего создателя, творца – особой языковой личности, чья когнитивно-ментальная система, аксиологические основы бытия и опыт посредством арсенала семиотических единиц национального языка нашли своё отражение, воплотившись в особую уникальную структуру. В рамках когнитивной парадигмы художественный текст воспринимается как сложный знак, который выражает знания автора об окружающей его

действительности, воплощенные в его художественных произведениях в виде индивидуально-авторской картины мира.

Когнитивный подход в исследованиях художественной литературы указывает на изучение широких связей, которые существуют между тем, что выражено и накоплено в языке, в его «поверхностной» репрезентации, и тем, что скрыто от наблюдения в глубинах сознания человека и составляет внутреннюю, невидимую часть. Данный аспект наиболее важен для понимания процессов и механизмов человеческой когниции в моменты литературно-художественного творчества. Вербализованные продукты эстетического познания представляют особый ментальный лексикон, состоящий из концептов, отражающих сущность творческой личности.

Полагаем, что характеристика лексики является чрезвычайно существенной, ибо лексика художественного произведения лучше других уровней демонстрирует целенаправленность её использования и, следовательно, ярче всего выражает отношение автора.

В процессе создания любого художественного произведения автор решает всё время важную задачу – «подчинить материал выражению времени, найти такой эквивалент, который позволил бы сделать изображаемое соизмеримым со временем человеческой жизни» [Афанасьева 2004].

Время и пространство – важнейшие проявления действительности, с которыми взаимодействует человек. Язык определяет познавательную деятельность человека и обладает спецификой отображения объективного физического времени и пространства. Художественное произведение как «субъективный образ объективного мира» охватывает определенные отрезки времени и пространства, ибо создание его предполагает процесс «формирования». Прежде всего, этот уникальный процесс связан с временным фактором как основным формирующим компонентом композиции.

В моделировании художественного времени в произведении наибольшую функциональную нагрузку несут лексические средства, отражающие авторское восприятие и авторскую концепцию времени. Особо нужно выделить темпоральную лексику, передающую временные отношения. Лексические группы слов, относящиеся к полю времени, соответствуют пониманию автором времени как линейного процесса. Как правило, это слова со значением временной протяженности, показатели кратковременности, названия определенных временных отрезков и т.д.

1. «An manchen Tagen, wenn es kalt war, gingen wir schon früher hin. Marie nahm an dem Kochkurs teil, und ich saß in der Garderobe neben einem elektrischen Heizöfchen und las» (Böll 1996, S. 160).

2. «An diesem Morgen kam mir die Küche, die ich so gut kannte, zum ersten Mal alltäglich vor» (Böll 1996, S. 53).

3. «An diesem Morgen in ihrem Zimmer wäre ich am liebsten liegengeblieben und wünschte, sie würde nie mit Anziehen fertig» (Böll 1996, S. 51).

4. «Um diese Zeit war nur Anna in der Küche» (Böll 1996, S. 60).

5. «Aber er merkte nichts, lauschte nur einen Augenblick an der Tür und ging nach oben» (Böll 1996, S. 46).

6. «Einmal fiel ihr mitten in einem Tennismatch der Schläger aus der Hand, sie blieb auf dem Platz stehen und blickte träumend in den Himmel, ein anderes Mal ließ sie während des Essens den Löffel in die Suppe fallen» (Böll 1996, S. 30).

В романе «Газами клоуна» последовательность событий в основном представлена обозначением времени суток, что объяснимо особенностями авторского повествования о героях, когда автор до мелочей представляет весь день своих персонажей. Одна из особенностей темпоральной структуры романа – указание не только на год, месяц, неделю, но и уточнение часа события.

Необходимо обратить внимание на неравномерность течения художественного времени, которое создается за счет его замедления или убыстрения. Медленное течение возникает, когда автор прерывает повествование описаниями природы или дает характеристику внешности героев.

Также выделим группу глаголов движения. Повторяясь в отдельных эпизодах романа, глаголы движения как бы структурируют текст, им принадлежит ведущая роль в изображении убыстренного времени.

«Fünf Jahre lang bin ich fast jeden Tag irgendwo abgefahren und irgendwo angekommen, ich ging morgens Bahnhofstreppen rauf und runter und nachmittags Bahnhofstreppen runter und rauf, winkte Taxis heran, suchte in meinen Rocktaschen nach Geld, den Fahrer zu bezahlen, kaufte Abendzeitungen an Kiosken und genoss in einer Ecke meines Bewusstseins die exakt einstudierte Lässigkeit dieser Automatik» (Böll 1996).

Таким образом, глаголы движения связаны с течением времени и жизни героя как на языковом, так и на концептуальном уровнях.

Подчеркнем, что особую роль в создании художественного времени играет глагольное время. Здесь необходимо учитывать отношение последовательности и одновременности, предшествования

и следования. Полагаем, что основными средствами выражения временных и пространственных отношений в данном романе являются глагол и его категории, наречия, придаточные предложения. Смена временной формы является сигналом перехода к другому временному плану. Чередование плюсквамперфекта и претерита в данном романе подтверждает обусловленность синтаксической связи композиционными особенностями романа. Также на синтаксическом уровне в формировании концепта времени участвуют придаточные предложения с временными подчинительными союзами, при помощи которых характеризуется временной признак главного предложения.

Приведем примеры:

Текст 1: «Mir ging viel durch den Kopf, während ich Marie beim Ankleiden zusah. Es machte mich froh und auch unglücklich, wie selbstverständlich für sie ihr Körper war. Später, als wir miteinander von Hotel zu Hotel zogen, war ich morgens immer im Bett geblieben, um ihr zusehen zu können, wie sie sich wusch und anzog, und wenn das Badezimmer so ungünstig lag, dass ich ihr vom Bett aus nicht zusehen konnte, legte ich mich in die Wanne. An diesem Morgen in ihrem Zimmer wäre ich am liebsten liege geblieben und wünschte, sie würde nie mit Anziehen fertig. Sie wusch sich gründlich Hals, Arme und Brust und putzte sich eifrig die Zähne. Ich selbst hatte mich immer möglichst vor dem Waschen am Morgen gedrückt, und Zähneputzen ist mir immer noch ein Greuel. Ich ziehe die Badewanne vor, aber ich sah Marie immer gern dabei zu, sie war so sauber und alles so selbstverständlich, sogar die kleine Bewegung, mit der sie den Deckel auf die Zahnpastatube schraubte» (Böll 1996, S. 51).

В данном отрывке для передачи временной последовательности использованы самые разные лексико-грамматические средства.

Единство временной перспективы выражено в тексте однозначным планом прошедшего времени – претеритом, а исчерпанность временного промежутка – плюсквамперфектом. На точные временные вехи указывают в данном отрывке текста следующие предлоги и наречия: «während», «später»; «morgens», «immer», «an diesem Morgen», «sogar». Длительность и одновременность действия вполне предсказуемо подчеркивается здесь и в предложном сочетании.

Интересно подчеркнуть, что при однотипном грамматическом времени дополнительные показатели временной последовательности часто нейтрализуют форму глаголов и оказываются семантически сильнее, чем сама форма. Последовательность в изложении фактов и их связь между собой фиксируются, что важно, синсемантическими

элементами именно указательного поля, например, личным местоимениями типа: «mir» – «ich», «sie» – «ihr», или указательным местоимением: «an diesem Morgen» – «am Morgen».

Текст 2: «Sie wickelt sie abends in nasses Zeitungspapier, stochert morgens die Glut hoch und entfacht mit Holz und frischen Briketts das Feuer. Ich hasse diesen Geruch von Brikettasche, der morgens in den Straßen hängt und an diesem Morgen in der muffigen, kleinen Küche hing. Es war so eng, dass Marie jedes Mal, wenn sie den Kaffeetopf vom Herd nahm, aufstehen und den Stuhl wegschieben musste, und wahrscheinlich hatten ihre Großmutter und ihre Mutter es genauso machen müssen. An diesem Morgen kam mir die Küche, die ich so gut kannte, zum ersten Mal alltäglich vor. Vielleicht erlebte ich zum ersten Mal, was Alltag ist: Dinge tun müssen, bei denen nicht mehr die Lust dazu entscheidet. Ich hatte keine Lust, dieses enge Haus je wieder zu verlassen und draußen irgendwelche Pflichten auf mich zu nehmen; die Pflicht, für das, was ich mit Marie getan hatte, einzustehen, bei den Mädchen, bei Leo, sogar meine Eltern würden es irgendwoher erfahren» (Böll 1996, S. 53).

Единство временной перспективы в данном отрывке представлено однотипным временным планом, относящимся к прошлому. Именно он предопределяет употребление морфологических средств связи, к примеру, таких, как временная глагольная форма претерит. Данная грамматическая форма времени создает общий фон повествования в прошлом, являясь для немецкой художественной прозы общепринятой формой повествования. Стилистическая функция применения данной формы сводится к тому, чтобы создать определенную дистанцию читателя по отношению к изображаемым событиям. Относя все повествования в данном эпизоде к плану прошедшего времени, претерит, однако, не выражает достаточно четко временной последовательности.

Порядок протекания действий, поступательное движение повествования обуславливают то, что связь между предложениями осуществляется языковыми средствами именно лексико-грамматического поля «времени». К примеру, непосредственное развёртывание событийного процесса во временной последовательности осуществляется в тексте романа преимущественно такими обстоятельствами времени, как «dann», «früher», «später», «morgens», «jedesmal», «jetzt».

Уточнение времени действий, «временная локализация», выражена наречиями «abends», «morgens», «jetzt», союзным наречием «dann», которые подчёркивают длительность интервала между действиями. Порядок протекания действий и точность информации

конкретизируются наречными сочетаниями. Все перечисленные средства находятся в сильной позиции по сравнению с претеритом.

Таким образом, индивидуально-авторские особенности в содержании концепта «время» актуализированы лексическими и грамматическими средствами, а также являются конструктивным элементом образной системы и важным элементом авторской языковой действительности.

Библиографический список

1. *Афанасьева О.В.* Особенности лексической репрезентации художественного концепта (на примере концепта времени в произведении Р.М. дель Валье-Инклана «Весенняя соната») // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского государственного университета: Труды и материалы. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2004. С. 43–44.

2. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Вентури, 1995. 255 с.

3. *Гей Н.* Эстетическая ценность и художественный метод // Известия АН СССР Серия ЛиЯ. Т. XXVIII. Вып. 1. 1969. С. 24–38.

4. *Диброва Е.И.* Пространство текста в композитном членении // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й Международной конференции. М.: 1999. С. 91–138.

5. *Жеребков В.А.* Грамматическая категория времени в системе немецкого глагола: автореф. дис...д-ра наук. Л., 1972. 40 с.

Источники

1. *Бёль Г.* Глазами клоуна: Роман, повести / Пер. с нем. Л.Б. Чёрной. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 416 с.

2. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. Verl., Kiepenheuer&Witsch, Köln, 1996. 248 S.

THE MICROSYSTEM «TIME» IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN H. BÖLL'S ROMAN «THE CLOWN»

O.Yu. Shchibrya

Kuban State University, Krasnodar

A literary text, from the point of view of the cognitive linguistics, is analyzed as a way of fixation and translation of the author's individual consciousness, so the problem of identifying the author's personal sense is directly related to the problem of understanding a literary text. The modern text linguistics is a complex researching field which deals with different approaches of identifying and interpreting the relevant features of a literary text as special mental-verbal constructs. In this article we have tried to identify the processes and mechanism of the individual author's cognition during the creation of literary-artistic work.

Key words: fiction text, cognition, cognitive approach, author's consciousness, linguistic personality

Об авторах:

Щибря Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: shchibryao@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Аглеева З.Р.</i> Способы репрезентации категории времени в произведениях В.Н. Татищева	5
<i>Адлейба Л.Ф.</i> Сопоставительный анализ идиом в немецком, русском и абхазском языках	11
<i>Анохина А.А.</i> Память и нарратив в произведениях современных авторов- мигрантов в Германии	15
<i>Баева Г.А.</i> Разговорники и учебные пособия как источники социокультурных коммуникативных практик отдаленной эпохи	19
<i>Balabanov A.T.</i> Zum Problem der Beeinflussung der grammatischen Eigenschaften von deutschen Phraseologismen durch Semantik	22
<i>Бейм В.В.</i> Языковые средства выражения проспекции в текстах немецких гороскопов	28
<i>Бирр-Цуркан Л.Ф.</i> Роль онимов как прецедентных имен в создании колорита эпохи (на примере романа Флориана Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts»)	33
<i>Боднарук Е.В.</i> Репрезентация футуральной семантики в немецком и русском языках	38
<i>Большакова Т.М.</i> Функции маркеров темпоральности в школьном нормативном дискурсе (на материале немецкого языка)	43
<i>Буркова О.И.</i> Понятие «культура» в межкультурном временном пространстве	46
<i>Буянова Л.Ю.</i> Художественное время как репрезентация личностного хронотопа	49
<i>Бычков С.С.</i> Маркеры времени в «Слове о полку Игореве» в аспекте перевода	53

<i>Внук Т.В.</i>	
Феномен «время» во фразеологии немецкого и русского языков	60
<i>Горбатовский А.С.</i>	
Лексико-семантические особенности выражения времени в композиционной структуре романа Ф. Иллиеса «1913. Der Sommer des Jahrhunderts»	64
<i>Данилова Е.Р., Чернова Н.Р.</i>	
К вопросу о сходстве и различии этимологии и семантической структуры лексем «время» и «Zeit»	71
<i>Донина О.В.</i>	
Время в криптоклассном измерении	78
<i>Журавлева Т.П.</i>	
Индивидуально-авторское восприятие пространства и времени на примере произведений Г. Гессе	81
<i>Зубова Т.Г.</i>	
Немецкие временные наречия «jetzt» и «nun»: контрастивный анализ	85
<i>Зуевская Е.В.</i>	
Особенности функционирования форм презенс и футурум I в немецком языке для выражения будущего (на материале художественной литературы XX-XXI вв.)	90
<i>Иванов П.Ф.</i>	
Категория художественного времени как составляющая дискурса в произведениях Гюнтера Грасса	98
<i>Калинина А.Г.</i>	
Темпоральные характеристики причастий в художественном тексте	104
<i>Кияшко В.А.</i>	
Мотив ностальгии в поэзии XX века в аспекте реализации принципа Золотого сечения	109
<i>Крылова С.Г.</i>	
Обрядовость жизни как критерий определения степени «человечности» в романе У. Голдинга «Наследники»	114
<i>Крючкова Н.Н.</i>	
Категория времени и его маркеры в художественном произведении	118
<i>Кузнецова А.В.</i>	
Художественное время в нарративных стратегиях жанра	124
<i>Кулишова Н.Д.</i>	
Текст как темпоральный ресурс смыслопорождения	128

<i>Левченко М.Н.</i>	
Темпоральная архитектура романа Г. Белля «Глазами клоуна»	133
<i>Ленец А.В., Лагажан Ю.А.</i>	
К вопросу о лексической вариативности репрезентации вакцинации от COVID-19: темпоральный компонент	137
<i>Lörcher H.</i>	
Lebenslinien in Arno Geigers Roman «Das glückliche Geheimnis»	141
<i>Ломинина З.И.</i>	
Физическое и семиотическое время в экологическом пространстве	146
<i>Лучинская Е.Н.</i>	
Экзистенциальное время в постмодернистских текстах С. Беккета	149
<i>Луцинская О.В.</i>	
Реализация категории «время» в структуре текста медийного дискурса	155
<i>Manerova K.V.</i>	
Zeitmetapher als Marker der Zeitauffassung im Deutschen	162
<i>Нарбут Е.В., Михалёва В.В.</i>	
Сопоставительный анализ переводов романа Э.М. Ремарка «Die Traumbude» (темпоральный аспект)	168
<i>Новикова К.А.</i>	
Особенности вербализации энигмата «Zeit» в структуре авторского энигматического текста	174
<i>Олейник М.А.</i>	
Вариативность маркеров времени в «Правилах Ордена Бенедикта» IX-XX вв.	180
<i>Орлова Т.С.</i>	
Искаженная природа времени в романах Кадзуо Исигуро	186
<i>Повторуха Н.В.</i>	
Темпоральные фразеологизмы с метрологическим компонентом в немецком и украинском языках	189
<i>Поленова Г.Т.</i>	
Темпоральный код в диахроническом аспекте (на примере кетов и их языка)	195
<i>Радченко М.С., Карбина О.П.</i>	
Темпоральность как концептуальная категория текстов предметной области «туризм»	200

<i>Скляр Н.В.</i>	
Вербализация концепта «время» и его национально-культурная специфика (на материале немецкоязычного автобиографического произведения)	206
<i>Спачиль О.В.</i>	
Неконвенциональные способы передачи времени в художественном тексте	210
<i>Сулова Е.Г.</i>	
Реализация категории времени в книгах жанра Hausväterliteratur XVII в. на немецком языке	216
<i>Тихонова Е.С.</i>	
Обстоятельства времени в составе устойчивых словосочетаний в Старшей Ливонской рифмованной хронике	220
<i>Торорко А.О.</i>	
The concept of happiness through the lens of language and time: a cross-linguistic case study in English and German	225
<i>Kholmogorova D.M., Birr-Tsurkan L.F.</i>	
Das didaktische Potential der Serienreihe «Die Deutschen» im DaF-Unterricht	229
<i>Цветков Ю.Л.</i>	
Быстротечное и вечное в драме Гуго фон Гофмансталя «Глупец и смерть»	235
<i>Chale Z.I.</i>	
Die Kategorie der Zeit in den Werken von Ishak Maschbasch	241
<i>Червякова Е.С.</i>	
Способы реализации временного культурного кода в текстах российских и западных рэп-исполнителей	244
<i>Чопсиева Г.М.</i>	
О лексических средствах выражения темпоральности в медиадискурсе (на материале немецкоязычных публикаций СМИ о миграции)	248
<i>Шайхутдинова Х.А.</i>	
Критерий времени в исследованиях неологизмов	252
<i>Щибря О.Ю.</i>	
Микросистема «время» в языковой картине мира романа Г. Бёлля «Глазами клоуна»	258

Научное издание

ТЕКСТ – ДИСКУРС – КУЛЬТУРА

Материалы
Международной научной конференции

Краснодар, 19–20 мая 2023 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 15.06.2023. Выход в свет 21.06.2023.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Печать цифровая. Бум. тип № 1.
Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 500 экз. Заказ №5309.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.